

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

СТРЮЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА

«Геокультурное пространство Таймыра в топонимическом измерении»

1.6.13 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:

А.А. Григорьев, доктор географических
наук, профессор

Санкт-Петербург

2026

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические и методологические основы исследования.....	11
1.1. Современные представления о геокультурном пространстве	11
1.1.1. Понятие «геокультурное пространство» в XXI веке	12
1.1.2. Границы геокультурного пространства Таймыра.....	16
1.2. Топонимы как индикаторы геокультурного пространства	21
1.2.1. Обзор проблемы, связанной с отсутствием единой системы классификации топонимов	22
1.2.2. Универсальная комплексная классификация топонимов.....	24
1.2.3. Практическое применение новой классификации	29
1.3. Картографическо-статистические и другие методы сбора и анализа топонимии Таймыра	34
1.3.1. Общие методы	34
1.3.2. Полевые работы	36
1.3.3. Репрезентативная выборка топонимов	36
Глава 2. Топонимия Таймыра как отражение его геокультурных процессов.....	42
2.1. Факторы формирования геокультурного пространства Таймыра.....	42
2.1.1. Физико-географические особенности региона.....	42
2.1.2. Экономико-географические и исторические предпосылки освоения и заселения севера Средней Сибири.....	47
2.2. Общая характеристика топонимии Таймыра	61
2.2.1. Объектность топонимов Таймыра	62
2.2.2. Субъектность топонимов Таймыра	64
2.2.3. Контент топонимов Таймыра	69
2.3. Лингвогеографические индикаторы субстратной топонимии Таймыра ...	76

2.3.1. Автохтонная «пратунгусская» топонимия геокультурного пространства Таймыра	77
2.3.2. Соотношение лексем юкагирского языка с географическими объектами геокультурного пространства Таймыра	85
2.3.3. Енисейские палеоазиаты (кеты) в нематериальных памятниках геокультурного пространства Таймыра	90
Глава 3. Хронологические особенности формирования геокультурного пространства Таймыра, выявленные через его топонимию.....	97
3.1. Навигационный и мемориальный аспекты топонимии Таймыра	97
3.1.1. Навигационный аспект	99
3.1.2. Мемориальный аспект	103
3.2. Топонимическое районирование геокультурного пространства Таймыра.....	107
3.2.1. Ненецкие топонимы на карте Таймыра и их локализация.....	109
3.2.2. Эвенкийские топонимы и их значение	113
3.2.3. «Тюркизация» топонимии геокультурного пространства Таймыра..	117
3.2.4. Локализация нганасанских топонимов	121
3.2.5. Распространение восточнославянских топонимов	125
3.2.6. Затундра как культурно-географический феномен, отражённый в её топонимии	128
3.3. Шестой коренной этнос Таймыра как новый геокультурный образ	138
3.3.1. Поморская говоря – инструмент создания культурных памятников геокультурного пространства Таймыра.....	141
3.3.2. Выявленные элементы геокультурных процессов через уточнение интерпретации некоторых топонимов-палимпсестов	144
Заключение	153
Список литературы	162
Приложение А (обязательное). Ойконимы геокультурного пространства Таймыра.....	171
Приложение Б (обязательное). Словарь топонимов	173

Введение

Таймыр является самой северной частью материковой суши в мире. Суровый климат, практическая невозможность сухопутного передвижения в большом временном отрезке в течение годового цикла определили позднее в историческом и экономическом аспекте освоение территории, а круглогодичное оседлое проживание здесь датируется только началом XVII века.

Те же причины – малодоступность и жёсткий климат – явились факторами малоизученности этого региона Российской Арктики. Утверждение справедливо для всех областей науки. Возобновление научных исследований, после долгих тридцати лет перерыва, связанного с политическими и экономическими потрясениями (развал Советского Союза, нарушение экономических связей и инфраструктурных коммуникаций), обнажили наличие такой сферы научного знания о Таймыре, которая не имела системного изучения и ранее, а привлекала к себе только эпизодическое внимание исследователей в связи с иными научными изысканиями. Речь идёт о его топонимике.

Очевидно, что интерес к происхождению географических названий появляется во время активного освоения какой бы то ни было территории. Топонимы могут многое рассказать о характере взаимодействия Человека и Природы, являясь своеобразными, нематериальными следами предыдущих поколений, маркерами исторических событий и этнографической картины того или иного региона. На территории Таймыра большую роль играет также и факт полного отсутствия топонимов в некоторых его районах.

Топонимика находится на стыке трёх наук – географии, истории и лингвистики [34]. На современном этапе активного развития такого направления в географии как культурная география (или география культуры), топонимика как научная дисциплина рассматривается в качестве одной из её отраслей [22]. Что позволяет соотнести исследовательские подходы, например, в части

интерпретации геокультурного пространства и топонимии того или иного региона. Ведь для того, чтобы верифицировать значение топонима, иногда необходимо обращаться ко многим смежным областям знаний, и это не только география или история, но также и этнография, археология, биология и другие науки.

Тема исследования является **актуальной** в связи с тем, что степень изученности топонимии Таймыра является неудовлетворительной. Единственными системными исследованиями можно назвать работы доктора географических наук А.М. Малолетко, которые, в основном, касались северных отрогов плато Путорана, являющихся южной оконечностью исследуемого региона. Для побережья Северного Ледовитого океана, к которому относятся моря, омывающие северные берега Таймыра, – Карское и Лаптевых, – существуют выборочные статистические данные по географическим названиям, собранные в несколько словарей разного объёма и информационной насыщенности. Остальные немногочисленные работы носят научно-популярный характер, как правило, опирающиеся на простое перечисление возможных лексических соответствий в языках тех этносов, которые сегодня проживают на Таймыре. Запад, восток и «срединный Таймыр» не были охвачены систематическими исследованиями в области топонимики никогда.

Актуальным является и тот факт, что, по прошествии трёх десятилетий после развала Советского Союза, государство вновь вернулось в свои арктические регионы. Дальнейшее развитие и освоение Российской Арктики – самого сложного во многих смыслах региона – невозможно без учёта опыта прошлых поколений, без понимания уже сформированного геокультурного пространства, чтобы эффективно двигаться дальше.

Научная новизна заключается в том, что в рамках развития теоретических взглядов разработано понятие «геокультурное пространство природно-экстремальных регионов» как особая модель регионализма, в которой названия географических объектов выступают как единственный культурный нематериальный компонент территории; топонимическими средствами впервые

обозначено и доказано наличие русских поморов в составе старожильского русского населения Таймыра – основы современного хозяйственно-экономического освоения региона.

Цель диссертационного исследования – выявить зафиксированные в топонимии процессы формирования геокультурного пространства Таймыра, самой северной части материковой суши в мире, как модели геокультурного пространства природно-экстремальных регионов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько **задач**:

- определить хронологические закономерности заселения и освоения территории;
- структурировать природные, экономико-географические, исторические и другие факторы, повлиявшие на формирование геокультурного пространства Таймыра;
- создать рабочий инструмент для анализа нематериальных культурных памятников – топонимов геокультурного пространства Таймыра – и выявить информацию, сохранённую в них;
- проанализировать связи топонимов с социально-экономическими, этнографическими, историческими и природными процессами в регионе.

Объектом исследования является отражённое в топонимии геокультурное пространство Таймыра.

Предмет исследования – экономико-географические, исторические, этнографические и другие особенности формирования топонимии как элемента геокультурного пространства Таймыра.

Исследование обладает **теоретической значимостью**, так как по его результатам впервые проведено комплексное географическое исследование процессов регионализации геокультурного пространства в экстремальных условиях Таймыра, выявлена его эволюция и динамика. Предложена, обоснована и апробирована для пространственного анализа топонимического компонента геокультурного пространства собственная универсальная комплексная система классификации топонимов. Разработан методический инструментарий

экспедиционно-полевых исследований и формирования общего банка данных топонимического компонента на примере геокультурного пространства Таймыра. Определены и научно обоснованы границы геокультурного пространства Таймыра на основе транспортно-географической доступности территории и восприятия территории социо-региональной общностью. Установлены лингвогеографические индикаторы субстратной топонимии геокультурного пространства Таймыра. Выявлены хронологические особенности формирования геокультурного пространства Таймыра через его топонимию. Впервые проведено топонимическое районирование геокультурного пространства Таймыра.

Практическая значимость. Исследования данной работы могут учитываться при разработке различных социально-экономических программ в регионе, решении иных региональных задач с учётом внимания к традиционному природопользованию и особенностей развития современных производств. Результаты исследований данной работы могут показать фенологические ареалы в исторической ретроспективе, помочь восстановлению существовавших миграционных коридоров в биологии кочующих видов, значение этих видов и характер оленеводства на определённых исторических этапах экономического освоения территории и др. Кроме этого, систематизация и классификация топонимии геокультурного пространства Таймыра, новые данные о составляющих, оказавших воздействие на него, могут быть использованы участниками современных активных исследований, например, археологических, которые возобновились на территории с 2016 года после сорокалетнего перерыва. Также может быть использована другими специалистами в собственных исследованиях разработанная классификация топонимов.

Для реализации указанных выше задач комплексная опора в данном исследовании была сделана **на теоретические работы** учёных разных направлений – географов, историков, этнографов, лингвистов и др. Многие из них являлись признанными авторитетами в нескольких областях. Тщательно изучены труды таких специалистов как Б.Ф. Адлер, Э.Б. Алаев, Д. Дж. Андерсон, М.И. Белов, Т.И. Герасименко, Ю.Н. Гладкий, Ал.А. Григорьев, Б.О. Долгих, А.Г.

Дружинин, А.П. Дульзон, В.И. Дьяченко, Д.Н. Замятин, К.Б. Клоков, Л.А. Колпащиков, А.Г. Манаков, А.Н. Паранина, А.А. Попов, А.А. Соколова, В.Н. Стрелецкий, В.Д. Сухоруков, В.А. Туголуков, Л.П. Хлобыстин и др., в том числе топонимистов-географов А.М. Малолетко, Э.М. Мурзаев и др.

В связи с отсутствием информации по некоторым аспектам освоения севера Средней Сибири в дореволюционный и послереволюционный период, помимо изучения отчётов немногочисленных исследователей Таймыра (Х.П. Лаптев, А.Ф. Миддендорф, П.М. Сотников, П.И. Третьяков и некоторых других), проделана соответствующая работа в различных архивах страны – по изысканию документов и зафиксированных в них данных, относящихся к соответствующим периодам. Среди них – Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Таймырский окружной архив (ТОА), Государственный архив Томской области (ГАТО), Российский государственный архив экономики (РГАЭ) и др.

Большую помощь оказали носители языков северных народов, населяющих Восточную Сибирь: В.И. Батагай, Т.В. Болина, С.Н. Жовницкая, Н.С. Кудрякова, Г.Н. Курилов, Л.Г. Курилова, З.И. Марьясова, П.В. Самсонов, А.И. Терехихина.

Практическая часть работы была проведена в нескольких полевых экспедициях по Таймыру – как в посёлках с концентрированным проживанием представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) – Хатангский район, Дудинский район, так и в аутдоре – сплавы по реке Пясине, по системе Больших Норильских озёр, пешие переходы с заброской в отдалённые районы плато Путорана и Норило-Пясинской системы, в составе археологических рекогносцировочных экспедиций и собственных исследовательских, организованных общественной организацией «Клуб исследователей Таймыра».

Основные положения, выносимые на защиту:

- топонимия Таймыра является нематериальным отпечатком (памятником) геокультурных процессов исследуемого региона, а именно: формирования пространственно-временной структуры освоения, заселения и этнографического районирования территории по сторонам света – в соответствии с социально-

экономическими условиями освоения и заселения природно-экстремального региона;

- создана универсальная комплексная классификация топонимов, позволившая провести объёмный анализ топонимии Таймыра;

- в соответствии с условиями формирования геокультурного пространства Таймыра, его топонимия имеет два ярко выраженных аспекта, отражающих характер освоения и заселения территории, – навигационный и мемориальный;

- найден новый элемент самоорганизации культурных комплексов геокультурного пространства Таймыра, оказавший большое влияние на геокультурные процессы региона, в том числе и этногенез, – наличие в формировании старожильского русского населения Таймыра представителей северо-западной части русского этноса, называемых поморами; а также другого субстратного населения – через топонимию.

В аспекте информационного контента топонимии Таймыра эти положения не только дополняют, но формируют новое представление о геокультурном пространстве территории.

Методы исследования включают в себя географические, картографические, сравнительно-лингвистические, лингвогеографические (сопоставление ландшафтных реалий и их семантическое соответствие укрепившимся и исчезнувшим названиям и др.), статистические методы, анкетирование представителей коренных жителей Таймыра – как малочисленных, так и потомков старожильского русского населения, и проч.

Апробация исследований проводилась в различных форматах, в том числе на научных, научно-практических конференциях в различных регионах страны: Всероссийская научно-практическая конференция «XIX Югорские чтения» (г. Ханты-Мансийск, декабрь 2020); Всероссийская научно-практическая конференция «Климатические изменения и сезонная динамика ландшафтов» (г. Екатеринбург, апрель 2021); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Трешниковские чтения-2021» (г. Ульяновск, апрель, 2021); V научно-практическая конференция «Природное и культурное наследие

арктических регионов» (г. Мурманск, декабрь 2023); Международная научно-практическая конференция «LXXVII Герценовские чтения» (г. Санкт-Петербург, апрель 2024); III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» (г. Воронеж, май 2024), II Всероссийский научно-практический семинар «Государство, регион и общественность в природоохранной деятельности» (г. Донецк, март 2025) и др., по результатам которых были опубликованы статьи (всего статей, опубликованных по теме исследования, – 29, из них 16 – РИНЦ и 5 – ВАК).

Кроме этого, апробацией исследований, имеющих также положительный отзыв, можно считать выпуск в 2022 году и несколько последующих презентаций книги «Топонимика Затундры и Норильской долины» (Норильск : «АПЕКС», 2022. 280 с.). Одна из них состоялась в Таймырском краеведческом музее (Дудинка, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район), и на неё были приглашены представители всех пяти коренных малочисленных этносов Таймыра.

Структура и содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной научной литературы и архивных документов, приложений.

Для составления карт, наглядно отражающих районирование Таймыра, использован Интернет-ресурс nakarte.me.

Глава 1. Теоретические и методологические основы исследования

1.1. Современные представления о геокультурном пространстве

В последние два десятилетия – на стыке конца XX и начала XXI века – получило развитие новое направление географии, которое называют географией культуры, или культурной географией. Показательно, что пока не устоялось её общепринятое наименование, некоторые специалисты ещё не отделяют её от гуманитарной географии, социально-культурной географии и т.п.

Формирование этого направления продиктовано гуманизацией в целом всех отраслей науки – на фоне глобализации многих процессов, не только экономических, культурных, а также нарождающихся процессов обратной направленности – самоидентификации, традиционных приоритетов, сохранения собственной идентичности в изменяющемся мире. В этой связи особую значимость сегодня приобретает становление геокультурной регионалистики.

Основной объект исследования культурной географии – геокультурное пространство – сложился не сразу. Первоначально в работах специалистов из разных областей, например, этнографов, географов (В.Г. Богораза-Тана, В.П. Семенова-Тян-Шанского) и др., стали затрагиваться вопросы обусловленности культурных феноменов теми или иными географическими особенностями. Так, исследования В.Г. Богораза вылились в объёмный труд с апробированием новой научной дисциплины «Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии». Он считал, что культура имеет природные корни и природную зависимость, которая проявляется в глубинных основаниях культуры, в многообразии её форм и типов, в способе функционирования [9].

На втором этапе развития культурной географии в России, который следует отнести к промежутку времени ориентировочно с 1930-х по 1970-е годы, отдельные исследования неизменно обращались к взаимосвязи феномена культуры и подстилающего ландшафта. Несмотря на то, что в этот период

превалировало отрицание в нашей стране географии культуры как самостоятельной, имеющей право на существование научной дисциплины. Но развитие таких отраслей как экономическая география, этнография выводило на необходимость понимания ландшафта в более широком смысле, нежели в классическом ландшафтоведении. Термин «месторазвития» Л.Н. Гумилёва [24] можно считать предтечей многоуровневого понимания трактовки ландшафта, многослойности его семантики – с акцентом либо на смысловое, либо на духовное, либо на жизнеобеспечивающее или др. наполнения.

Третий этап возобновления интереса к исследованиям по географии культуры в нашей стране можно отнести к 1980-м годам. Связан он, безусловно, с возрождением интереса к культурологии, антропософии. Но концепта «геокультурное пространство» ещё не наблюдается в оформившемся виде. Ряд работ, появившихся в этот период, посвящён основополагающим концепциям, основам методологии географии культуры. Более углублённый анализ приводит к пониманию полиаспектности самого понятия «культура» и, соответственно, отражению этих понятий в качестве геокультурных феноменов. Так были определены следующие основополагающие концепты географии культуры: «растворённость» культуры в территории, в территориальных процессах, антропоцентризм геокультурного исследования и др. [29].

Четвёртый этап мы наблюдаем с начала XXI века, особенно в последнее десятилетие, и он характеризуется формированием трёх центров, в которых идут активные разработки как теоретических, так и методологических исследований культурной географии как отдельной междисциплинарной науки. Это – Москва, Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону.

1.1.1. Понятие «геокультурное пространство» в XXI веке

Культурная география в процессе своего развития приобрела немало специфических отличий, укладывающихся в рамки семантических несовпадений понятий «культурный» и, например, «гуманитарный». И что особенно важно, на наш взгляд, что обоснование культурной географии должно основываться, по замечанию доктора географических наук Ю.Н. Гладкого, «на тщательном учёте

фактора... «природного субстрата». Характер... связи культуры с природой способен прояснить, в какой мере «культурная география» является географией, а не культурной антропологией, социологией, психологией, культурологией или философией культуры» [19].

Сегодня мы имеем оформление общей теории географии культуры и, что актуально для данной диссертационной работы, вычленение объекта исследований этой научной дисциплины – геокультурного пространства. Симптоматично, что именно неландшафтоведы по своему образованию «оказались основными участниками культурно-ландшафтного движения последних десятилетий» [41].

Наиболее ёмкая формулировка геокультурного пространства высказана современным географом А.Г. Манаковым: «Геокультурное пространство – структурный компонент географического пространства, сфера и продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупность взаимодействующих геокультурных систем, состоящих из геокультурных общностей людей разного порядка и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [56].

Важным в понимании объекта исследования является лаконичное определение В.Н. Стрелецкого о восприятии геокультурного пространства как «территориального распространения отдельных элементов материальной и духовной культуры, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой» [79].

Однако в применении к территории с экстремальными природно-климатическими условиями, каковой является Таймыр – самая северная часть материковой суши в мире, не всегда приходится иметь дело с устоявшимися на сегодня элементами геокультурного пространства.

Так, к материальной культуре традиционно относятся архитектурные строения, элементы традиционной национальной одежды, предметы быта и хозяйствования, транспортные артерии, созданные человеком и др. К духовной – фольклор, обряды, традиции и т.д. В том числе к духовной культуре мы относим

и топонимию территории – совокупность топонимов, «топосов» (местоназвание). «Топос... является естественно-исторической единицей организации культурного ландшафта» [19], и даже в том случае, когда, по опасениям Ю.Н. Гладкого, он является плодом чьей-то фантазии, для геокультурного пространства Таймыра эти опасения напрасны, потому что они укладываются в логику упомянутого естественно-исторического процесса. Ведь, казалось бы, не связанные традиционно и исторически в культурологическом плане поименования труднодоступных рек Таймыра в честь близких сердцу первоисследователей географических объектов средней полосы (например, река Пахра или названные в честь юбилея любимой молодёжной советской газеты далёкие арктические острова «Комсомольской Правды») для геокультурного пространства Таймыра имеют вполне понятные и оправданные мотивации, о чём речь пойдёт в соответствующих параграфах данной диссертационной работы. И зачастую такие нематериальные фиксации на карте труднодоступного региона, освоение которого и сегодня происходит с большими экономическими, финансовыми, ресурсными затратами, остаются на долгие десятилетия единственными памятниками о происходивших здесь геокультурных процессах. Так как зданий, сооружений на огромных пространствах севера Средней Сибири выявлено критически малое количество, а в основном, их здесь никогда и не было – в силу характера освоения территории. В силу тех же причин – природно-климатических и хозяйственно-экономических – полностью отсутствуют и другие материальные памятники или их количество крайне мало.

Формирование геокультурного пространства в его современном контексте не происходит само по себе, но только в совокупности с процессом освоения территории человеком. И без понимания алгоритмов происходивших событий, факторов, определяющих ту или иную их первопричину, невозможно интерпретировать ассимилированные в процессе взаимодействия людей разных культур и языковых групп географические названия. Да и в трактовке вполне очевидных географических названий, как в случае с приведённым выше примером «Пахра», можно сделать неверные выводы – без представления всех

процессов, происходивших в тот или иной момент поименования конкретного географического объекта.

В представлении геокультурного пространства следует подчеркнуть, что без человека невозможно появление самого явления – топонимии, т.е. совокупности географических названий той или иной территории. Географические объекты рождаются и исчезают вне зависимости от присутствия или отсутствия человека, как наглядно видно при обращении к космогоническому аспекту в части образования планет и их поверхностей. Но обретение географическими объектами имён собственных – это индикатор исключительного присутствия *Homo sapiens* на определённой стадии освоения территории Земли. Не случайно специалисты выделяют отдельное понятие – топонимические фронтиры: незаселённые регионы без топонимических субстратных слоёв и с только что созданной топонимией (дно Мирового океана, Антарктида и т.п.) [7].

Геокультурное пространство наделено более образным смыслом, связанным с насыщением конкретной территории культурными феноменами – как материальными, так и духовными (нематериальными). Для Таймыра, который практически не имеет сколь-нибудь значимого количества, в соотношении с его площадью, материальных культурных феноменов, а в подавляющем большинстве мест фиксируется даже полное отсутствие антропогенезированных природных комплексов, особенно важным представляется обращение именно к нематериальным памятникам – топонимам. Они присутствуют на всём протяжении исследуемой территории, и даже отсутствие географических названий в некоторых районах также несёт смысловую нагрузку: недоступность этих районов Таймыра для человека, соответственно, исключает их из процессов освоения.

Важными составляющими современного исследования являются такие понятия как геокультурный процесс и геокультурный образ. Так, по Д.Н. Замятину, геокультурный образ – это «совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.)», а

геокультурный процесс – это «процесс и результат развития географических образов в конкретной культуре, а также формирование традиции осмысления этих образов» [33]. Эти определения как нельзя лучше характеризуют смысл топонимических исследований конкретной территории.

Особое внимание необходимо обратить на тот факт, что геокультурное пространство не тождественно ни административному делению территории, ни ареалу этнического расселения, ни социально-экономическим территориальным комплексам, агломерациям и т.д. Понимание географического пространства в данном контексте важно как гуманитарное явление, оно стимулирует единение интеллектуальных, духовных, эмоциональных, физических и биологических процессов с их естественной средой [20].

1.1.2. Границы геокультурного пространства Таймыра

Без определения границ геокультурного пространства в процессе конкретного исследования невозможно структурирование территории как многомерного пространственно-временного географического явления. Опираясь на работы Д.Н. Замятина, посвящённые изучению «ментального пространства», можно утверждать, что геокультурное пространство, отражённое в топонимии территории, тождественно субъективным пространственным представлениям людей об этой территории.

При этом, формирующиеся культурные представления не просто проецируются (накладываются) на ту или иную территорию, а каждый из них несёт в себе определенный «заряд» природной обстановки, которая существовала в период возникновения нового культурно-исторического события, запечатлённого в культурном феномене (не только топониме, но и народном сказании, материальном памятнике – крепости, монастыре) [23]. Добавим через запятую к этому положению также административно-территориальные, социально-экономические и другие события, имеющие отражение в топонимической картине Таймыра как геокультурного пространства.

В аспекте формирования понятия «геокультурное пространство Таймыра» важна его пространственно-временная оболочка, которая отличается от географических и административных границ, применимых к нему.

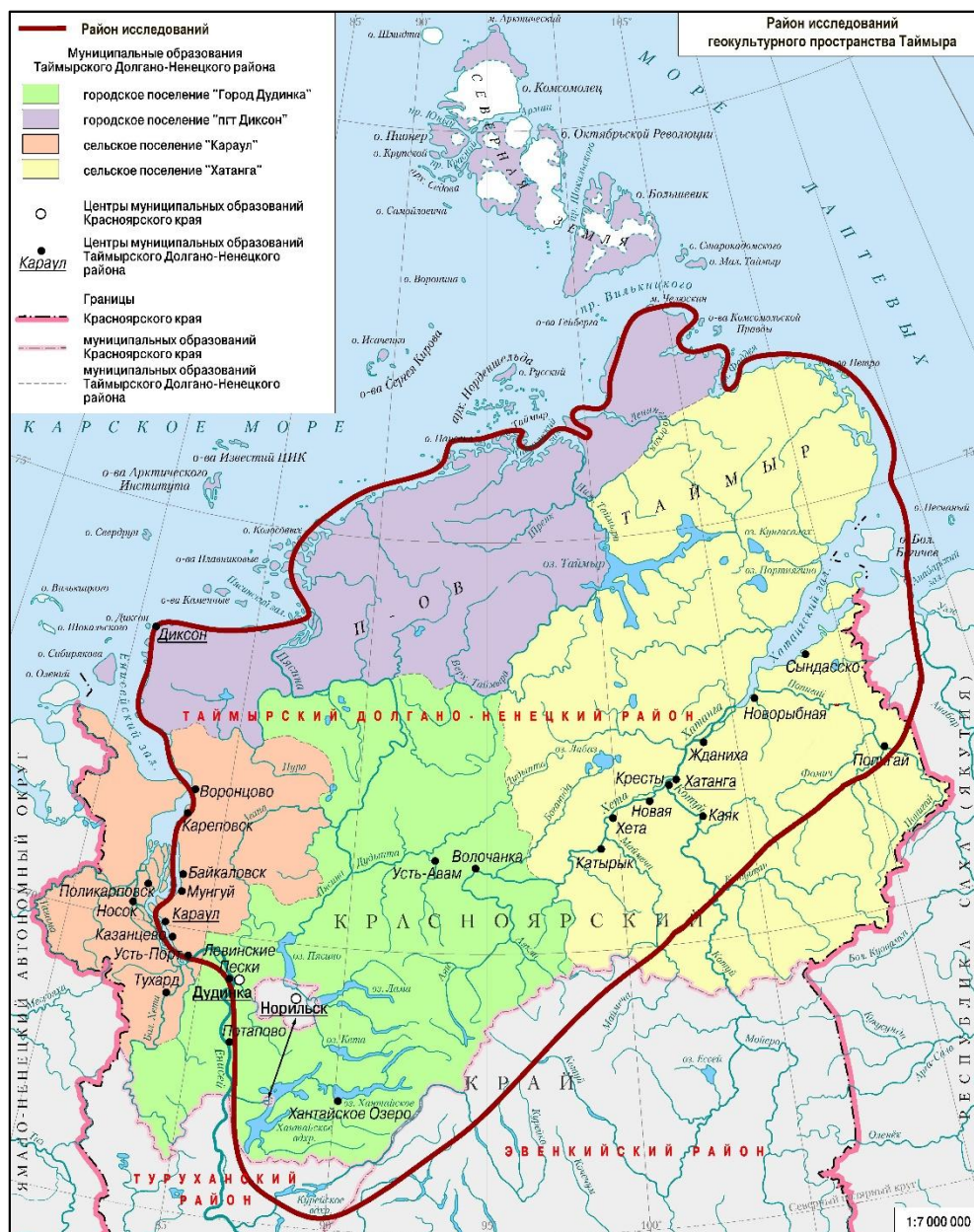
Прежде всего, мы опирались в определении его границ на восприятие территории важнейшим элементом, по Стрелецкому, – региональной общностью: связанные единством проживания в определённом регионе группы людей, обладающие своим собственным культурным самосознанием и противопоставляющие себя другим таковым общностям в силу различий в образе жизни, ментальности, привычках, традициях, поведении и особенно – в силу различных (региональных) интересов [78].

Таймыр в восприятии современных коренных его жителей не соответствует территории собственно полуострова Таймыр, так как географически северная и центральная части плато Путорана не входят в границы полуострова. Вместе с тем, и Большие Норильские озёра, и промысловые угодья, расположенные на северо-западе и северо-востоке Среднесибирского плоскогорья воспринимаются ими как «свои» (Рисунок 1).

И не только из-за промыслов психологически связываются эти районы с остальной территорией Таймыра. Логистика в крайне неблагоприятных климатических условиях исторически сложилась таким образом, что т.н. точки входа и выхода находятся всего в трёх ядрах (по Манакову [55]): Хатанга, Диксон и Норильск-Дудинка. И если Диксон и Хатанга географически находятся на полуострове, то агломерация Большой Норильск выходит за пределы его южной границы. Однако попасть, например, на Большие Норильские озёра можно только со стороны Норильска-Дудинки (как единого транспортного узла, включающего в себя речной порт и аэропорт). Таким образом, южные границы геокультурного пространства Таймыра определяются транспортной доступностью – за её пределами начинается иные, более южные регионы (Эвенкия, Якутия).

Современная административная единица Таймырский муниципальный район (ТМР) включает в себя часть северных Путоран, но также к ней относится и левобережье Енисея, и южная часть плато Анабар. А эти территории местным

населением воспринимались и воспринимаются как территории смежные, «чужие», находящиеся за рубиконом: одна – за глубоководной и полноводной артерией, рекой Енисей, вторая в малодоступных горных районах, куда легче попасть со стороны Якутии.

*Рисунок 1 – Район исследований геокультурного пространства Таймыра
(карта-схема выполнена автором)*

Именно благодаря рельефу и климату гор Путорана и Анабар сформировалось понимание южной границы Таймыра – своеобразным фронтиром стали

каменистые безжизненные участки плато, не освоенные до сих пор. Например, озеро Хантайское жители Таймыра воспринимают «своим», а озеро Дюпкун, расположенное южнее – уже территорией Эвенкии, так как на этот водоём попадают, в основном, с территории Эвенкии.

Кроме того, Большой Норильск также административно не относится к ТМР, а его структурная единица – Дудинский морской порт (сегодня он называется Заполярный транспортный филиал), являющаяся градообразующим предприятием столицы Таймырского муниципального района – города Дудинка, тоже не находится в его ведении. Вместе с тем, население городского округа город Норильск, не относящегося к ТМР, считает себя жителями Таймыра. Этот факт так же показывает надбазисный, субъективно-объективный характер понятия «геокультурное пространство». Стоит учитывать, что при этом количество населения Большого Норильска в 6 раз больше, чем всего Таймырского муниципального района (почти 180 тысяч человек против менее чем 30 тысяч).

Ещё одна часть административной единицы ТМР – архипелаг Северная Земля. Острова были открыты только в 1913 году, а окончательно положены на карту экспедицией Г.А. Ушакова-Н.Н. Урванцева и вовсе меньше ста лет назад. В данном исследовании архипелаг также не включается в геокультурное пространство Таймыра, так как является типичным топонимическим фронтиром в трактовке С.И. Басика, указанной выше.

В отношении пространственно-временных факторов понятие геокультурное пространство Таймыра соотносится с исторической областью, которую называли Туруханский край. Как административная единица обозначаемой территории со столицей в Туруханске, начиная с XVII века, она называлось по-разному: уезд, округ и т.д. Словосочетание «Туруханский край» широко применялось и в бытовом, административном плане и в научной, деловой переписке. Его ещё можно найти в архивных документах в начале XX века. Спустя сто лет «Туруханский край» практически вышел из применения. Однако исследователи отождествляют процессы, происходившие в Туруханском крае, с Таймыром. Во многом это обусловлено тем, что основные пути в малодоступный регион севера

Средней Сибири начинались именно в Туруханском крае. Оттуда шли пути оленных аргишей¹ кочевых народов, следовавших за миграциями северного оленя, там же начинались и путешествия по зимникам, которыми передвигались промысловики или служилые государевы люди. Знаменитый Мангазейский морской ход тоже через волок по реке Турухан приводил в Новую Мангазею (Туруханск), после шёл на север по Енисею. Современная территория бывшего Туруханского края находится в подчинении трёх муниципальных районов Красноярского края: Туруханского, Эвенкийского, Таймырского.

В дальнейшем под понятием «геокультурное пространство Таймыра» в данной работе исследуется регион, с севера, востока и запада ограниченный береговой линией полуострова Таймыр, с добавлением территорий городского округа город Норильск и южной части Таймырского муниципального района.

Выводы

Геокультурное пространство Таймыра соотносится с современными представлениями о ключевом понятии географии культуры, геокультурном пространстве: будучи неотъемлемой частью географического пространства в целом, оно является совокупностью и контекстом человеческой деятельности.

Определению границ геокультурного-пространства Таймыра способствовало применение, в том числе, и хронологического метода исследования, применялся системный подход.

Территория исследования в данной диссертационной работе представляет собой единое геокультурное пространство в пределах полуострова Таймыра с запада, севера и востока, продолжающееся на юге до границ Таймырского муниципального района, включая Норильский промышленный район и селитебную территорию Большого Норильска, исключая недоступную со стороны севера южную часть плато Анабар.

Геокультурное пространство Таймыра связано воедино пространственно-временными факторами, определившими его освоение и заселение человеком. Также восприятие пространства связано с менталитетом региональной общности

---

¹ Аргиш (*эвенк.*) – караван кочующего рода-племени, также – сама перекочёвка.

людей, считающих себя жителями Таймыра и определяющих южные границы своей территории пределами досягаемости. Что, в свою очередь, обусловлено природными факторами, делающими и сегодня многие территории севера Средней Сибири недоступными.

1.2. Топонимы как индикаторы геокультурного пространства

Топонимика – молодая научная дисциплина. Более того, до сегодняшнего дня ещё нет консолидированного мнения относительно того, является ли топонимика отдельной наукой или остаётся вспомогательной дисциплиной, как обозначал её доктор географических наук В.А. Жучкевич в 1960-х годах [34].

Первоначально, наряду с топонимикой и топонимией, употреблялся и термин топономастика, который начал применяться в иностранной научной литературе. В 1950-е годы, во избежание двусмысленного понимания появившихся терминов, В.А. Никонов (один из крупнейших советских ономастов, учёный-самоучка без высшего образования), в одной из своих работ впервые предложил разграничить термины, закрепив за *топонимикой* значение «процесса изучения топонимического материала», т.е. название науки, а за *топонимией* – значение «совокупности географических названий» [5].

Топонимические исследования Сибири и вовсе имеют точную дату – настолько молодо это направление, что факт его возникновения зафиксирован письменно. Ознаменовала начало топонимических исследований региона статья В.Б. Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири», опубликованная в 1926 году [99].

По топонимике Таймыра отдельных научных исследований до недавнего времени не было, в наличии – единичные научные статьи с общим обзором кандидата исторических наук В.И. Дьяченко и исследования по району Хантайского озера (юго-запад Таймыра) доктора географических наук А.М. Малолетко.

Современное состояние топонимики является отражением сформировавшихся в XX веке интеграционных процессов в познании окружающего мира в целом, с вовлечением в орбиту своего исследования всё новых научных,

дифференцированных и интегральных, дисциплин. Топонимия как междисциплинарная наука в части географии становится предметом исследований географического пространства, в том числе «процессов передачи, кодирования, сохранения и трансформации информации о пространстве-времени в системе "природа-общество"» [65]. Это позволяет сформулировать дальнейшие положения данного исследования в части интерпретации топонимов, их классификации и фиксации в качестве основополагающих маркеров отражения геокультурного пространства Таймыра, в особенности учитывая малую «заселённость» исследуемой территории материальными объектами культуры такими как здания, сооружения и подобные элементы антропогенного происхождения.

1.2.1 Обзор проблемы, связанной с отсутствием единой системы классификации топонимов

До сих пор не существует единой классификационной системы, которая позволила бы структурировать накапливающийся материал по топонимике. Даже для уже имеющегося массива хорошо изученных регионов. Это осложняет трактовку общей картины исследуемой территории, собранной в топонимической совокупности. И что наиболее важно, отсутствие единой системы для специалистов разных научных направлений (географов, лингвистов, историков и др.) приводит попытки классифицировать топонимы по какому-либо признаку к достаточной большой путанице в причинно-следственных коннотациях. Без создания стройной системы классификации невозможно дальнейшее продвижение в считывании заложенной в географических названиях информации о геокультурном пространстве той или иной территории. Впрочем, как и в трактовке самих топонимов.

Отсутствие единой классификации, удовлетворяющей всем запросам топонимиста, наблюдается как в отечественной науке, так и зарубежной. Так, разработанная австралийским топонимистом Ж. Тентом в соавторстве с Д. Блэйром классификация представляет собой простые группы дифференцирования видов топонимов: описательный (указывающий на неотъемлемую характеристику

объекта), ассоциативный (указывает на то, что всегда или часто ассоциируется с объектом или его физическим контекстом), событие (запись события, инцидента, повода, даты или действия, связанного с функцией), оценочный (отражающий эмоциональную реакцию автора названия или сильную коннотацию, связанную с объектом), перенос (перенос географического названия из другого места), коренной (импорт топонима или слова коренного населения во внедрённую систему), одноимённый (в честь человека или другой названной организации с использованием имени собственного в качестве топонима) [103].

Отечественные топонимисты тоже ограничиваются простым перечислением групп, к которым по этимологии можно отнести топонимы. Например, языковед Л.Л. Гумецкая предложила четыре группы: 1) не происходящие от названий лиц; 2) происходящие от названий лиц; 3) неопределённого значения; 4) неясного значения [61].

Наиболее часто встречающаяся классификация исходит из принадлежности названий к нарицательным словам, к которым они апеллируют. Это: 1) названия, данные по признакам рельефа; 2) названия, данные по признакам водных объектов; 3) фитотопонимы; 4) зоотопонимы; 5) антропотопонимы; 6) производственные топонимы.

Все классификации линейны и не дают возможности проанализировать топоним объёмно, в совокупности его маркеров, индикаторов, которыми он насыщен, а значит, не дают возможности подойти к его трактовке комплексно, поэтому существующие классификации не отвечают основным задачам исследования территории через её топонимию.

К примеру, если мы попробуем классифицировать имеющимися способами топоним Медвежий <ручей>, то увидим, что, по классификации Тента-Блэйра его можно одновременно отнести к двум группам («описательный» и «ассоциативный», а может быть, и «событие» – встреча на ручье с медведем), по Гумецкой получаются слишком общие трактовки, а по упомянутой последней линейной классификации отнесение к зоотопонимам малоинформативно. Первоисточник, носитель языковой первоосновы не учитывается. В данном

случае приведён пример из русского языка, на котором мы говорим. Но если мы сталкиваемся с топонимами иной языковой группы или видоизменёнными в процессе языковой ассимиляции топонимами-палимпсестами, такой подход мало что даёт для считывания и анализа заложенных смыслов. При этом, Медвежьим может быть и ручей, и холм, а это также разные классы топонимов (гидроним и ороним).

Все перечисленные модели классификации (и другие, существующие сегодня) отвечают лишь на вопросы об этимологии и гипотетическом значении конкретных топонимов, основанном на простом переборе соответствий. Другими словами, исследования не касаются анализа структуры топонима в пространственно-временном измерении. Однако, топонимия очень легко и логично поддается всестороннему анализу, если подойти к классификации с разных сторон, объёмно, а не линейно.

Какой аспект должен быть воспринят топонимистом и в какой последовательности, чтобы географическое название стало считываемым индикатором исследуемой территории? Очевидно, что необходима универсальная комплексная классификационная система, подходящая для любого региона, для любого научного направления исследований, позволяющая вычислить значение, заложенное в имя географического объекта в момент его поименования, а также векторы дальнейшей трансформации, если таковая присутствовала. Иначе все исследования будут упираться в сопоставление зелёного с квадратным.

Для выявления последовательности дальнейших действий необходим единый знаменатель.

1.2.2. Универсальная комплексная классификация топонимов

В представленной работе и дальнейших исследованиях применяется собственная система классификации топонимов, позволяющая использовать их в качестве индикаторов геокультурного пространства. Созданная автором структура может примирить все существующие системы и подсистемы. Она подходит абсолютно всем исследователям – и географам, и историкам, и лингвистам. Поэтому названа нами универсальной.

Создание этой классификации исходит из понимания сути топонимики как интегральной науки, находящейся на стыке других наук. Основные – это география, языкознание и история. Отталкиваясь от этого, для дальнейшего процесса структурирования и исследования топонимов в качестве индикаторов геокультурного пространства («говорящих» нематериальных памятников), применяется следующая классификационная градация, основанная, соответственно, на дифференциальных подходах к предмету исследования: *географическом, лингвистическом и историческом.*

Классификация включает три категории, с которыми следует соотнести каждый конкретный топоним.

I-я категория «Объектность топонима» (географический аспект). Здесь определяется, какому объекту принадлежит имя собственное (отвечает на вопрос: «Что поименовано?»). В географическом аспекте выявляется связь топонима именно с видом географического объекта. Соответственно, присваивается классификационный маркер, являющийся одновременно индикатором объектов ландшафта: *оронимы* (горы, возвышенности и пр.), *гидронимы* (водные объекты), *ойконимы* (названия населённых пунктов) и т.д. Это позволяет «увидеть» структуру ландшафта, получить представление о природно-климатических условиях освоения территории.

II-я категория «Субъектность топонима» (лингвистический аспект) помогает соотнести, используя лингвистические методы, наименование объекта с той или иной языковой группой (отвечает на вопрос: «Кто поименовал?»). В этой категории, опираясь на специальные маркеры, которые в языкознании имеют название «топоформанты», и другие языковые характеристики, мы определяем первоисточник поименования относительно языкового происхождения (русский язык, английский язык, бурятский язык и т.д.), его *субъектность* либо, если на территории шли процессы языковой ассимиляции, фиксируем происхождение из каких-либо языковых групп (славянская языковая группа, тюркская языковая группа и др.), либо, в случае многократных ассимилятивных процессов и стирания языковых маркеров, фиксируем наличие *палимпсеста*. Это служит

индикатором освоения территории представителями тех или иных этнографических либо административно-государственных сообществ.

Стоит добавить, что термин «палимпсест» является фундаментальным понятием не только в лингвистике, но и в концепции места, так как подразумевает видение ландшафта «как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох» [7]. Термин «палимпсест» широко применяется в различных областях знаний. Так, в источниковедении это – рукопись, использовавшаяся несколько раз на одном и том же носителе (например, пергаменте), когда исчерпавшая значимость надпись затирается, а следующим слоем наносится новая – и так, пока позволяет прочность материального носителя. Также это понятие используется в археологии – в применении к наскальным изображениям, которые не раз стирались и наносились заново на стены обитаемых пещер. В лингвистике палимпсест – это название географического объекта, чье происхождение не выяснено либо трудно интерпретируемо, в силу разных причин. Например, из-за видоизменения его носителями разных языковых групп, пересекающихся на одной территории, в адаптации к привычной им артикуляции, в результате чего распознать первоначальное звучание топонима становится невозможным.

III-я категория «Контент топонима» (исторический фактор) необходим для понимания третьей характеристики топонима, обусловленной первыми двумя категориями (отвечает на вопрос: «Почему так поименовали?»). Эта категория позволяет проследить трактовку топонимов в исторической ретроспективе, с точки зрения характера и сопутствующих факторов освоения территории. Проще говоря – это собственно семема, смысловое значение топонима.

В этой категории нами выделены три основные класса:

– **физиотопонимы** (от греч *φύσις* – «природа») – имеющие отношение к природе (наряду с привычными исследователям *фитотопонимами*, *зоотопонимами* предлагаем ввести ещё один подкласс – *фенотопонимы*: те географические названия, которые описывают различные явления природы (от «фенология» – наука о явлениях природы));

– **хомотопонимы** – имеющие отношение к человеку и его деятельности (от латинского *homo* – «человек»; греческое *ἄνθρωπος* может внести путаницу, т.к. в научных исследованиях широко применяются термины «антропонимы» и «антропотопонимы», которые имеют разные значения, соответственно, «имена людей» и «географические названия, производные от имён людей»; последние как раз входят в данной классификации в раздел хомотопонимов, наряду с другими, что будет подробно рассмотрено далее на примерах топонимов геокультурного пространства Таймыра);

– **антанатопонимы** (снова в древнегреческой традиции, от слова *ἀντανάκλασις* – «отражение») – отражают очевидные свойства объекта: гора Высокая, озеро Мелкое, река Быстрая.

Таким образом, на примере приведённого выше топонима Медвежий <ручей>, мы можем выявить большее количество характеристик этого географического названия, которые, в конечном счёте, позволяют более предметно раскрыть первоначальные смыслы. Указанный топоним является гидронимом (I), имеет происхождение из русского языка (II), принадлежит группе физиотопонимов (зоотопоним) (III): вкратце – водоток назван русскими насельниками (картографами) территории, обозначает присутствие на территории ареала обитания медведя. Для более точной интерпретации необходимо уже углубляться в анализ смежных наук, используя соответствующие методы: исторические, лингвогеографические, биологические, экономико-географические и др.

Особенно хочется подчеркнуть, что III-ю категорию в случае с палимпсестами (если в соответствии со II категорией топоним относится именно к ним) возможно определить только в результате анализа многих факторов, являющихся совокупностью конкретного геокультурного пространства. Об этом более подробно – в следующем параграфе.

Ещё один показательный пример в части интерпретации семантики топонима связан с такими омонимичными названиями географических объектов как «Пшеничный ручей» и «Пшеничный Ручей». Один – гидроним (I), второй – ойконим (I). В первом случае мы относим топоним к хомотопонимам, во втором –

к антанатопонимам (III). И вот почему. Существует устная версия происхождения гидронима: некогда здесь купец рассыпал большое количество зерна. Возможно, это предание сопряжено с историческим фактом о пожаре на продовольственных складах купца А.К. Сотникова. В любом случае, географическое название связано с человеческой деятельностью. Таким образом, гидроним Пшеничный (ручей) назван в память об этом событии. Посёлок же Пшеничный Ручей получил своё имя по одноимённому водотоку, рядом с которым встал, соответственно, является просто отражением своего местоположения, а к событию, связанному с пшеницей, не имеет отношения. В новой комплексной классификации это – антанатопоним. Интерпретируя эти, как будто идентичные, топонимы, на самом деле, с помощью комплексной универсальной классификацией как инструмента, мы вычленим разные периоды, условия, сопутствующие появлению названия события, которые, в конечном счёте, и формируют геокультурное пространство.

Ещё пример: в Сибири, как правило, топоним «гора Белая» указывает на наличие нетающего снега на её вершине (гор Белых в Сибири несколько), а на юго-западе России – только на цвет, который присутствует благодаря выходам мела. Без понимания, например, климатических и экономических реалий того или иного геокультурного пространства, можно неверно считать территориальную характеристику, индикатором которой является топоним «Белая»: ороним (I), восточнославянская субъектность (II), физиотопоним (III) и ороним (I), восточнославянская субъектность (II), антанатопоним (III) – т.е., в первом случае «всегда покрытая снегом (там, высоко в горах, всегда холодно)» и, во втором случае, «белая визуально – из-за цвета выходов меловых месторождений».

Ещё один показательный пример со схожей семантикой относится к Снежногорску. Важно, что название этого молодого посёлка (сегодня административно он является районом Норильска) родилось в XX веке и мы знаем процесс его поименования. Так, для нового посёлка энергетиков был объявлен конкурс на лучшее имя, в 1963 году он стал Снежногорском [39]. В данном случае, будучи ойконимом (I) русской субъектности (II), он является антанатопонимом (III) так как первостроители назвали свой город (в отличие от

сибирских гор Белых) исключительно по красивому виду окружающих его белоснежных гор, которые, действительно, не освобождаются от снега круглый год.

1.2.3. Практическое применение новой классификации

Рассмотрим применение новой универсальной комплексной классификации на примере одного из топонимов-палимпсестов, находящихся на карте исследуемого региона.

Майя – это гидроним (I) и палимпсест (II). Для того, чтобы иметь возможность его интерпретировать в соответствии с III категорией, необходимо исследовать совокупность факторов геокультурного пространства, к которому он принадлежит.

Мы видим, что, находящийся в окружении топонимов нганасанского происхождения (Сыруто, Баруситари, Келяйкубигай и т.д.), в соответствии со II категорией (определяющими являются топоформанты нганасанского происхождения *-то*, *-тари*, *-бигай*), он может являться своеобразным памятником, фиксирующим присутствие некогда на этой территории маятов – тунгусского рода, участвовавшего в этногенезе части самодийского народа нганасаны, а именно – вадеевских нганасан в XVI-XVII веках. В этнографической литературе фольклорные маяты – это якутское произношение более древних названий тунгусских родов ваянды, или маяды [28].

Таким образом, топоним Майя, принадлежащий к геокультурному пространству Таймыра, является индикатором водного объекта, название которого подверглось языковой ассимиляции в процессе освоения территории пришедшими с юго-востока тунгусским племенем. Следовательно, топоним Майя, по нашей классификации, мы дополняем третьей характеристикой: он указывает на имя рода, т.е. является хомотопонимом. Т.о. Майя на Таймыре – гидроним (I), палимпсест (II), хомотопоним (III).

Важно в этой связи сказать, что наличие топонима Майя и созвучных ему топонимов является индикатором присутствия тунгусо-маньчжурского компонента не только в геокультурном пространстве Таймыра, но и в более

крупном геокультурном пространстве – Сибирь и Дальний Восток. Следовательно, мы можем сопоставить и проследить тенденции в распространении на огромных территориях традиционной культуры названных родоплеменных сообществ, а в целом – тунгусоязычного народонаселения. И здесь показательно, что, в отличие от Таймыра, топоним геокультурного пространства Сибири является индикатором иных реалий.

Так, достаточно далеко от «таймырской» Майи, на восток и юго-восток, на территории современной Якутии и Хабаровского края есть реки с таким же названием – Майя, Мая (Рисунок 2, п. 4-6). Их значение традиционно выводят из фонетического соответствия тунгусской лексеме, обозначающей «берестяной короб», «склад», «лабаз» [51], что может быть верным отчасти, но не для всех топонимов, ибо не учитывается возникновение гидронимов во времени и пространстве.

Дело в том, что лексема *майя* со значением «продовольственный запас» присутствует в языке эвенов (ламутов), родственных эвенкам (тунгусо-маньчжурская языковая группа), чей ареал проживания затрагивает и Таймыр. И этот топоним – индикатор иного геокультурного пространства, так как в эвенкийском языке (чьё присутствие в геокультурном пространстве Таймыра отмечено в топонимах) такого слова нет.

Очевидно, что *майя* в этом значении появилось у родственных эвенов из языка их соседей – чукчей или коряков, относящихся к палеоазиатской языковой группе. В частности, у чукчей, действительно, есть слово *майык* – «оставлять что-либо временно» и *маймай* – «временный склад вещей, запасов». Речь идёт о традиции оставлять зимние вещи в определённом месте во время сезонных перекочёвок.

Если мы обратимся к географическим реалиям, то увидим, что таймырская Майя (Рисунок 2, п. 1) протекает в районе летних пастбищ, на которых люди вместе с оленями находятся непродолжительный летний сезон, а значит, там нет необходимости ничего оставлять. А уж если говорить о коробе из берёсты, то о

ней, как и о лиственных лесах, где такой материал можно добыть, вовсе говорить не приходится: Майя на Таймыре протекает по тундровой зоне.

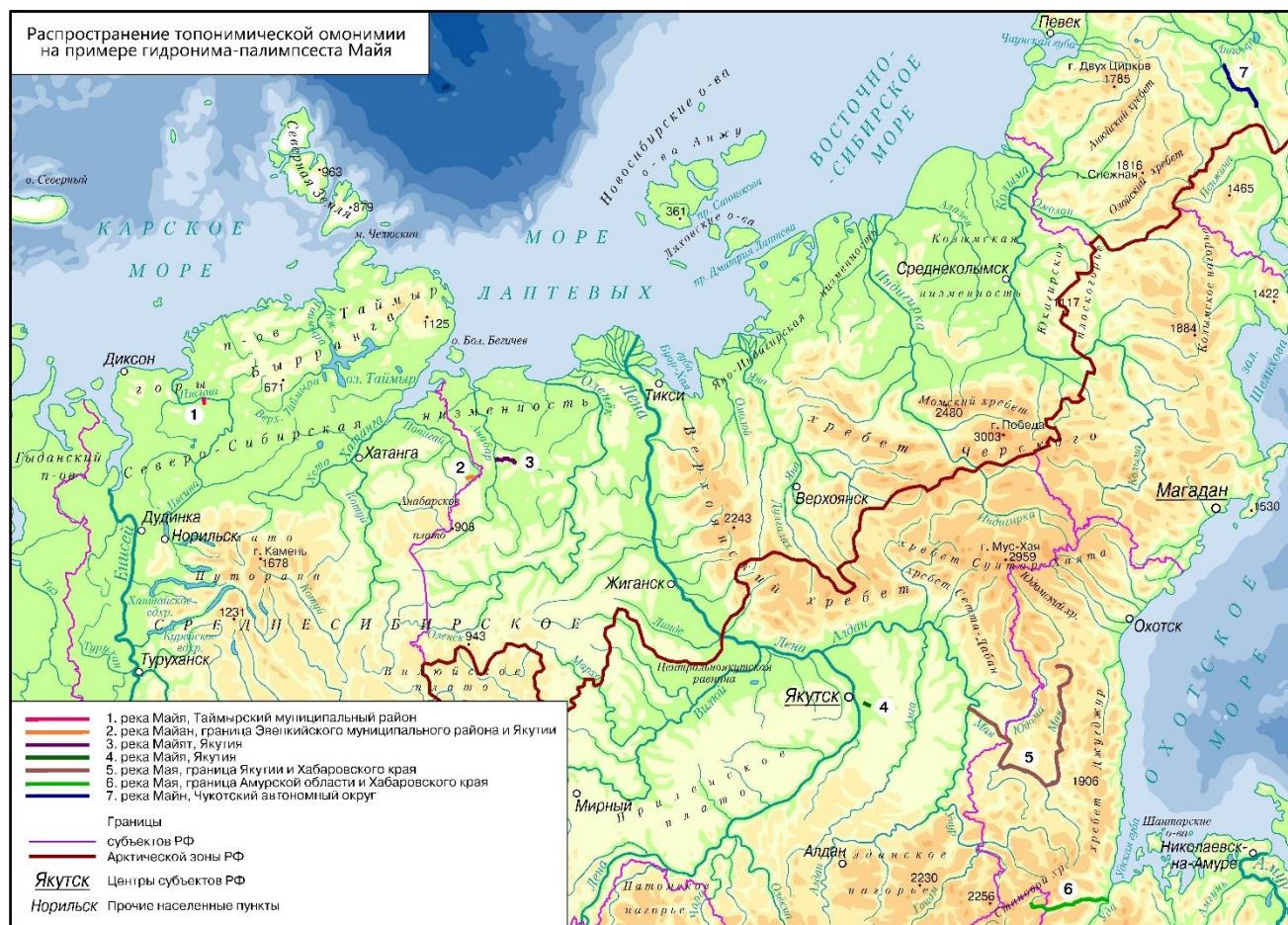

Рисунок 2 – Распространение топонимической омонимии на примере гидронима Майя (карта составлена автором)

А вот продвижение тунгусских маятов-ванядов на запад и вливание их в этногенез нганасан с помощью указанных гидронимов проследить можно. При этом дополнительно своеобразной подсказкой является упоминание в фольклоре нганасан факта, что их предки пришли на Таймыр с востока. Об этом же свидетельствует наличие ещё двух гидронимов на границе современного Эвенкийского муниципального района и Якутии – Майан и Маят (Рисунок 2, п. 2-3). Последний гидроним и вовсе отражает реально существовавшую фамилию Маят, которая была зафиксирована переписчиками Приполярной переписи 1926-1927 гг.

Важно отметить, что «эвенкийско-якутский» Майан является, скорее всего, опиской картографа или переписчика, в отличие, например, от созвучной реки Майн на Чукотке (Рисунок 2, п. 7). В окружении топонимов чукотско-корякского происхождения название этой реки справедливо исследователями выводится из чукотского языка (*майн* – «большой»). В таймырском же геокультурном пространстве единственным «чукотским» топонимом можно считать озеро Чукчалах (Чукчевое, тюркский суффикс *-лах*) – недалеко от «таймырской» Майи. И здесь такое соседство, скорее, является индикатором прихода этого названия на Таймыр вместе с эвенами (ламутами), принявшими участие в этногенезе в XVII веке второй группы нганасан – авамских нганасан. Тавги стали основой их этногенеза, а по-ламутски *тавгач* означает «находящийся на другой стороне». Таким образом, тавгов связывают со значением «пришедшие из-за чего-то». А старое название вадеевских нганасан и было – маят [28].

Показательно, что в нганасанском фольклоре также присутствует мифологический народ *сюпся*, который многие исследователи соотносят с чукчами, при этом надо понимать, что локально нганасаны проживают на севере Красноярского края и находятся в нескольких тысячах километрах от исторического ареала проживания собственно чукчей, значит, знание о них пришло вместе с предками на нашу территорию. Вместе с этим, ни в Якутии, ни в Хабаровском крае мы не можем наблюдать соседство гидронимов Майя (Мая) с гидронимами нганасанского происхождения, так как этот народ сформировался и локально проживает только на Таймыре. Таким образом, топонимия территории показывает нам совокупность культурно-исторических процессов, которые, в конечном счёте, и сформировали существующее геокультурное пространство, в данном случае – геокультурное пространство Таймыра.

Что касается трактовки рек Мая, Майя, находящихся на юго-восточном направлении от Таймыра (Рисунок 2, пп. 4-6), вполне возможно, что в основе поименования лежали навигационные обозначения складов, лабазов и даже берестяных коробов, как объёмов для хранения, а вот на Таймыр топонимы

пришли уже в качестве названий родов, фиксирующих место, из которого те следовали.

Майя «таймырская», вполне логично, – фиксация крайней точки присутствия маятов, когда-то пришедших сюда с одноимённых рек.

Значит, таймырская река Майя в нашей классификации будет определена как гидроним (I), палимпсест (II) и хомотопоним (*патронимический*) (III), а восточная Майя – гидроним (I), эвенкийская субъектность (II), хомотопоним (*хозяйственная деятельность*) (III). Как видим, это индикаторы совершенно разных геокультурных процессов.

Выводы

С углублением и развитием топонимики как отдельной научной дисциплины, для некоторых территорий важным в понимании базовых предпосылок поименования того или иного географического объекта становятся исследования многих частных наук. Как раз здесь исследуемое геокультурное пространство предстаёт в совокупности природно-климатических, экономико-географических, исторических и других особенностей. А топонимия исследуемого пространства (по сути – нематериальный культурный памятник) позволяет скорректировать направление поисков решения той или иной задачи в трактовке топонимов.

В целом, это укладывается в справедливое утверждение о том, что «в традиционном ядре культурной географии возможно стабильное развитие за счёт расширения исследований геокультурной тематики в том числе среди негеографов – естественников и гуманитариев – и прикладных геокультурных исследований, например, на стыке... с топонимикой» [93].

Так, следуя системному подходу в трактовке названий географических объектов территории, мы создали рабочий инструмент в виде универсальной комплексной классификации топонимов, который позволяет определить направление поисков в интерпретации отражённых в топонимии особенностей геокультурного пространства. В дальнейших главах будет применяться именно эта классификация, включающая в себя три категории: «Объектность топонима» (I), «Субъектность топонима» (II), «Контент топонима» (III).

Дополнительно следует сказать, что, возможно, название категорий нововведённой классификации следовало бы сделать более общими: «Объектность имени собственного», «Субъектность имени собственного» и «Контент имени собственного», но для географического исследования общие теоретические выкладки не важны. Универсальность комплексной системы классификации в том и заключается, что она подходит любым градациям имён собственных. Мы же фиксируем всё внимание в данной работе на классификации топонимов – имён географических объектов.

1.3. Картографическо-статистические и другие методы сбора и анализа топонимии Таймыра

Основные исследования и сбор статистических данных происходили на обширном картографическом материале: современные топографические карты, а также карты, составленные в разные периоды российскими, советскими и иностранными картографами, в том числе и рукописные карты исследуемого региона. Одни из них находятся в широком доступе, другие найдены в процессе работы в архивах Российской национальной библиотеки, Фонда Русского географического общества и впервые введены в научный оборот.

1.3.1. Общие методы

Методы, применяемые к трактовке и расшифровке топонимов в данной работе, взяты из частных наук, на стыке которых находится топонимика, – это картографическо-географические, сравнительно-картографические, анализ хронологии событий, сравнительно-лингвистические методы.

Основным методом работы явился гипотетико-дедуктивный метод (в трактовке В.И. Стрельченко [80]), который в качестве метода теоретического уровня научного познания применяется в топонимике по отношению к устоявшимся факторам – географическим, историческим, лингвистическим, и вновь вводимым в оборот – этнографическим, биологическим и др. Метод сводится к дедуктивному выведению следствий из гипотезы и их эмпирической проверке с учётом всех указанных факторов в экспедиционной и иной

деятельности, после определения категорий комплексной универсальной классификации.

Для этого в данной работе, на основе общих тенденций в процессах дифференциации и интеграции наук, выявлены, кроме традиционно признанных научных дисциплин, на стыке которых и существует топонимика как наука, дополнительные научные дисциплины, их результаты, влияющие на выводы топонимических исследований применительно к геокультурному пространству Таймыра. Это – зоология, этнография и некоторые другие.

Также предприняты обоснования процессов диалектического характера в развитии научного познания, которые присущи топонимике как науке современного этапа развития.

В связи с выше сказанным, были привлечены хронологически-этнографические и мониторинговые биологические методы, которые достаточно редко вводятся в топонимические исследования, что зависит, безусловно, от особенностей конкретного региона.

Выстраивание хронологической последовательности освоения человеком севера Средней Сибири дали возможность определять приоритетность в отношении того или иного фактора при дешифровке сформировавшейся топонимии – с учётом этнографического и лингвистического анализа, учитывающего разницу и схожесть элементов в словообразовании и семантике у различных языковых групп, на основе которых и созданы нематериальные памятники территории – топонимы.

Важной составляющей в интерпретации тех или иных лексем наряду с опросами стала аналитическо-сравнительная работа со словарями не только народов Сибири, но и диалектными словарями русского языка.

Кроме этого, проводились опросы и анкетирование носителей языковых групп, представленных в Таймырском муниципальном районе и за его пределами, полевые экспедиционные исследования по сопоставлению рельефа местности, флоры и фауны, фенологических и других сведений с их отражением в топонимии конкретного участка местности. Этому же способствовало участие в

археологических и геологических экспедициях, привлечение к работе собственных краеведческих экспедиций учёных палеонтологов, археологов, геологов и геофизиков (экспедиции периода 2011-2017 гг.).

1.3.2. Полевые работы

Активную полевую работу по исследованию топонимики Таймыра автор начал в конце XX века. Основной задачей экспедиций было определить, насколько соответствуют географическим и культурным реалиям отражённые в топонимах явления, события и первоначальные предпосылки для поименования того или иного географического объекта.

Так, в результате одной из экспедиций 1998 года на Большие Норильские озёра был обнаружен неизвестный старинный эвенкийский идол у подножия Шайтан-горы, а в 2006 году рядом идентифицированы остатки ловушки-кулёмы с антропоморфными ликами, что помогло сориентироваться в мотивации поименования этого оронима. Были и другие важные находки, некоторые из которых будут отражены в дальнейшем тексте данной работы.

Общая площадь экспедиций за этот период охватила основные районы Таймыра, связанные с передвижением по Енисейской, Норило-Пясинской и Хатангской речным системам в составе различных экспедиций (Рисунок 3).

В экспедициях 2020-2021 годов по посёлкам Хатангского и Дудинского районов было предпринято анкетирование жителей, где предлагалось ответить на несколько маркерных вопросов, связанных с поименованием широко известных географических объектов (пример такой анкеты на Рисунке 4). Среди прочего, для понимания степени владения языком, задавался вопрос, на каком языке респондент думает. А также предлагалось сформулировать на русском языке значение некоторых топонимов, как правило, палимпсестов.

Опросы проводились в течение двадцати лет среди представителей коренных малочисленных народов Таймыра, а также носителей иных языковых групп, в частности, исследователей-носителей юкагирского, якутского и других языков сопредельных территорий.

Рисунок 3 – Карта-схема мест маршрутных и экспедиционных исследований автора с 1995-го по 2025 год (составлена автором)

1.3.3. Репрезентативная выборка топонимов

Топонимика неразрывно связана с картографией, так как основной массив топонимов в конечном счёте сохраняется на картах, а т.н. народные названия, которые не закреплены никакими источниками, кроме устных, как правило, либо исчезают из общеупотребительной практики, либо также наносятся на карты и вливаются в общий банк топонимических данных.

ОПРОСНИК

населения ханга, для научных исследований по топонимии Таймыра
ФГБУ «Объединённая дирекция заказников Таймыра»
Автор и составитель опросника —
ведущий специалист ФГБУ «Заповедник Таймыра»
Тариса Николаевна СТРОЧКОВА, т. 4 923 205 63 40. 366882@yandex.ru

1. Ваше Ф.И.О. Сорокин Станислав Владимирович

2. Место постоянного проживания г. Норильск

3. Сильно и какие языки знаете? русский, французский, английский, немецкий

4. На каком языке дружите? на французском

5. Сколько языков и на каком языке жили ваши родители, деды? французский, русский/казахский

6. Ваш род занятий рыболов-любитель

7. Как, по-вашему, переводятся следующие топонимы Таймыра:

№	Топоним	Как переводится? (если не знаете точно, напишите: «Не знаю»)	На что похоже?	Какой язык вы знаете и/или при переводе топонима?
1.	Таймыр	<u>тай - устье, река (по-казахски таймыр - река)</u>		<u>французский</u>
2.	Путоринск	<u>путор - название реки, или - река</u>		<u>французский</u>
3.	Быррэтта	<u>бар - море, вода (по-казахски бар - море, вода) или - море</u>		<u>французский</u>
4.	Хатакка	<u>хатак (хатакка) котловина (хатак) котловина (стар.)</u>		<u>французский</u>
5.	Душаджа	<u>—</u>	<u>тогда - приливная, морская, становится по морю, тогда, пойма</u>	<u>французский</u>
6.	Хета	<u>хет (хит) - боты (лодки, на веревке) или - боты</u>	<u>или (хит) (схит)</u>	<u>французский</u>
7.	Мунгуй		<u>Мун (Мун) - название реки, похожа на тургут - название реки</u>	<u>французский</u>
8.	Белонора		<u>белл - название реки</u>	<u>французский</u>
9.	Котуй	<u>Котуй - название реки, или - котуй</u>	<u>—</u>	<u>французский</u>
10.	Алибар	<u>Бар - устье (по-казахски) или - устье</u>	<u>Бар - устье (по-казахски) или - устье</u>	<u>французский</u>

8. Сколько вам лет? 57

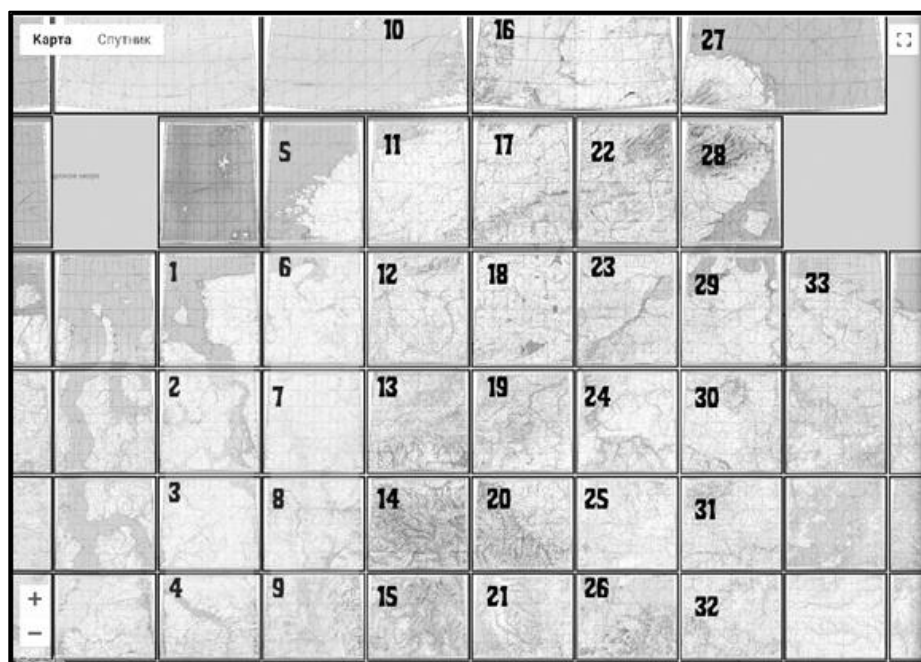
(русский, французский, немецкий, английский)

французский, немецкий, английский, русский, таймырский

Рисунок 4 – Пример анкеты, разработанной автором

Для работы использовалась топографическая карта масштабом 1:500 000. Этот масштаб оптимален, так как более крупного масштаба для территории в открытом доступе не существует. Даже встречающиеся карты масштаба 1:200 000 для населённой части севера Средней Сибири являются искусственно увеличенными, что не позволяет делать анализ всей территории репрезентативным в одинаковой степени. Источник используемой карты – интернет-ресурс loadmap.com. Для

облегчения поиска необходимого участка исследуемой территории существующее деление на отдельные квадраты было взято за основу и пронумеровано (Рисунок 5).

Рисунок 5 – Условные квадраты рабочей карты (пронумерована автором)

Каждый условный квадрат содержит от 100 до 600 топонимов – в зависимости от интенсивности освоения и изученности региона, а также от количества географических объектов. Для визуализации данных и возможности структурирования и группировки топонимов по определённым, необходимым для поставленных задач выборкам, были сделаны таблицы, соответствующие каждому условному квадрату, где одна колонка соответствует одному делению градусной сетки. Так, колонка 1 условного квадрата 1 соответствует наличию топонимов, расположенных в градусной сетке между $78^{\circ}00'$ и $78^{\circ}30'$ в.д., колонка 2 – между $78^{\circ}30'$ и $79^{\circ}00'$ в.д. и так далее (Рисунок 6 и Рисунок 7).

Ещё одним дополнительным средством для визуализации выводов послужил интернет-ресурс nkarte.me, где была так же использована цветовая дифференциация в сортировке топонимов по одному из классификационных параметров, представленных в п. 1.2.2., а именно II категория «Субъектность

Это – следующие квадраты: 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 27, 28. Проанализировано более 5, 5 тысяч топонимов.

Также следует указать на тот факт, что в таблицы не вносились ойконимы (в соответствии с I категорией универсальной классификации). Это продиктовано их критически малым количеством (ввиду слабой заселённости территории из-за суровости климата и труднодоступности региона). Так, астионимов – всего 2 на огромную территорию Таймыра, комонимов – чуть более двух десятков (Приложение А). Тем не менее, некоторые исследования в отношении этой группы топонимов в данной работе проведены, так как их критически малое количество также является важным отражением геокультурного пространства, о чём речь пойдёт в соответствующих разделах.

Выводы

Топонимы как элемент геокультурного пространства Таймыра, в соответствии с указанными выше методами, были рассмотрены по отдельности, затем, сгруппированы в соответствии с разработанной классификацией, что позволило, в конечном счёте, увидеть, зафиксировать и описать районирование исследуемого геокультурного пространства, а также вычислить и определить важные его составляющие, повлиявшие на формирование существующей сегодня топонимии Таймыра, которые до этой работы практически не принимались во внимание.

Методологическими основаниями данной работы стали теоретические разработки российских топонимистов, таких как А.П. Дульзон, А.М. Малолетко, Э.М. Мурзаев и др. Особенность исследовательского подхода к объекту изучения лежит в русле традиций их исследований, для которых характерны систематизация и сравнительное изучение не только географических названий, но и географических терминов в топонимии. Процессу исследования помогло использование хронологического метода.

Глава 2. Топонимия Таймыра как отражение геокультурных процессов

2.1. Факторы формирования геокультурного пространства Таймыра

Как было указано выше, структура геокультурного пространства всецело зависит от характера присутствия человека в том или ином природном территориальном комплексе. Поэтому в данном контексте важны все процессы – исторические, экономические (с учётом природопользования, и биологические) и другие – которые и оказали влияние на его формирование.

Действительно, «объяснить причину явления часто бывает невозможно без исследования его генезиса, хотя бы он сам по себе непосредственно нас и не интересовал» [38]. Поэтому вкратце охарактеризуем основополагающие факторы появления человека, в том числе и оседлого населения, на Таймыре.

2.1.1. Физико-географические особенности региона

Площадь исследуемого географического пространства более 600 000 км², целиком расположена за полярным кругом. Равноудалена от тёплых течений Атлантического и Тихого океанов. *Климат* характерен для высоких широт: зима – арктическая, долгая и холодная, лето – короткое. Среднегодовая температура в районе мыса Челюскин (самой северной оконечности не только исследуемой территории, но и материковой суши (77°43'00" с.ш. 104°18'00" в.д.)) минусовая и превышает -14,0°С. Суровость климату придаёт близость Северного Ледовитого океана. В прибрежной полосе Таймыра он наиболее суров. Во внутренних районах климат мягче, жёсткость погоды снижается до 6-5 баллов [82].

Основная часть исследуемой территории, которая содержит культурный феномен под названием «топонимия Таймыра», находится за 70 параллелью. Здесь ненамного теплее. В среднем зимой -30°, летом от +10° до +15°. Лишь небольшая часть территории исследования достигает на юге 68° с.ш., и находящиеся там лесотундровые и северотаёжные ландшафты также имеют влияние на формирование геокультурного пространства.

Рельеф территории определяется тремя крупными геоморфологическими единицами: приморские равнины, горы и Северо-Сибирская низменность.

Широтно расположены горы Бырранга, их северная оконечность проходит по 75 параллели. Это – естественная преграда, служащая барьером на пути холодных масс воздуха вглубь территории.

На юге практически параллельно горам Бырранга расположены ещё два горных массива – плато Путорана и плато Анабар. Между Бырранга и Путорана-Анабар находится обширная низина, ещё её называют Таймырская низменность, она занимает среднюю и южную часть региона. Протяжённость – более 1000 км, ширина – 300-400 км.

Ввиду тысячекилометровой протяжённости с севера на юг и разнообразия орографических объектов, север Красноярского края – единственное место в арктических широтах, где представлено самое большое количество **природных ландшафтов**. Здесь присутствуют минимум четыре типа, по классификации А.Г. Исаченко [40]: полярные ледниковые ландшафты (или полярные пустыни), субарктические ландшафты (или тундровые), бореально-субарктические континентальные ландшафты (или лесотундровые), бореальные ландшафты (или таёжные).

Ближе к северным отрогам плато Путорана, плавно переходящим на востоке в плато Анабар, тундра уступает место лесотундровым и таёжным ландшафтам, сформировав наиболее подходящую область для оседлого круглогодичного проживания. Сюда на зимний период откочёвывали и оленеводы. Дело в том, что в условиях фенологической зимы на севере Средней Сибири северный олень не может найти себе пропитание – добыть из-под многометровой толщи снега хоть какую-то скудную растительность практически невозможно, кроме того, на открытых тундровых пространствах негде укрыться от ураганных ветров. Поэтому северный олень, великий мигрант, всю свою жизнь находится в движении: к лету он уходит в тундровые просторы, где находятся богатые ягельники и не так доносится гнус, а к зиме возвращается в лесотундровую,

таёжную зону. За оленем, как за единственным ресурсом жизнеобеспечения, следуют и представители северных кочевых народов.

Большим видовым разнообразием млекопитающих тундровая зона не отличается – по причине экстремальности климата и малой пригодности территории для обитания. Характерной особенностью *фауны* исследуемого региона является ярко выраженная сезонность в ареале обитания. На период глухозимья жизнь здесь замирает, а мощный поток представителей орнитофауны устремляется сюда весной из многих регионов мира. Первыми прилетают пуночки – в середине-конце апреля, основные прилёты других птиц приходятся на май-июнь. Прикочёвывают на короткий летний период и некоторые виды млекопитающих.

На север, за горы Бырранга, туда, где есть тундры и заходит дикий северный олень (ДСО), кочевые народы всё же не шли: нецелесообразно так далеко уводить стада домашнего северного оленя, ведь необходимо успеть вернуться в зону лесотундры до наступления фенологической зимы. Что касается дикого оленя, то за горы Бырранга он заходит не каждый год, а стада его не такие большие, как домашних оленей, поэтому более мобильны. Это важно для оперативного перемещения с участка на участок после выедания скудных летних пастбищ этого района.

Ближе к северо-востоку территории – мысу Челюскин – располагаются полярные пустыни, там пастбищ для северного оленя нет совсем.

В целом *почвенно-растительных покров* так же обусловлен широтными климатическими различиями на территории, которые привели к формированию природных зон, отличающихся по составу флоры. Зональная характеристика растительного покрова исследуемого региона идёт с севера на юг – от широты прибрежных районов до широты окраины Среднесибирского плоскогорья. Эта обширная территория охватывает зону полярных пустынь, три подзоны тундры, зону лесотундры и подзону северных редкостойных лесов [102]. Для животного населения важную роль в питании играют растения из таких семейств, как

злаковые, осоковые, бобовые, ивовые. Естественно, видовой состав сосудистых растений неизменно обедняется в направлении севера и обогащается к югу.

На формирование существующего сегодня почвенно-растительного покрова повлияли и *гидрологические особенности* региона. Прежде всего, это – избыточная влажность климата. На территории расположены три речные системы. Две из них – Норило-Пясинская и Хатангская – зарождаются на плато Путорана, третья – Енисейская – пополняется водотоками этой же горной страны. Вообще географическое пространство исследуемой территории изобилует и водотоками, и водоёмами. Тому способствуют несколько факторов. Один из них – обширное распространение водоупорных и слабопроницаемых пород, находящихся близко к поверхности, чему, в свою очередь, благоприятствует равнинный рельеф между двумя горными системами (Бырранга и Путорана-Анабар), основой которого служат четвертичные отложения [92].

Второй важный фактор – *многолетняя мерзлота*. Если предположить, что на территории отсутствовали бы «подстилающие» породы, то и без этого многолетнемёрзлые грунты за короткое лето оттаивают всего на несколько дециметров и остаются препятствием для растаявшей воды с поверхности – ей некуда уходить. Таким образом, с поверхности испаряется меньше влаги, чем могло бы, за счёт короткого периода положительных температур.

Такое избыточное увлажнение верхних слоёв земли способствовало образованию очень большого количества водных объектов. Настолько большого, что многие из них до сих пор не имеют имени собственного, т.е. мы фиксируем отсутствие топонимов на определённых участках исследуемого региона. Что неудивительно: из-за обилия водных преград, в свою очередь, затруднено сухопутное передвижение по территории в короткий летний период.

Особо надо отметить, что многолетняя мерзлота не позволяла практически до второй половины XX века, до изобретения в Норильске методов свайного фундаментирования в условиях мерзлоты, строить здания и сооружения выше 1-2 этажей – из-за растепляемых по весне грунтов постройки неминуемо «плыли» [81].

Указанные выше факторы способствовали тому, что в межсезонье прекращались любые передвижения по территории, в том числе и кочевых родов. Основные миграционные пути таймырской популяции северного оленя проходили с территории современного Эвенкийского муниципального района Красноярского края через плато Путорана на север, в пределы современного Таймырского муниципального района. И начинались миграции в апреле – до ледохода, а в обратный путь откочёвки стартовали в августе – до первого ледостава, когда лёд ненадёжен и через водную преграду проще переправиться вплавь (северный олень хорошо плавает).

Что касается оседлого населения, вдоль северных отрогов Путорана-Анабар в XVII веке Российским государством был организован Хатангский тракт. Он функционировал только в зимнее время и связывал запад и восток обжитой части территории. А также был основной ресурсообеспечивающей артерией для круглогодичного проживания, о чём будет более подробно сказано в другом разделе. Тракт, по сути, являлся сезонной дорогой (зимником), накатанной по замёрзшим рекам и рассохам.

С наступлением лета, после перерыва в межсезонье, когда любое передвижение невозможно, растаявшие зимники ненадолго (всего 2-3 месяца) становились водным путём для оседлых жителей территории, также связывающим запад и восток территории через систему рассох и волоков.

Большую роль в формировании геокультурного пространства Таймыра имел такой фактор как *полярный день*. Чем ближе к полюсу, тем этот промежуток времени продолжительней. Так, на широте Норильска полярный день длится 68 суток. До и после полярного дня наличествуют белые ночи (солнце заходит, но ночи остаются светлыми) – всего 46 суток. Таким образом, светлое время на указанной широте занимает треть года. На севере полуострова – ещё больше: на мысе Челюскин только полярный день продолжается 125 суток, вместе с белыми ночами светлый период составляет до полугода. Важно, что круглосуточный свет приходится на тёплое время и даёт возможность передвигаться по территории вне зависимости от наступления дня или ночи, не делая вынужденных перерывов на

сон, останавливаясь на ночлег лишь тогда, когда действительно есть потребность в отдыхе. И этот фактор важен для насыщенных сезонных экспедиционных исследований, что также наложило свой отпечаток на топонимию региона.

Зимой, которая занимает подавляющий по продолжительности период года, как очевидно из выше сказанного, на севере Средней Сибири затруднены все передвижения в силу низких температур и сильных ветров. Глухозимье длится с ноября по февраль, в отдельные годы и по март-апрель. Перемещения усугубляются наступлением *полярной ночи* – зеркальному, по отношению к полярному дню, явлению.

Только во второй половине XX века мы можем говорить об относительно бурном развитии региона – с приходом в регион технических средств и созданием производственных мощностей.

2.1.2. Экономико-географические и исторические предпосылки для освоения и заселения севера Средней Сибири

Заселение севера Средней Сибири произошло достаточно поздно – уже в письменный период истории, что, безусловно, облегчает задачу находить соответствия в наименовании географических объектов с процессами формирования самого геокультурного пространства.

Несмотря на то, что в климатический оптимум голоцена – атлантический период – климат в Восточной Сибири был более благоприятным для заселения заполярных районов, чем в Западной Сибири и на Европейском Севере, существующие памятники присутствия человека на территории этого периода изучены очень слабо и сосредоточены в основном в бассейнах рек Анабара и Оленёка – это территория современной Якутии. Более того, те, что найдены и изучены на Таймыре, на сегодняшний день не имеют отношения к современным его насельникам [98].

Как справедливо заметил историк и антрополог И.И. Крупник, «из-за скудности или отсутствия прямых данных кажется удобным считать арктические группы населения стабильными обществами, с глубокой исторической преемственностью, постоянной численностью и социальной структурой. Однако

археологические и палеоантропологические материалы снова и снова восстанавливают глубокие «разрывы» в древних культурных традициях, которые ещё недавно казались непрерывными линиями эволюции» [46].

Для понимания последовательности и характера освоения территории, которые отразились в топонимии, мы выделили в исследовании два магистральных экономических обоснования в освоении и заселении территории.

Жизнеобеспечивающие ресурсы. Первобытные навыки охоты на зверя и рыбной ловли не могли обеспечить постоянного и беспроблемного жизнеобеспечения для круглогодичного проживания в северных районах Таймыра. Только переход к оленеводству дал возможность проживать сезонно: летом – в тундрах, к зиме – возвращаться в более комфортную зону лесотундры и северной тайги, вслед за мигрирующими стадами северного оленя.

Представители племён и родов, ставших основными участниками процесса этногенеза современных коренных малочисленных народов Таймыра, начали заходить в регион относительно поздно.

К своему приходу в XVII веке в тундры Таймыра, русские встретили в основном, «самоедов» и «тунгусов», как они обозначены в архивных источниках.

Самодийцы (так в советское время было предложено называть самоедов), по всей видимости, пришли на север Средней Сибири между X и XVII веками. Согласно летописи Нестора, в 1096 году новгородцы уже сообщали: «...югра же суть язык нем и соседят с самоедью на полунощных странах» [62], а к 1618 г. относятся сведения об ясаке с «пясидской самоеди». Считается, что XVII веке большая этническая общность – северные самодийцы – уже заняли большую территорию до левобережья Енисея на востоке. Именно северные самодийцы создали домашнее оленеводство [62] – основу обеспечения жизнедеятельности кочевых северных народов на Крайнем Севере. Эта сфера хозяйственной деятельности так и называется: домашнее оленеводство ненецкого типа. Оно отличается от оленеводства их ближайших родственников-соседей – остяко-самоедов (современных селькупов), и от других, более южных или восточных народов с оленеводческой культурой.

Охота и рыбалка остались в системе жизнеобеспечения как дополнительный источник необходимых средств существования. В частности, т.н. «чёрная рыба» (щука, налим, окунь и пр.) – основа питания ездовых и оленегонных собак. В пищу человек брал только «красную» и «белую» рыбу (лососевые, сиг, чир, муксун и др.) – ту, которую можно употреблять в сыром или замороженном виде, без термообработки. Впрочем, для малооленных семейств рыбная ловля летом становилась основным источником пропитания, когда они небольшие количества своих домашних животных отдавали оленеводам, уходящим на север с большими стадами.

Знание образа жизни кочевых родов, дважды в год следовавших за стадами северного оленя с юга на север и с севера на юг, дают исследователю возможность понимать логику поименования ими географических объектов на миграционных путях, через которую создавались нематериальные памятники культуры – в противовес тому, что материальные следы пребывания на том или ином стойбище, как правило, не сохранялись: все металлические предметы имели большую ценность и увозились с собой, остальные органические части строений и бытования очень быстро разлагались и исчезали. Что само по себе, безусловно, весьма экологично.

Тунгусский компонент на севере Средней Сибири, считается, появился в XII-XIII вв. – с юго-востока [86]. Это обстоятельство тоже связано с миграциями популяции северного оленя, сегодня обозначаемой в научной литературе как таймырская популяция.

В отличие от кочевого образа жизни, оседлость подразумевает в зимний период в Заполярье наличие возобновляемых источников системы жизнеобеспечения, необходимых для воспроизводства пищи, поддержания тёплого жилища в условиях минусовых температур в течение большого периода года и т.д. Речь идёт о металле, порохе, муке, средствах добычи огня и проч. Ресурсная поддержка государства и в XVII веке, и сейчас формируется благодаря так называемому северному завозу. Северный завоз сегодня – это комплекс мероприятий по бесперебойному снабжению труднодоступных территорий

Крайнего Севера. Таким же механизмом были и расположенные в труднодоступных местах хлебозапасные магазины, начавшие организовываться на севере Средней Сибири в XVII веке, снабжение которых происходило в короткий период речной навигации. Такие «государевы» объекты наделялись не только функцией распределения жизнеобеспечивающих продуктов во время долгого зимнего периода между жителями обслуживаемой территории, но и могли предоставлять другие необходимые товары – в обмен на пушнину, добываемую сверх ясака, как кочевниками, так и русским промышленниками (промысловиками, в современном понимании этого слова).

Эти «снабженческие» объекты инфраструктуры Российского государства находились всё же не в голой тундре, а в более благоприятной для круглогодичного проживания ландшафтной зоне. Как было показано выше, Хатангский тракт прошёл вдоль северных отрогов плато Путорана и плато Анабар. С одной стороны, потому что именно в лесотундровой и северо-таёжной зоне находятся наименее экстремальные, по сравнению с тундрой, условия круглогодичного проживания, с другой стороны, здесь пролегают идущие в «нужном» направлении водные артерии, по которым можно было передвигаться с запада на восток с минимальными волоками.

Оседлое население было, в основе своей, русским. За два столетия, в том числе и благодаря процессам ассимиляции с представителями кочевых родов, появилось старожильческое русское население, которое некоторые исследователи отождествляют с затундринскими крестьянами. Здесь важно акцентировать внимание на том, что не все представители русских старожилов относились к этому государственному сословию и, наоборот, не все затундринские крестьяне были русскими.

Что касается названия сословия (их ещё именовали затундренными, затундряными), произошло оно от наименования области, располагавшейся в широкой полосе лесотундры, где и пролёг Хатангский тракт – Затундры. Собственно «крестьяне» здесь как сословие появились после реформы М.М. Сперанского 1822 года. Затундринские крестьяне, помимо «почтовой гоньбы и

обывательской связи», занимались также сельским хозяйством. В Туруханском крае сюда относилось содержание домашних животных, как предназначавшихся для обслуживания Хатангского тракта, так и просто домашней птицы (более крупный домашний скот не выживал). А также рыбная ловля, добыча пушнины.

Благодаря пушным промыслам, инфраструктура, а значит, и материальные памятники, явившиеся составляющими геокультурного пространства Таймыра, развились далее. Пастники (охотничьи угодья, обустроенные ловушками-пастями) занимали приличную площадь, обходить их нужно было не один день. Поэтому промышленники строили избушки для ночлега, т.н. отъезжие избы, которых могло быть 2-3 и более. Ставились они на традиционных путиках (охотничьих тропах) друг от друга на расстоянии дневного перехода, в условиях полярной зимы, это не более 20 км. Знание места, где можно остановиться на ночлег, – жизненно необходимо на Крайнем Севере. Не случайно уже и в долганских топонимах отразились эти реалии – река Кыстыктах в переводе на русский язык означает «Река-На-Которой-Находится-Зимовье».

Основные же поселения назывались станками. Они состояли из 2-3 дворов, а избы ставились коренные. Они отличались от отъезжих размерами и удобствами.

Политические и экономические потрясения периодически делали тундру безлюдной: в отрыве от ресурсного обеспечения государством, круглогодичное оседлое проживание в Заполярье невозможно. Так, после Октябрьской революции 1917 года прекратилось снабжение станков и хлебозапасных магазинов. Русское население в большинстве своём выехало, продолжавшие кочевую жизнь представители малочисленных народов Севера, интегрированные в цивилизационные преимущества, погрузились в крайнюю нужду [96]. Жизнь Хатангского тракта, судя по архивным документам, некоторые оставшиеся жители поддерживали, скорее, в силу привычки. Только после нескольких лет установления советской власти обеспечение вернулось на Таймыр, сначала в виде интегральных коопераций. Способствовало этому образование новой административной единицы в 1930-м году – Таймырского Долгано-Ненецкого национального округа.

Аналогичная ситуация сложилась на Таймыре и в конце XX века – в 1990 годы: при развале Советского Союза стал неизбежен перерыв в ресурсном обеспечении промысловых точек совхозов, поэтому население региона сосредоточилось в городах и посёлках либо выехало на Большую Землю.

Государственная политика повлияла и на численность кочевого населения. Так, с 1969 по 1988 год происходило его снижение в связи с тем, что проводился активный перевод семей оленеводов на оседлость. За это время на оседлость перешло по стране более 10 тысяч человек – с 21,4 тысячи до 13,3 тысяч [73]. С 1989 года численность кочевого населения снова начала расти: во-первых, снова изменилась политика в отношении оседлости – в стране шла Перестройка, во-вторых, с развалом Советского Союза, колхозы, совхозы и госпромхозы прекратили своё существование.

Динамика численности населения Таймыра сегодня является деградирующей – за счёт убытия русского населения – и пришлого, и потомков русских старожилов. Меняют регион постоянного проживания и представители коренных малочисленных народов Севера. Как правило, долганы. Основная причина – долгосрочное ухудшение экономического состояния региона после смены политических формаций в 1991 году. Большинство представителей КМНС живёт за счёт субсидий государства.

Производственные ресурсы. В силу природных и климатических факторов, оседлые жители на севере Средней Сибири, как было сказано выше, стали появляться только в начале XVII века. Самым ранним стационарным является Хатанга, находящаяся на одноимённой реке. Отсчёт идёт с 1626 года – в этом году здесь было поставлено ясачное зимовье.

Несмотря на то, что в предыдущие 6000 лет, по данным археологии, спорадически наблюдались заходы человека на территорию, носили они сезонный характер – это касается и древних бронзолитейщиков, и представителей отдельных кочевых родов, взаимосвязи и преемственности между такими заходами до сих пор не выявлено [72].

Снова руда северных отрогов плато Путорана обнаруживается в плавильных печах Мангазеи (XVII век): химический анализ показал, что сырьё было взято именно из Норильских гор – по характерному сульфидному составу меди и примесям никеля в найденных изделиях [90].

Но с Мангазеей этап освоения территории правобережья Енисея связан, в основном, не из-за полезных ископаемых, а из-за пушнины. Именно началом XVII века было ознаменовано появление на здесь оседлых жителей [64]. До этого периода «проникновение на север Таймыра носило сугубо спорадический характер...» [72].

На рубеже XVI-XVII веков за продвижением представителей Российского государства на северо-восток, в сторону Таймыра шли и самоеды. Для них важным явился экономический стимул: пушнину, помимо ясака, можно было сдать сверху «государевым людям», вахтёрам (должность смотрителя хлебозапасного магазина) и получить дополнительные товары, так необходимые северянину: мука, железо и др. А некоторые представители кочевых родов, наоборот, уходили подальше от притеснений ясачных сборщиков и государственных обязанностей. Так, во второй половине XVII века часть самодийцев, называвшаяся пясидской самоедью, ушла с Пясины (запад) на реку Хета (юго-восток Таймыра), избегая уплаты налога представителям Российского государства (по донесению Ивана Сорокина «воровская самоедь с ясаком сбежала вниз между Пясидой и Хатангой» [33]).

Появившаяся на севере Средней Сибири в XVII веке государственная инфраструктура обеспечила привлекательность пушнины в экономическом плане и для тунгусов: вдобавок к утилитарному, она приобрела ещё и товарообменное значение.

Также, уже в конце XVII, к русским поселениям, которые обосновались по руслам больших промысловых рек (Енисей, Пясины, Хета, Хатанга), стали выходить с востока и юго-востока якуты [32]. Для них также основополагающим фактором стал экономический: станки, круглогодично действующие

хлебозапасные магазины обеспечивали оседлую жизнь факторий и весьма благотворно влияли на достаток представителей кочевых родов.

Немаловажно в этом отношении указание советского этнографа Н.К. Ауэрбаха на тот факт, что «бедностью туземцев тундряных районов надо объяснять незнакомство русских с этими районами в первой половине XVII века» [4] – речь о низовьях Енисея и Пясины, куда кочевники уходили на летовки.

Новая экономическая составляющая и активный интерес к ней кочевых народов запустили активный процесс этногенеза. По отписке мангазейского воеводы, в 1623 г. «многие русские люди приходят в Мангазейский уезд, женятся на туземках и поселяются в юртах; некоторые уже живут там лет по 15–20» [33]. Так, по данным советского историка М.И. Белова, в 1629 году с реки Анадырь прибыло 20 родов тавгов (одни из предков нганасан) под предводительством человека по имени Удамово Соница, которые расселились в северо-восточной части территории – с южной стороны предгорий Бырранга [69].

Симптоматично, что привычные стоянки кочевых родов начали учитывать наличие-отсутствие в округе хлебозапасных магазинов. Так, в обнаруженных нами источниках в Государственном архиве Красноярского края, эта традиция сохранялась ещё в конце XIX века. В частности, Михаил Суслов, священник прихода Дудинской Введенской церкви, во время своей миссионерской поездки посетил несколько семей эвенков, зимовавших вокруг станка Часовня (Норильский) [17]. А упразднение казённого хлебозапасного магазина побудило представителей Нижнечумской и Таймурской орды перейти в другой район. По свидетельству Никодима, епископа Енисейского и Красноярского, «инородцы частично отошли в Якутскую область, частично в пределы приходов Хатанги и Дудинки» [16], туда, где магазины продолжали работать. Существенен тот факт, что это гораздо севернее прежних мест их зимовки.

Такие моменты отмечали и переписчики Приполярной переписи 1926-1927 гг., свидетельствуя, что некоторые из кочевых родов и вовсе оседали на станках на всю зиму, и это стало своеобразной системой расселения туземцев, наложившей отпечаток не только на годовой цикл кочевий, но и на их духовную и

материальную культуру [87]. Логично, что соседство в течение долгой зимы неизбежно приводило к контактам представителей разных слоёв населения Туруханского края. Советский этнограф Б.О. Долгих считал «формирование сухопутной дороги вдоль южной границы Таймыра (Хатангского тракта) тем механизмом, который и привёл в конечном итоге к формированию нового этноса – долганы» [27].

Сегодня малочисленные народы Севера в Таймырском муниципальном районе представлены ненцами, энцами, нганасанами, эвенками, долганами. Языковые различия представителей этих народов имеют большое значение для интерпретации топонимии исследуемого региона.

Что касается промышленного производства, основанного на полезных ископаемых, возобновление его на новом качественном уровне, по сравнению с древними бронзолитейными мастерскими, стоит отнести ко второй половине XIX века. Именно тогда начались первые попытки не просто добывать руду и уголь в промышленных объёмах, но и плавить черновую медь. Возобновление этой сферы экономической деятельности происходило также на юго-западе исследуемой территории, в районе Норильских гор – северных отрогов Лонтокойского Камня, отделённого от основного массива плато Путорана долиной реки Норильской.

В советский период началось кратное увеличение населения региона за счёт развития производства – в основном, в Норильских горах, где началось освоение промышленных богатств и с 1930 года (по уточнённым нами данным [14]) стал строиться Норильский меде-никелевый комбинат (НГМК).

На остальной огромной территории производственная деятельность ограничивалась разведочными работами – на нефть, газ, соль и другие полезные ископаемые. Все эти процессы зафиксированы в топонимии.

С приходом советской власти на территорию, многие традиционные способы хозяйствования отошли в прошлое, по таймырской тундре прошла коллективизация. Но появилась письменность, получило развитие декоративно-прикладное творчество, помимо оленеводческих колхозов, появились зверосовхозы, госпромхозы – по добыче ДСО и северной рыбы.

Практически всё советское время эти две ветви экономики Советского государства – сельское хозяйство (оленоводство и пушнозаготовки), с одной стороны, и промышленность (освоение недр), с другой стороны, развивались параллельно друг другу. Безусловно, представители коренных малочисленных народов трудились на переделах промышленных предприятий, а русские работали в оленеводческих бригадах на различных должностях, в том числе ветеринарами, бухгалтерами и т.д. Но взаимодействие этих двух ветвей экономики ограничивалось мониторингом экономических параметров.

Основное промышленное освоение севера средней Сибири начинается только сейчас. Идёт строительство нового грузового терминала на побережье Северного Ледовитого океана, заходят на территорию нефтегазовые компании, в районе Норильских гор тоже появляются новые игроки – помимо ПАО «Норильский никель» (преемника НГМК), добычей платины начинает заниматься Черногорская горная компания (ГК «Русская платина»). И что характерно, после перерыва в несколько десятков лет, снова появилась необходимость наносить на карту ранее не поименованные географические объекты. Так, совсем недавно, в 2023 году в Енисейском заливе Карского моря появились острова Матвеева и Майсюка – в честь участников событий обороны Диксона во время Великой Отечественной войны. В 2025-м получило название и было внесено в Госреестр озеро Бреховское, которое располагается в группе одноимённых Бреховских островов, названных в своё время в честь семьи Бреховых, промышленявших в этом районе в XVIII веке.

Немаловажную роль в истории освоения Заполярья играют *коммуникации*.

В силу тех же указанных выше физико-географических факторов север Средней Сибири до сих пор не имеет постоянной сухопутной связи с Большой Землёй. И тем не менее, заинтересованность в пополнении казны государства его богатствами (в прошлые века – пушниной, сегодня – полезными ископаемыми) периодически возобновляет процессы освоения территории, в том числе, создание современной инфраструктуры.

Дороги – основа такой инфраструктуры. Дорогами для передвижения издревле служили реки, то же относится и к освоению бескрайних просторов севера Средней Сибири. Геокультурное пространство Таймыра, несмотря на его огромную площадь, имеет всего три магистральных направления, по которым возможно наземное (водное) передвижение – это реки Хатанга, Пясины, а также Енисей, являющийся естественной границей исследуемого региона (Рисунок 8). Начиная с XVI-XVII века путешественники и исследователи передвигались из одной речной системы в другую в местах наименьшего расстояния между судоходными водотоками, относящимися к различным бассейнам. Так, для перемещения из Норило-Пясинской речной системы в Хатангскую использовался, Авамо-Тагенарский волок между реками, соответственно, Авам и Тагенар. Его длина составляла около 0,9 км.

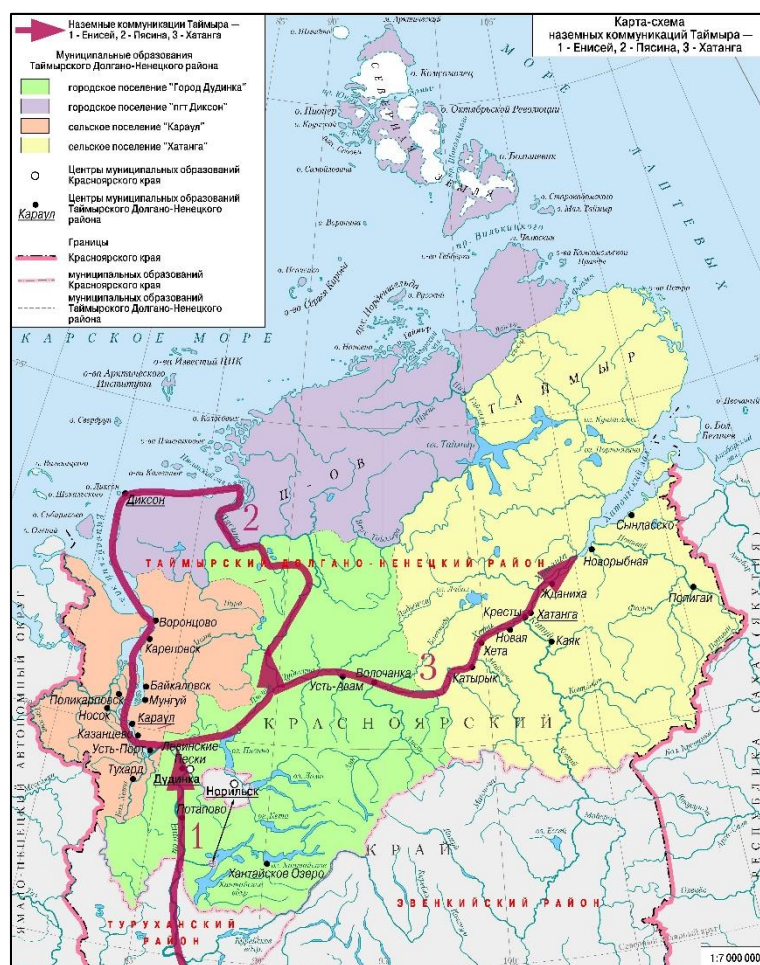

Рисунок 8 – Карта-схема наземных коммуникаций Таймыра: 1. Енисей; 2. Пясины; 3. Хатанга (карта-схема составлена автором)

Волоки не были хаотичными явлениями, их организовывало и поддерживало Российское государство, на самых активных пересечениях появлялись поселения, где оседло проживали люди, профессионально занимающиеся волоками и получавшие за это государственное жалование, их называли волочаны. Как память о тех временах остались на карте Таймыра топонимы – Волочанка (гидроним и ойконим), Вологочан (тоже гидроним и название бывшей воинской части) и некоторые другие географические названия.

Зимой же, передвигаясь на собаках или оленях теми же путями, превратившимися в зимники, необходимо было успеть засветло остановиться на ночлег, учитывая, что в долгую полярную ночь этот период длится лишь два-три часа. Для этого, начиная с XVII века, и строились остановочные пункты (станки), где можно было переночевать, поменять гужевой транспорт. В условиях заполярной зимы расстояние, которое можно преодолеть за короткий световой день, составляет, как уже упоминалось, не более 20 км. Таким образом постепенно и сформировалась транспортная артерия, известная как Хатангский тракт. Поселения его были установлены на указанном расстоянии, таким образом, появилась сопутствующая инфраструктура, состоящая из череды русских поселений (станков), жители которых и обслуживали работу тракта (содержали транспортных собак, оленей, осуществляли подводную гоньбу, обывательскую связь) [16]. В дальнейшем старинные русские станки стали основой формирования немногочисленных ойконимов на территории.

Считается, что словосочетание «Хатангский тракт» появилось благодаря переписчикам Приполярной переписи 1926-1927 годов, как уверяли сами переписчики, по их инициативе [87]. Однако, в 1925 году это словосочетание уже употребляется в научной литературе [26].

Ещё эту зимнюю дорогу называли Улахан Нютча суола (долганский язык) – Большая Русская дорога. И действительно – русская, так как сами кочевники не пользовались хорошо наезженными трассами, а следовали аргишными путями за кочующим стадом северных оленей. Ориентировались они на местности по рельефу, а если погода не давала такой возможности, прибегали к вековым

навыкам, передававшимся из поколения в поколение. Вот как описала Амалия Хазанович ориентирование на местности каюра, который усомнился в правильности выбранного им пути: «... раскапывает ножом снег, приглядывается к направлению первых осенних заструг. А если темно, то откапывает кусочек земли, нюхает её, пробует на зубах. Это он угадывает по траве и составу земли, на каком участке тундры сейчас находится...» [96].

С развитием производства, связанного с добычей полезных ископаемых, уже в советское время, появились несколько основных наземных магистралей, в основном, соединяющих производство под Норильскими горами с главной транспортной артерией региона – рекой Енисей. Но это всего 100 километров.

Современные зимники, обеспечивающие газовые и нефтепромыслы, работают так же сезонно, как и в прошлые века, с той разницей, что современные технологии позволяют ровнять полотно сравнимо по качеству с шоссейными дорогами.

Получили развитие газопроводы.

В 1978 году началась круглогодичная навигация по Северному морскому пути, за счёт развития советского ледокольного флота, что дало мощный толчок для дальнейшего развития производства под Норильскими горами.

Основным коммуникационным транспортом на Таймыре по-прежнему, начиная с XX века, является авиация.

Выводы

Геокультурное пространство как структурная часть географического пространства – фундаментальной категории географии, изучающей пространственно-временные отношения географических объектов [77], обусловлено его физическими свойствами. Вместе с тем, являясь сферой и продуктом человеческой деятельности, оно немислимо без исторических, экономических, любых других цивилизационных событий, явлений, происходивших в конкретном географическом пространстве.

Последовательность и характер освоения территории очень важны в применении хронологического метода и интерпретации ассимилированных

названий географических объектов в процессе взаимодействия представителей разных языковых групп, т.к. эти данные помогают исследователю определить причинно-следственные связи в приоритете очередности их появлении здесь. В географических названиях как продукте организации человеческой деятельности отражаются характерные для конкретного региона особенности.

Понимание процессов, которые обусловили очередность появления на территории предков современных этносов, населяющих сегодня исследуемый регион, даёт ключ к расшифровке топонимов-палимпсестов, некоторые из которых в процессе исторического освоения и взаимодействия разных народов трудно или вовсе не поддаются интерпретации.

Важно в понимании поименования отдельных кластеров географического пространства, что на север, за горы Бырранга, туда, где есть тундры и заходит ДСО, кочевые народы всё же не шли: нецелесообразно так далеко уводить стада домашнего северного оленя, ведь необходимо успеть вернуться до наступления коренной зимы в зону лесотундры или северной тайги. Основные миграционные пути таймырской популяции проходили с территории современного Эвенкийского муниципального района Красноярского края через плато Путорана на север, в пределы современного Таймырского муниципального района не далее гор Бырранга. А оседлое население сформировалось в «срединном Таймыре» – вдоль северных отрогов плато Путорана, где находятся зоны лесотундры и северной тайги, наиболее благоприятные для круглогодичного проживания. Там и проходил Хатангский тракт – сезонный зимний путь, соединявший запад и восток территории.

Все особенности географического пространства продиктовали закономерности освоения и заселения исследуемой территории, что в результате явилось необходимыми и достаточными условиями для формирования сегодня существующего геокультурного пространства на самой северной части материковой суши в мире.

События новейшей истории имеют минимальное воздействие на топонимию Таймыра.

2.2. Общая характеристика топонимии Таймыра

Совокупность топонимов Таймыра рассмотрена в соответствии с разработанной и представленной в данной диссертации универсальной классификацией топонимов (п. 1.2.2.).

Каждый топоним классифицировался комплексно. Первоначально определялась его объектность. Это, во-первых, даёт представление о ландшафте, где он расположен, во-вторых, предлагает подсказку в определении субъектности (по II категории). Например, гидроним (II) Гулэми-Икэн показывает, что река вытекает с горного перевала (*икэн* – «перевал» по-эвенкийски). Не стоит искать также дополнительных причин для поименования оронима (I) Сухие (горы), так как, скорее всего, горы названы по омывающей их подножья реке Кураннах (II) – Сухая по-долгански, а та, в свою очередь, действительно, пересыхает в летний сезон (III). И т.д.

Определяя субъектность топонима, исследователь использует для этой цели лингвистические методы, например, самое простое, вычленение и определение топоформантов. Так палимпсест (II) Алыкель даёт основания сопоставлять видоизменённый формант *-кель* с тюркским *кюель* – «озеро». Соответственно и значение гидронима (I) стоит искать с помощью лексики языков тюркской группы (II), возможно, также ассимилированной.

Таким образом исследователь облегчает себе дальнейшие поиски для трактовки географического названия в III категории классификации – «Контент».

Ярким примером выбора правильного направления прочтения топонима является уже упоминавшееся ранее перенесённое на Таймыр название реки Пахры. Не стоит пытаться трактовать его так же, как и омонимический топоним на его изначальной территории – Московской области. Или, ещё один пример, гидроним Марга также не стоит пытаться расшифровать с помощью возможных языковых ассимиляций в геокультурном пространстве Таймыра: и Пахра, и Марга являются русскоязычными мемориальными хомотопонимами, а не ассимилированными палимпсестами (гидроним Пахра в виде кальки был привнесён на карту в 1951 г. Северо-Таймырской экспедицией по подмосковной

речке Пахра, а река Марга названа в 1936 г. начальником топографической партии полярной станции «Мыс Челюскин» по названию его родной деревни, находящейся вблизи от г. Чебоксары [83]).

В совокупности, комплексный подход к классификации топонимов, в отличие от существующих различных линейных классификаций, помогает интерпретировать и те географические названия, которые долгое время оставались в качестве неподдающихся трактовке палимпсестов.

2.2.1. Объектность топонимов Таймыра

Объектность топонимов той или иной территории определяется географическими факторами.

Так, топонимия Таймыра, в соответствии с I категорией классификации, изобилует гидронимами (Таблица 1). Репрезентативная выборка топонимов составила более 5,5 тысяч географических названий. Как видно из таблицы, из них более 4/5 составляют названия водных географических объектов. Это объясняется, в том числе, климатом и природными ландшафтами исследуемой территории.

Таблица 1 – Топонимы Таймыра в соответствии с I категорией классификации

Класс топонима	Абсолютное количество	Относительное количество
Гидронимы	4613	< 81,5%
Оронимы	1037	>18,5%
Ойконимы	29	>0,5%

Менее 1/5 части топонимии составляют оронимы, несмотря на тот факт, что регион включает в себя две обширные горные системы – горы Бырранга и северные отроги плато Путорана. Бырранга занимает 200 000 км², а всё плато Путорана и вовсе 250 000 км², что по площади сопоставимо с такими странами Европы как Великобритания или Румыния. Однако отсутствие сравнимого количества оронимов в геокультурном пространстве Таймыра говорит о слабой

заселённости и освоенности человеком севера Средней Сибири, а также труднодоступности самих горных массивов.

Несравнимо меньше здесь и ойконимов. В таблице видно, что и абсолютное их количество, и относительное настолько малы, что в общей характеристике геокультурного пространства Таймыра указывают также на неосвоенность и малодоступность огромного региона Крайнего Севера.

Таким образом, мы можем говорить, в частности, и о том, что физико-географические особенности исследуемого геокультурного пространства определили структуру нематериальных памятников в соответствии с I категорией «Объектность топонима» в существующем виде: подавляющее большинство – это гидронимы, на втором месте, с большим отрывом почти на порядок, – оронимы. Слабая заселённость территории в силу суровости климата и труднодоступности региона определила незначительное количество ойконимов (Рисунок 9).

Рисунок 9 – Распределение классов топонимов на Таймыре по I категории (Объектность топонима)

В то же самое время эти особенности отражают активное использование водных артерий в качестве путей передвижения – во время промыслов, выполнения государственных задач или миссионерской деятельности.

2.2.2. Субъектность топонимов Таймыра

Эту категорию топонимов можно определить этнолингвистическими методами. Она помогает соотнести наличие топонимов той или иной субъектности с территорией её распространения, что, в свою очередь, отражает характер освоения и природопользования и помогает понять взаимодействие на этой территории разных этносов, а также его характер.

Живущие сегодня на севере Средней Сибири т.н. коренные малочисленные этносы Таймыра относятся к трём разным языковым группам: ненцы, энцы, нганасаны – к самодийской группе, эвенки – к тунгусо-маньчжурской, долганы – к тюркской группе языков. Причём носители последних двух языков – эвенкийского и долганского – происходят из одной языковой семьи – алтайской. Самодийские же языки восходят к уральской семье языков.

Ещё одна (четвёртая по счёту) языковая группа, которая отразила формирование геокультурного пространства Таймыра, это – славянская группа языков. Русский язык, относящийся к ней, восходит к индоевропейской языковой семье.

Носители этих разных групп не понимали друг друга при взаимодействии, обучались в процессе контактирования владению незнакомыми наречиями, что неизбежно приводило к ассимилятивным процессам и даже возникновению определённого диалекта, который описан в лингвистической научной литературе как таймырский пиджин – говорка [88, 97]. Так, в соответствии с таймырской говоркой звучат гидронимы, названные по искажённым русским именам Кирилл или Николай: реки Кирик и Мокулай (Мукулай).

В геокультурном пространстве Таймыра топонимия представлена географическими названиями, происходящими из всех четырёх языковых групп (Приложение Б). Это можно определить с помощью топоформантов. По Дульзону, это – форманты топонимов, позволяющие дифференцировать лексику по принадлежности к тому или иному языку, они «позволяют точно определить язык, иногда и его диалекты» [30]).

Так, отличительным признаком гидронимов, происходящих из *ненецкого языка*, являются форманты *яха* («река») или *то* («озеро»). Река Ащаяха переводится на русский язык как Отцовская река. Основа слова *аща-* – «отец», *-яха* – «река».

Интересны двухкомпонентные топонимы, например, Казак-Яха – Казачья река. В одном топониме присутствуют две языковые основы – русская и ненецкая, что отражает характер взаимодействия первых картографов и местного населения. Именно поэтому этот топоним мы относим к палимпсестам (II): несмотря на хорошую узнаваемость, он содержит в себе два языковых «пласта» – восточнославянский и самодийский.

Относящийся к самодийской же языковой группе *нганасанский язык*, как правило, маркируется другими топоформантами: *турку* – («озеро») и *бигай* («река»). Например, Бягода-Турку – Куропаточье озеро (*бягуо* – «самец куропатки»), Дикара-Бигай – Горная река (*дикэ* – «гора»). Есть и другие отличительные топоформанты.

Что касается *энецких топонимов*, то влияние этого самодийского народа на формирование геокультурного пространства Таймыра стремится к нулю – в силу очень малой численности, но главное – характера этнических процессов, сопровождавших формирование карасинских и хантайских племён в отдельный самодийский народ. Топоформанты, характеризующие энецкий язык, либо отсутствуют, либо практически совпадают с «юрацкими», современными ненецкими. Например, те же лексемы «река» (*дѣха*) и «озеро» (*то*) практически соответствуют современным ненецким топоформантам. Возможное отражение в топонимии процессов, сопровождавших формирование энцев в самостоятельный этнос, присутствует в некоторых гидронимах юго-запада исследуемого региона, таких как Хета или Кета, о чём будет сказано в соответствующем параграфе, касающемся наличия признаков палеоазиатских языков в топонимии Таймыра.

Долганы – ещё один коренной малочисленный народ территории – представитель тюркской языковой группы алтайской семьи языков. Долгое время *долганский язык* считался диалектом якутского языка. Впрочем, и сегодня тоже

есть такие мнения [95]. Аналогичные по смыслу обозначенным выше топоформанты *юрях* и *кюель* («речка» и «озеро») принадлежат тюркской группе.

В качестве топоформантов выступают и различные аффиксы. В часто встречающемся на исследуемой территории суффикс *-лах* является ассимилированным, но указывает, что первоначальное звучание его принадлежало к тюркской языковой группе, к которой относятся долганский и якутский языки: в долганском он звучит как *-лаак*, в якутском *-лях*, с одним и тем же значением – обладания предметом, свойством, указанным в основе слова. Пример: река Арылах – Островная (в значении «имеющая острова»).

Важно понимать, что формирование долганского языка происходило при включении трёх составляющих – тунгусо-маньчжурской, тюркской и восточнославянской языковых групп (в этногенезе этого народа участвовали эвенки, якуты и русские [27]). Так, грамматика долганского языка – тюркская, а лексика включает слова якутского, тунгусского и русского языков. Например, слово *балык* («рыба») – якутское, *курпааскы* («куропатка») – русское, *каптагас* («красная смородина») – тунгусское.

После определения субъектности (II) топонима, отпадает необходимость заниматься перечислением схожих по звучанию значений из других языков.

Иллюстративна экстраполяция расшифровки гидронима Чопко на геокультурное пространство исследуемой территории. Топоним этот широко распространён не только на Таймыре, но и по всему ареалу, где говорят на эвенкийском, эвенском и других языках тунгусо-маньчжурской группы – в Якутии, Читинской области и далее на восток. В зависимости от рельефа, топоним этот может соотноситься с такими значениями слова *чопко* как «долина между хребтами», «горная впадина» и даже «овраг». Есть и ещё одно значение этого слова в эвенкийском языке, которое не стоит сбрасывать со счетов: «яма на дне реки». Тем более, что реки с русским названием Ямная тоже присутствуют в указанных регионах в изобилии.

Но, анализируя топоним по III категории (Контент), мы соотносим географический объект с рельефом в исследуемом нами районе, и видим, что

переводить название реки лучше как Ущелистая: она начинается на вершинах плато Путорана и протекает по живописным ущельям. В геокультурном пространстве Таймыра таких гидронимов – Чопко – несколько, и данная трактовка справедлива по отношению к реке Чопко, впадающей в Хантайское водохранилище, и к реке Чопко, сбегаящей с северных отрогов плато, сливающейся с Ондодоми (о его контенте (III) ниже) и пополняющей реку Авам (эвенк., Широкая).

Тем не менее, можно встретить утверждения, что топоним Чопко долганского происхождения. Действительно, как мы указали выше, в долганском языке есть слово *чопко* с теми же значениями, что и в эвенкийском. И вот здесь важен в анализе и этнографический фактор. Надо учитывать, что слово это в лексику молодого долганского языка пришло благодаря тунгусам, которые, наряду с якутами и русскими, участвовали в процессе этногенеза долган. Так что, гидроним Чопко следует выводить из эвенкийского языка, учитывая широкий ареал его распространения там, где долган нет и никогда не было. Таким образом, субъектность данного топонима мы определяем как тунгусский компонент.

Эвенкийский язык, относящийся к третьей языковой группе, представленной в топонимике Таймыра, – тунгусо-маньчжурской – имеет важное значение в формировании топонимии исследуемой территории. В качестве топоформантов в географических названиях, произошедших из этого языка, выступают как аффиксы (*-чи*, *-кит*, *-нгда*, *-ма* и др.), так и их полное отсутствие, когда топоним состоит только из основы (река Икэн (Перевальная): *икэн* – «перевал»). Топоформанты видовой принадлежности географического объекта, аналогичные предыдущим (*амут* («озеро») и *бира* («река»)), встречаются крайне редко и часто в качестве основы. Например, Амуткан – в значении Озерко (Небольшое Озеро).

Четвёртая языковая группа, без которой невозможно рассматривать происхождение топонимов Таймыра, – восточнославянская группа индоевропейской семьи, к которой и относится *русский язык*.

Географические названия, определяющие субъектность топонима с наличием русского компонента, да и не только, могут в себе содержать и ассимилятивные

наслоения, появившиеся в процессе взаимодействия носителей разных языковых культур, что затрудняет распознавание III категории принятой нами квалификации, а именно – контент.

Некоторые палимпсесты ещё довольно легко определить с точки зрения языкового источника (например, гидронимы Нефодия (от русск., река Мефодия) или Пячина (от ненецк. *пя-* – «дерево» и *-сиде* – показатель отсутствия признака, указанного в основе слова, т.е. Безлесная). А у некоторых очень трудно, а иногда и невозможно определить первоначальный язык происхождения: в процессе взаимодействия носителей разных языковых групп такие географические названия видоизменяются до неузнаваемости. В лингвистике это называется «комбинаторное изменение звуков»: приспособление нехарактерных звуков чужого языка к артикуляции родного языка носителя.

Во время работы над составлением таблиц репрезентативных условных квадратов и анализом топонимов была создана визуальная градация географических названий по субъектности с помощью условной цветовой гаммы. Так, ненецкие топонимы обозначены жёлтым цветом, эвенкийские – оранжевым, долганские – фиолетовым, нганасанские – бирюзовым, русские – красным, выделенный зелёный цвет для топонимов энецкого происхождения оказался не востребован. Палимпсесты получили нейтральный серый цвет. Проанализировав репрезентативную выборку топонимов геокультурного пространства Таймыра в соответствие со II категорией, мы увидели, что в процентном отношении большую часть географических названий составляют топонимы русского происхождения, на втором месте – палимпсесты (Рисунок 10). Что отражает активные процессы взаимодействия, происходившие во время освоения и заселения севера Средней Сибири.

Вместе с тем соотношение не отражает взаимосвязь между субъектностью топонимов и современным количеством представителей конкретного народа. Так, самую большую численность в исследуемом геокультурном пространстве из коренных малочисленных народов Севера имеют долганы и ненцы – по данным переписи 2025 года чуть более 5 тысяч и почти 3,5 тысячи соответственно.

Нганасаны – менее 800 человек, эвенки – менее 300 человек, энцы – около 200 человек. Зато, перенесённые на карту-схему маркеры в соответствии с условными цветами происхождения топонимов позволили увидеть отражение исторических процессов, обеспечивших освоение и заселение Таймыра. Визуальное распределение субъектности топонимов на карте-схеме совпало с пространственно-временными событиями, сопутствующими формированию геокультурного пространства. Об этом речь пойдёт отдельно в 3-й главе.

*Рисунок 10 – Соотношение топонимов Таймыра по II категории
(Субъектность топонима)*

2.2.3. Контент топонимов Таймыра

Субъектность (II) топонима, как и в целом этнолингвистический фактор, имеет важное значение в определении III категории классификации – «Контента» – для трактовки топонимии интересующей нас территории, а иногда является доказательством той или иной гипотезы.

Даже в случае, когда субъектность топонима не вызывает сомнений и кажется, что стоит только перевести слово на понятный исследователю язык, и контент будет расшифрован, как, например, в случае с Лонтокойским Камнем: *лонгдоко* – слово тунгусское, переводится на русский язык как «сопка». Но бывают и более

сложные географические названия. И без учёта исторического фактора контент может терять своё основное назначение – доносить смысловую нагрузку.

Самый простой пример в данном случае – гора Сидельникова, одна из возвышенностей упомянутого Лонтокойского Камня. Вполне возможно, что имя своё гора получила по угольям некоего промысловика Сидельникова, как принято на севере и в Сибири. В Дудинке и сейчас живут потомки казака Сидельникова. Но на карте пастников (*пасть* – ловушка на песца), составленной этнографом А.А. Поповым в 1930 году со слов туземцев [48], уголья неких Сидельниковых — И.П. и К.Е. – находились достаточно далеко от горы: в районе Больших Норильских озёр. Вполне возможно, под инициалами И.П. подразумевался долганин Иван Сидельников (Нягда) [91], которого Н.Н. Урванцев не раз упоминает в своих книгах и отчётах. Тот был одним из помощников и проводников его экспедиций, так как хорошо знал район Норильских гор и Больших Норильских озёр. Многие топонимы, к слову, были поименованы со слов именно этого человека, например, название озера Капчук [90]. Этот факт, кроме всего прочего, объясняет вкрапления тюркских наименований в общем массиве эвенкийских топонимов плато Путорана в северо-западной его оконечности (напомним, долганский язык относится к тюркской языковой группе, а эвенкийский – к тунгусо-маньчжурской).

Несмотря на то, что в своих работах Н.Н. Урванцев пишет фамилию помощника через букву «е» (Седельников), думается, что это всего лишь описка учёного, так как в небольшом количестве сохранившихся метрических книг и описей жителей Туруханского края, оставшихся на сегодня в фондах Таймырского краеведческого музея и архиве Дудинского загса, не встречается написание варианта фамилии через «е», только через «и».

Нягда-Сидельников действительно хорошо и много помогал геологам, поэтому вполне правомерен вывод о том, что именно его имя нанесли на карту участники экспедиции 1920 года. Урванцев писал, что в тот год, несмотря на сложные условия, связанные как с погодой, так и со снабжением экспедиции всем необходимым, четыре человека под руководством межевого инженера

Ольховского за полтора месяца покрыли территорию Норильского района в 25 км², до той поры не изученную «даже географически» [89]. Именно тогда появились на карте (а некоторые закрепились, по словам самого Урванцева) многие известные нам сегодня топонимы [89]. Гору Сидельникова Николай Николаевич не упоминает в этом эпизоде, но оборот «и т.д.» после перечисления географических объектов, площадь съёмки, а также дислокация горы между присутствующими в списке горами Рудная и Надежды позволяет предположить, что имя своё гора Сидельникова получила в тот же период.

Особенно важно определить субъектность (II) топонима-палимпсеста, чтобы вывести наиболее вероятный его контент (III), опираясь на существующие реалии ландшафта, рельефа и другие географические факторы.

Показательным примером такого распознавания является топоним Маймеча (Маймече) – название притока реки Хета.

Первое предположение о происхождении этого географического названия сделал Б.О. Долгих, он высказал мнение, что Маймеча – видоизменённое русское название Медвежья [27]. Действительно, на картах, датированных ещё XVIII веком, в том же районе обозначена река Медвежья, а современные картографы помечают её как Маймеча, в скобках давая второе имя Медвежья.

Но не так всё однозначно. В.А. Кейметинов, составитель обширного, в 5 томах, «Эвенско-русского словаря» с толкованием и этимологией и, что важно, носитель эвенского (родственного эвенкийскому) языка, в своих исследованиях обращает внимание на лексему *мѳмѳ*, которая в переводе с эвенкского на русский язык означает «нечто страшное, неизвестное, медведь» [42]. В таком случае, мы учитываем, что общетунгусский суффикс *-чи* делает прилагательное *мѳмѳчи* весьма похожим по звучанию на топоним Маймече. И с тем же значением – Медвежья.

Но это не единственное толкование топонима с неочевидным контентом. В эвенкийском языке есть лексема *майма* – «голец (лосось)». Носители эвенкийского языка трактуют множество аналогичных топонимов, находящихся не только на севере, но и по всей Сибири, как производные от этого значения –

Гольцовая: Майма, Маймандя и др. [25]. Поэтому, логично предположить, что русское толкование гидронима – от медведя – появилось на базе народной этимологии, созданной сезонными рыбаками на реке Маймече, так как постоянного населения там не было. И медведи туда заходят, и гольцы водятся...

Используя также и географическо-картографический фактор, можно прийти к интересным выводам в определении контента (III). Обратимся к самому топониму Таймыр, который является топонимом-палимпсестом и имеет несколько трактовок.

Важно понимать, что первыми, кто нанёс на карту контуры полуострова, близкие к реальным, были участники Ленско-Хатангского отряда Великой Северной экспедиции (1733-1743 гг.) под руководством Х.П. Лаптева. Но ещё век, до Миддендорфа, полуостров отмечался на этих картах как Пясида или Байда. Александр Фёдорович был здесь в экспедиции с 1842 года по 1844 год, и именно с его лёгкой руки, считается, стали называть весь полуостров Таймыром. Хотя он сам в своём знаменитом монументальном труде «Путешествие на север и восток Сибири» пишет, что и сам «раздвоенный» полуостров, и залив, разделяющий части-близнецы полуострова² называли Таймур [59].

Распространённой является версия об эвенкийском происхождении названия от древнетунгусского *тамура* («ценный, дорогой, богатый»).

Но это не единственный вариант трактовки. Например, «якутское *туой муора* — «солончаковое озеро», или *тымыр* — «кровеносный сосуд». Ненецкое *тай мярей* — «плешивый, лысый». Есть соответствие и в нганасанском языке: *таа мирэ* – «оленьи тропы» [6].

Как видим, исследователи предпочитают ограничиваться простым перечислением звуковых соответствий в разных языках коренных малочисленных народов Севера, представленных сегодня в регионе. Однако, прослеживая последовательность заселения представителями (или предками) названных

---

² В первой половине XIX века недоступный Таймыр представлялся именно так, даже спустя 100 лет после работы Ленско-Хатангского отряда Великой Северной экспедиции, в соответствии с его картами, впервые обозначившими контуры полуострова.

народов, стоит иметь в виду, что ненцы и якуты до Таймыры (реки) или Таймыра (озера) не доходили, а последнее у нганасан и вовсе называлось Дьямо (в транскрипции Н.Н. Урванцева) ещё в первой половине XX века [92] – как положено кочевому народу, иносказательно – Море, Большая вода.

Мы же обращаем внимание на то, что проводниками у экспедиции Миддендорфа были тунгусы, и Александр Фёдорович воспринял именно их произношение – Таймыр, о чём он и пишет [59]. Т.е., при внимательном изучении первоисточника, мы видим, что Миддендорф лишь видоизменил существовавшее название.

В связи с этим хочется обратиться к самой ранней карте, на которой – весьма схематично, практически в стиле кроки – обозначен и сам регион, и озеро Таймыр – Карта Тартарии (Сибири), изданная Ортелиусом в 1570 г. во фламандском Антверпене. На это обстоятельство в научной литературе не обращали внимания, между тем, описания самого А.Ф. Миддендорфа могут помочь «снятию пластов» с топонима-палимпсеста Таймыр.

Александр Фёдорович, разбирая эту карту, пишет следующее: «Очертание края, даже со включением широты и долготы, в то время (в XVI веке – Л.С.) представлялось удивительно сходно с нынешним... в нём есть даже и озеро... *Turb* вместо Таймыра» [59].

Действительно, на приведённом фрагменте (Рисунок 11) мы видим надписи (обведены белой линией), они на латыни: *Turb lacus* и *Turboru horda* чуть ниже (*lacus* – «озеро»; *-oru* – аффикс прилагательного от основы *Turb*; *horda* – «орда»).

На латыни слову *turb* не удалось найти соответствия, но оно, скорее всего, видоизменено, и Ортелиус воспринял его с искажениями от своих информантов, кто бы они ни были. В данном случае показательно, что прилагательное *Turboru* тоже могло послужить базой для дальнейших искажений при беглом прочтении или артикулировании носителем иной языковой группы.

Этот ранее не озвучивавшийся никем один из вариантов интерпретации топонима Таймыр приведён в пример для того, чтобы проиллюстрировать: применение универсальной комплексной классификации даёт право исключить

трактовки географического названия из традиционных языков территории – ненецкого, якутского и нганасанского, и предлагает обратиться к неожиданной латыни, в соответствие со II категорией (субъектностью топонима), и продолжить исследование...

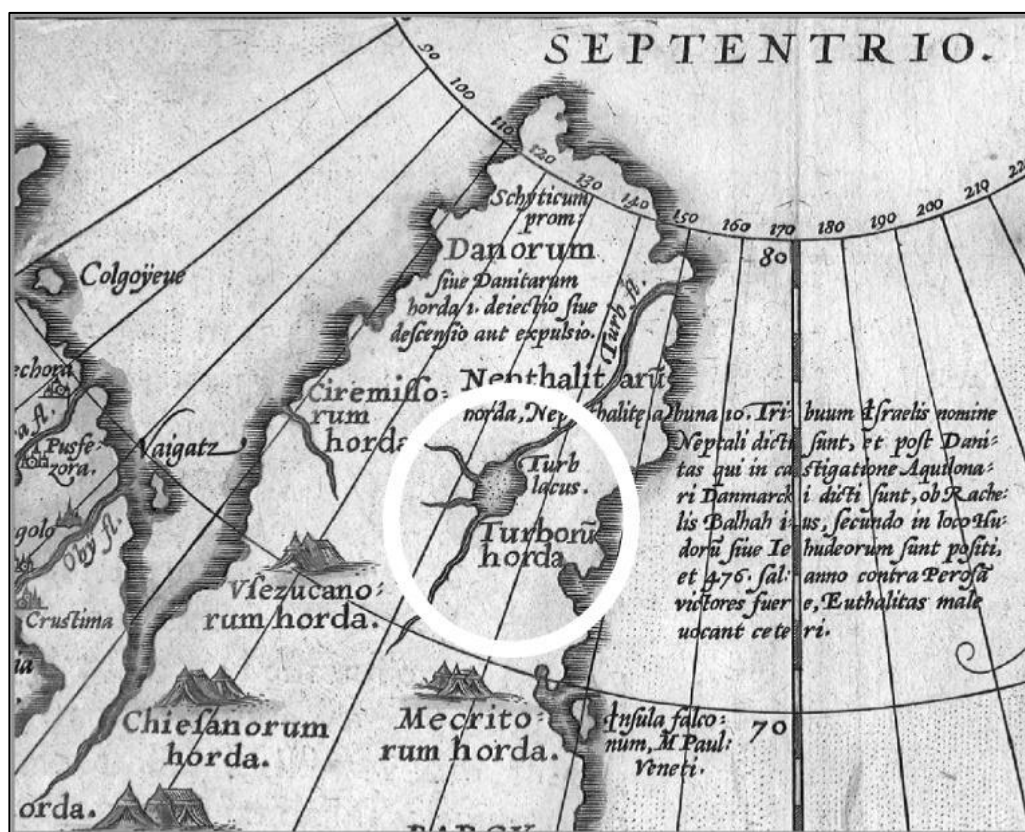

Рисунок 11 – «Карта Тартарии (Сибири)» из «Theatrum Orbis Terrarum» («Зрелище Круга Земного») Абрахама Ортелиуса, 1570 г.

Выводы

В процессе анализа географических названий исследуемой территории с помощью новой классификации мы увидели, что топонимия зафиксировала характерные для формирования геокультурного пространства факторы.

Так, присутствует обилие гидронимов, что говорит о переувлажнённости климата, критически малое количество ойконимов – как отражение труднодоступности региона и суровости климата, сказавшихся на процессах освоения и заселения территории.

Субъектность топонимов в геокультурном пространстве Таймыра представлена 4 языковыми группами, что показывает освоение территории разными этносами и как следствие – наличие палимпсестов разной степени сложности, в качестве отражения геокультурных процессов, в том числе, этногенеза – и предыдущих периодов, и последнего столетия.

В целом же, контент (III) опирается на исторический, временной фактор – порядок заселения, освоения территории, формирование её геокультурного пространства, в связке с определением субъектности (II) того или иного топонима и в соответствии с физико-географическими особенностями региона.

Важно обратить внимание на то, как исследования иных наук (история, лингвистика и др.) становятся базой для понимания топонимических процессов. На конкретных примерах мы видели, что географические названия могут быть расшифрованы, трактованы, объяснены только при обращении исследователя к вопросам, находящимся в иной компетенции.

Важно, в числе прочего, анализ характеристик природной зоны на исследуемой территории, который даёт понимание наличия на ней, например, возможности произрастания тех или иных видов растительности, состояние отдельных видов и сочетаний природных ресурсов, ресурсообеспеченность территории и др.

Если речь заходит о языкознании, мы акцентируем внимание, к примеру, на том, что топоформанты позволяют отнести происхождение того или иного топонима к совершенно определённом языку, и нет необходимости прибегать к перебору подходящих по созвучию лексем свойственных или несвойственных данной территории тех или иных языковых групп.

Исследуя же исторические последовательности, можно понять первопричины присутствия в одном отдельно взятом районе географических названий определённых языковых групп, основываясь, например, на характере заселения и освоения территории, экономической и политической целесообразности.

Прибегая к данным других исследований, мы также можем расшифровать многие «тупиковые» топонимы, иногда и сложнейшие палимпсесты, а

соответственно, и процессы, сопутствующие поименованию географических объектов.

2.3. Лингвогеографические индикаторы субстратной топонимии Таймыра

Проблема субстратного населения, которое могло повлиять на формирование геокультурного пространства Таймыра (впрочем, как всего Западного и Восточного Приполярья и Заполярья нашей страны), многие десятилетия остаётся поливариантной и гипотетической. Если остановиться на двух основных гипотезах, то первая, восходящая к Д.Г. Миссершмидту, одному из сподвижников Петра I, говорит нам о северо-западной ветви происхождения палеоазиатского населения, вторая – впервые её озвучил И.Э. Фишер, российский историк и археолог немецкого происхождения, участник ВСЭ, – относит к южно-сибирскому исходу.

В контексте нашего исследования важно, что на точку зрения Фишера, которую в последующем развил российский языковед и этнограф М.А. Кастрен, встали, в основном, лингвисты, опирающиеся, в том числе, и на топонимическую картину Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока.

Так, А.П. Дульзон, советский лингвист, этнограф, археолог, в течение многих лет анализируя этно-топонимическую картину Сибири, убедительно показал, что самодийские топонимы северо-востока имеют первооснову на юге Сибири, а ещё более конкретно – в Саяно-Алтайском регионе и Бурятии [30].

В этой связи предлагаем внести свою лепту, касающуюся топонимики Таймыра, которая, при ближайшем рассмотрении, имеет три крупных языковых пласта, пришедшие на территорию вместе с древними насельниками. До этого момента многие из рассмотренных ниже топонимов не определялись в своей основе как субстратные.

Речь о возможном присутствии в топонимии Таймыра пратунгусских, юкагирских и кетских корней. Сегодня, хотя эвенки и считаются одним из 5 коренных этносов Таймыра, ареал их основного проживания находится южнее и юго-восточнее, по последней переписи в исследуемом регионе их числится и вовсе не более 300 человек. Ареал компактного проживания современных

палеоазиатов и вовсе отстоит от исследуемого региона на расстоянии: кеты – на юго-западе, юкагиры – на востоке, в районах Якутии, Чукотки и Магаданской области.

Юкагиры, правда, довольно часто упоминаются в различных работах – и этнографов, и археологов – в качестве субстратного населения, сыгравшего важную роль в этногенезе северных самодийцев, в частности, народа нганасаны, но зачастую следуют оговорки, что под юкагирами следует иметь в виду неких северных палеоазиатов вообще или внутриматериковых северо-сибирских палеоазиатов [28].

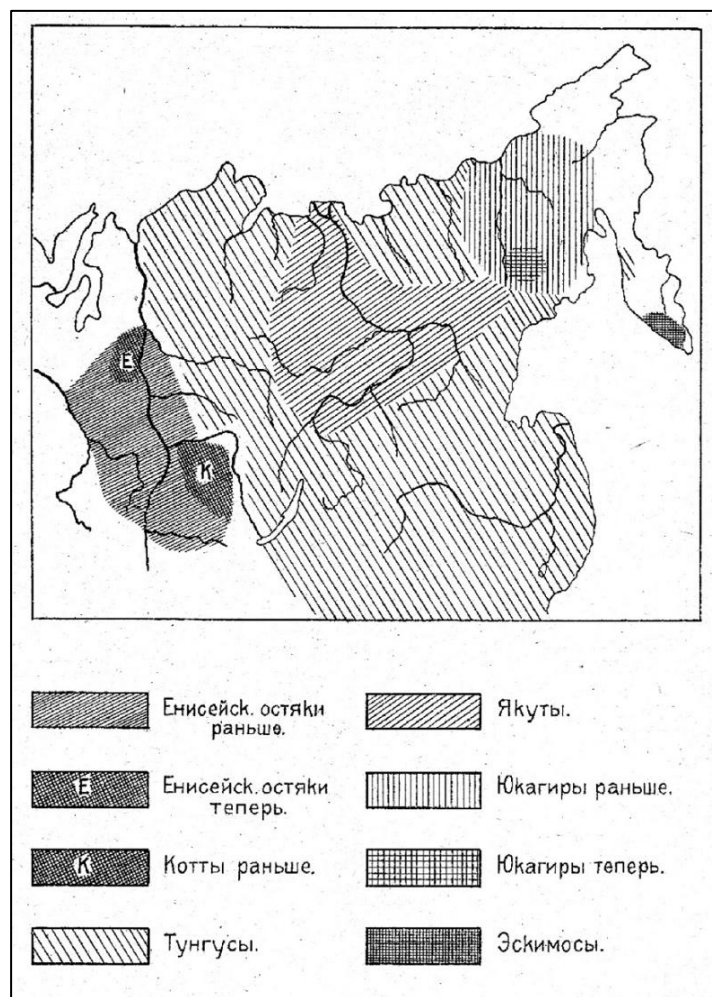
Кеты считаются сегодня единственными представителями енисейской группы палеоазиатской семьи.

Надо отметить, что язык и культура этих двух современных народов – юкагиров и кетов – до сих пор слабо изучены, в силу их малой численности и позднего обращения исследователей к означенным темам.

2.3.1. Автохтонная «пратунгусская» топонимия геокультурного пространства Таймыра

Присутствие тунгусского субстратного компонента на Таймыре не раз допускалось исследователями разных направлений. Так, археолог Л.П. Хлобыстин (единственный до недавнего времени, кто проводил комплексные археологические экспедиции на Таймыре) писал о Таймыре как о родине пратунгусов [98].

Ещё сто лет назад – в 1926 году – на карте-схеме распространения местных нерусских топонимов Сибири и Дальнего Востока весь север Средней Сибири обозначался как зона эвенкийского языка (Рисунок 12). Никаких других включений на этой карте нет, что не удивительно – картография исследуемого нами региона только-только начиналась. Да и практически вплоть до Приполярной переписи 1926-1927 годов комплексного обследования территории не было. Случались отдельные экспедиции, которые не охватывали массово весь регион, исследования и картография большей части севера Средней Сибири и вовсе относятся к советскому периоду, начиная с 1930-х годов.

Рисунок 12 – Карта-схема распространения народностей на основании названий рек [99]

Спустя четверть века, на Карте народов Сибири уже 1950-х годов, опубликованной составителями академического сборника «Народы Сибири. Этнографические очерки» в качестве приложения к нему, появились зоны присутствия коренных малочисленных народов Сибири. Они уже помечают наличие и других народов в «зоне эвенкийского языка» по Шостаковичу. Но ареалы всех самодийских народов – энцев, ненцев, нганасан – на ней не дифференцированы, на карте присутствует один цвет, обозначенный в легенде как «Ненцы» (Рисунок 13). Эвенки в геокультурном пространстве Таймыра и вовсе отсутствуют.

Элементы же глобального влияния эвенков на названия географических объектов современного геокультурного пространства Таймыра можно отследить

через топонимы-палимпсесты, являющиеся названиями больших географических объектов. Очевидно, что чем крупнее размеры географического объекта, тем раньше он привлёк к себе внимание автохтонного или спорадически появляющегося здесь населения, соответственно, его первоначальное поименование могло произойти в недостижимую историческую эпоху. И тем большее количество раз он подвергался ассимилятивным изменениям в процессе взаимодействия представителей разных языковых групп.

Рисунок 13 – Карта народов Сибири 1956 года [62]

Речь, прежде всего, идёт о таких географических объектах как горы Бырранга, плато Путорана, реки Хатанга, Пясина. Все эти имена – топонимы-палимпсесты. И каждый имеет не одну трактовку, в соответствии с предпочтениями того или иного исследователя.

В частности, Бырранга выводят, в том числе, из нганасанского языка, где *бэру* – «гора» (скорее, в значении «берег, край, обрыв»). Но суффиксальное окончание *-нга*, в отличие от нганасанского языка, имеют топонимы эвенкийского происхождения. В таком случае, скорее всего, топоним Бырранга, имеет

отношение всё же к эвенкийскому языку. Что касается основы слова, то её звучание сильно ассимилировано.

То же касается топонима «река Хатанга». Важно, что русские, в начале XVII века, впервые услышали название этого топонима через «К» – Катанга [85]. Именно так назывались некогда и реки, расположенные южнее, – Нижняя Тунгуска и Подкаменная Тунгуска. Вероятно, продвигаясь на север, эвенки перенесли с собой и название этих достаточно больших рек, а как Хатанга – через «Х» – современный топоним стал звучать в процессе языковой ассимиляции. Тем не менее, с эвенкийского языка ни Катанга, ни Хатанга без допусков не переводятся. Также можно найти несколько соответствий от различных языковых основ, якутского происхождения в том числе. Но топоформант *-нга* представляется всё же основополагающим.

Если мы обратимся к топониму Енисей, то увидим, что большинство исследователей сходится на выводе: палимпсест восходит к общетунгусскому *ионесси* – в значении «большая вода».

Таким образом, мы можем наметить пунктиром влияние эвенкийской субъектности на формирование топонимической картины всех крупных географических объектов исследуемого нами региона в первоначальном поименовании. В этом смысле карта В.Б. Шостаковича (Рисунок 12) имеет смысл как первооснова распространения тунгусского субстрата.

Дополнительным источником для исследования этого феномена послужила карта Петра Михайловича Сотникова (1863 г.), обнаруженная нами в Научном фонде Русского географического общества в Санкт-Петербурге. До сих пор она не принималась во внимание для исследований севера Средней Сибири. На ней в основе своей присутствуют топонимы либо эвенкийского, либо русского происхождения. С её помощью появилась возможность уточнить и первоначальное звучание палимпсеста Путораны.

До сих пор этот ороним являлся достаточно трудным для расшифровки. В одном сходятся многие исследователи: всё плато получило название по первому (южному) большому озеру из числа фьордовых в западной части плато, самому

южному из Больших Норильских озёр, лежащему на путях миграции – ныне носящее имя Хантайское. В разных письменных источниках оно звучит по-разному: Кутарамо, Кутармо, Путорама [54] и даже Пайторма [84]. Некоторые исследователи выводят его из эвенкийского *пэтэрэ* – «надымить»... Однако, следует сказать, что жители посёлка Хантайское Озеро, носители эвенкийского языка, «перевести все указанные выше названия не могут... слово для них чужое либо сильно изменено» [53].

Сотниковым на его карте название современного озера Хантайского, от которого, скорее всего, действительно перешло название на плато в целом, указано как Поторма. А это уже вполне читаемая лексема эвенкийского происхождения, образованная от *пота* – «дорожная сумка из камуса» – с помощью двух словообразовательных суффиксов *-р* и *-ма*, и название можно перевести как озеро Сумочное. Семантика этого слова в нашем понимании – Чемоданное, как, например, чемоданное настроение, т.е. озеро, через которое начинается большое путешествие в далёкие тундры.

Важно отметить, что с южной стороны, со стороны Эвенкии, а также и первыми геологами плато называлось иначе – Сыверма.

Первое свидетельство об этом орониме мы находим у А.Ф. Миддендорфа в XIX веке. Упоминание хребта Сыверма Александром Фёдоровичем является, пожалуй, самым ранним его письменным упоминанием: 1860 годом датирован выпуск I части монументального труда «Путешествие на север и восток Сибири» [59]. К слову, спустя всего девять лет П.И. Третьяков, описывая «хребет Путорама», указывает, что неизвестно, почему Миддендорф его называет Сыверма [84].

Именем Сыверма обозначено плато и в энциклопедическом словаре «Россия» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданном в 1898 году [71]. А вот уже в четырёхтомнике Малого энциклопедического словаря этих же издателей за 1909 год Сыверма отсутствует, но появляется Путорама — горный хребет в Туруханском крае [54]. Можно предположить, что между указанными датами и закрепилось современное название горного массива.

Что касается отчётов и рукописных карт советских геологов, в частности, в отчётах Н.Н. Урванцева фигурирует именно Сыверма, а о названии Путорана Николай Николаевич писал, что ему это имя сообщил проводник Эльбей (Константин Суслов) в 1922 году [91]. По всей видимости, учёные ориентировались на академический труд Миддендорфа, в то время как жители юга территории воспринимали наименование Поторма (Путорана) как основное.

Вполне возможно, что появлением топонима Сыверма мы обязаны именно проводникам Миддендорфа, из тунгусов. В эвенкийском *сэвэр* – «шершавый». Учитывая характерный для эвенкийской субъектности аффикс *-ма* (словообразовательная морфема относительных имён прилагательных), горы Сыверма можно перевести как Шершавые или Царапающие. Косвенно, в пользу это версии, можно привести слова проводника Н.Н. Урванцева Валентина (тунгуса): «через Норильские горы идти прямо нельзя: острый камень (щебень разрушенных выветриванием горных пород) протрёт полозья нарт и повредит копыта оленей» [90].

О присутствии топонимов эвенкийского происхождения на территории самых северных самодийских оленеводов мы можем судить также по отчёту Н.Н. Урванцева по экспедиции 1929 года. Например, от встретившихся самоедов он берёт название реки Ая-Тарé, которую сегодня по обозначению на карте в виде Аятáри трактуют как нганасанский топоним: Долганский приток (*адя* – так нганасаны называли долган, *тари* – нган. «приток»). Вместе с тем, в письменной фиксации Урванцева мы видим тунгусское обозначение реки (при этом, и с ударением; в нганасанском «притоке» ударение падает на первый слог – *тáри*) которое можно перевести как Та-Хорошая река (*ая* – «хороший», *тарé* – местоимение «та»).

Но влияние тунгусского языка можно увидеть и на более мелких географических объектах. Например, залив Канчуль озера Мелкого – одного из Больших Норильских озёр.

Название залива трудно однозначно перевести с какого-то одного языка представителей коренных малочисленных народов современного Таймырского

муниципального района. Тем более, что на некоторых картах залив и вовсе обозначен как Капчуль — через «п» вместо «н».

В эвенкийском языке есть похожий по звучанию топографический термин *хан* (*хэн, хон*), который переводится как «протока». Окончание слова *-чуль*, скорее всего, – искажённое тюркское *кюель* («озеро»). Таким образом, приблизительный перевод топонима может звучать как Протока-В-Озеро, что соответствует действительности – если взглянуть на карту или на фото с высоты птичьего полёта, залив представляет собой маленькое озеро, соединённое с большим озером относительно длинной протокой. С другой стороны, если имела место описка картографов и изначально залив звучал именно так «Капчуль», то мы имеем дело и вовсе с эвенкийской основой *капчи* — «тесный, узкий». И этот вариант тоже имеет право на существование, так как, действительно, протока из одного озера в другое представляет собой узкий проход, который легко спутать с выходом в реку Талую из того же озера. Не случайно русский вариант названия залива – Блудный.

Именно ошибка картографа произошла во время нанесения на карту названия порога на реке Рыбной (долина реки Норильской): на картах он обозначен как Орон. Хотя, безусловно, изначально его звучание было через звук [а] – Оран. *Орон* с эвенкийского языка – «олень» (домашний), а *оран* – порог на реке. Именно порог делает реку Рыбную непроходной для лодок и судов: если бы не это препятствие, можно было бы добраться из реки Норильской до озера Кета, что осуществимо для двух других из числа так называемых Больших Норильских озёр – Лама и Глубокое.

Надо сказать, что на плато Путорана есть и река Оран – с написанием через «а». Она находится вне зоны пешего и воднотранспортного доступа, протекает по довольно обширной равнине самого плато. Туда добраться и сегодня проблематично – только с помощью вертолёта. Река эта знаменита живописным и мощным водопадом. В эвенкийском языке нет различий между понятиями «порог» и «водопад», поэтому перевести название реки Оран на русский язык можно и как Водопадная, и как Порожная.

Можно привести в пример ещё один палимпсест, расположенный на северо-западе плато Путорана – Кайеркан: по реке в советское время так же называли поселение. В различных источниках того времени (газеты, книги), затрагивающих тему происхождения названий, относящихся к Норильскому промышленному району (научных исследований на эту тему не было), топониму Кайеркан приписывались самые мрачные значения: и «мёртвая долина», и «препятствие», и «барьер», и «препона». Однако, такие трактовки носили, скорее, эмоционально-художественный характер, ибо выводились, возможно, из безобидного долганского слова *каяр* – «помеха». Что вкупе с уменьшительным долганским же суффиксом *-каан* можно было бы перевести как «небольшое неудобство». Возможно, речь идёт о том, что необходимо пересекать речку Кайеркан на пути к Норильским горам во время миграционных перемещений.

Несколько версий перевода с долганского предлагает исследователь топонимики Таймыра А.А. Барболина, носитель долганского языка: от *кайа* – «гора» (с уменьшительно-ласкательным суффиксом – «горка») и от *кара* – «чёрный» (соответственно, Чёрненькая) [6].

Мы считаем, что при наличии суффикса *-кан* данный топоним логичнее отнести всё же к эвенкийской субъектности, так как топонимы тюркской субъектности появились в западной части северных отрогов плато Путорана уже в советское время. Поэтому, скорее всего, был ассимилирован именно тунгусский топоним. На данном участке географического пространства Таймыра столетиями кочевали тунгусы – вслед за северным оленем двигаясь из зоны тайги в тундры и обратно. Много позже, когда на территорию пришли и самоеды, и русские, и якуты, началось проникновение и взаимодействие представителей различных языковых групп. И если мы обратимся к более раннему источнику – к эвенкийскому языку, то можем обратить внимание на слово *кайра* – «парка, зимняя одежда из оленьей шкуры». Или даже отдельное слово *кайракан*, которое на русский язык можно перевести как «старая, ветхая верхняя одежда». Если мы учитываем геокультурные процессы на этом участке, то следует принять во внимание, что, уходя на летние пастбища, тунгусские кочевые роды оставляли в

условленном месте нарты с зимней одеждой, увязывая их большими тюками (мы не раз упоминали топонимы, соотносимые с этой культурно-бытовой традицией кочевых народов). А по осени, возвращаясь в зону лесотундры и тайги, эти вещи забирали. Долина реки Кайеркан весьма приметна и находится как раз на границе тундры и лесотундры (географический фактор). Очень удобное место, чтобы оставлять здесь вещи до нового сезона. Возможно, этим и обусловлена этимология первоначально гидронима Кайеркан: место, где складировалась зимняя одежда. Возможно также, что кто-то, оставив её однажды, так и не смог забрать, и одежда со временем превратилась в старую и ветхую (по неписаным законам тундры не принято брать то, что не тобой оставлено).

Здесь, конечно, встаёт вопрос о возможности более позднего влияния эвенков на топонимию этого района как части процесса этногенеза долган. Но в совокупности всех включений (в 3-й Главе мы исследуем «затерявшиеся» топонимы Дептурама и Хоймакит и другие топонимы-палимпсесты узнаваемого эвенкийского происхождения), нельзя сбрасывать со счетов влияние пратунгусов и их языка на формирование топонимии Таймыра в целом – нематериального памятника его геокультурного пространства.

2.3.2. Соотношение лексем юкагирского языка с географическими объектами геокультурного пространства Таймыра

Факт контакта предков самодийцев и юкагиров был выявлен исследователями на сопоставлении лексики этих языков. Так, «медь» в юкагирском звучит как *норохон*, у нганасан – *норуму*, в энецком – *нара*, у ненцев *нярава* и т.д. (отсюда, кстати, часто приводимые попытки соотнести топонимы Норильская (река), Норильские (горы) с общей основой *нар* – *нор*). А понятие «железо» имеет разные звучания, и это косвенно говорит о том, что в эпоху железа народы уже не взаимодействовали [98].

В копилку топонимических свидетельств таких контактов можем добавить и звучание некоторых лексем, обозначающих водные географические объекты в юкагирском и хантыйском языках (ханты также являются носителями уральской языковой семьи, как и самодийцы, а сегодняшний ареал их проживания находится

также на юго-западе от исследуемой территории). Так, река у хантов в XVIII веке употреблялась в виде лексемы *јилга*, которую лингвисты возводят к тюркскому *јылга* [30]. А в современном юкагирском слово, обозначающее озеро, звучит как *јалгил*. Сегодня у хантов река звучит иначе, чем указано в письменных источниках, что говорит о соприкосновении носителей этих языковых групп минимум рубежом XVIII века.

Кстати, у юкагиров река звучит как *эну*. Именно поэтому некоторые топонимисты возводят палимпсест Енисей к первооснове именно палеоазиатской, а уже из него выводят эвенкийское *ионесси*, о чём мы писали выше.

Влияние этих языковых групп друг на друга отмечалось в различных контекстах, поэтому мы решили рассмотреть палимпсесты, относящиеся к большим географическим объектам, через призму современного юкагирского языка, относящегося к наиболее древней группе палеоазиатских языков. И таким образом вышли на достаточное большое количество совпадений, что при наборе какой-либо критической массы просто совпадениями уже трудно назвать.

Так, Норильские горы, река Норильская имеют интересные соответствия с географическими реалиями территории в юкагирском языке: *нэри́лэ* – «холмы со скалами». Именно такой вид – холмы со скалами – имеют Норильские горы и северо-западный угол плато Путорана, которые разделены долиной реки Норильской.

Плато Путорана – ещё более крупный географический объект, чем Норильские горы. Логично предположить, что и этот массив получил название достаточно давно, так как в первую очередь привлекают к себе внимание насельников – сезонных или постоянных – наиболее крупные географические объекты.

В предыдущем параграфе мы уже озвучили возможное происхождение палимпсеста Путорана, в связи с выявлением не введённой ранее в научный оборот карты П.М. Сотникова. Но, возможно, указанные выше соответствия можно сопоставить с юкагирским словосочетанием *пурэн анаа*. Оно по значению, как нельзя лучше подходит к географическим реалиям – «высокие горы».

Действительно, на горизонте равнинных тундр плато видится именно как высокие горы.

Нет ли противоречия с тем, что этот же топоним мы указывали как возможный маркер эвенкийской субъектности? На наш взгляд, нет. Ассимиляция незнакомых носителю слов иной языковой группы часто адаптируется и к легко произносимым звукосочетаниям и, что немаловажно, к понятным. Самый наглядный пример: слово английского происхождения *пиджак* превратилось в российской глубинке в слово *спинжак* – предмет одежды, который надевается со спины (словосочетание *rear jacket*, в свою очередь, трансформировалось из голландского и французского языков и буквально означало «куртка из грубой ткани»)

Не исключено, что с топонимом Путорана могла произойти та же паронимическая аттракция – ассоциативная связь двух слов на основе их фонетической формы: Пурэнаана – Путорама – Поторма и т.д.

Есть и другие соответствия с юкагирским языком в геокультурном пространстве Таймыра. Немаловажно, что все они отмечаются в наиболее благоприятных районах, куда могло заходить субстратное население.

Среди Больших Норильских озёр есть два, которые нам могут быть интересны в этом отношении, – озеро Собачье и озеро Лама. Они находятся друг за другом в широтном направлении и похожи рельефом, протяжённостью и ландшафтными зонами. В контексте аналогичного топонимического соседства в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия), может показаться не случайным соотнесение двух слов разных языковых групп: *ламу* и *лаамэ*. Речь о реке Индигирке, впадающей в Северный Ледовитый океан, – в районе современного ареала проживания юкагиров. Вот что пишет доктор филологических наук А.А. Бурькин: «Река Индигирка с 40-х годов XVII века имела иное название – Собачья. Название Собачья появилось довольно рано – в челобитной Богдана Евдокимова и Петра Иванова 1644 г... Как можно проследить по известным документам, это название употреблялось применительно к Индигирке примерно до 80-х годов XVII в... нам известно, что путь к устью Индигирки, где жили

юкагиры, лежал через земли, заселённые эвенками. Эвенкийское слово *ламу* «море; река, впадающая в море» оказывается очень созвучным с юкагирским словом *лаамэ* «собака»... Таким образом, происхождение старого русского названия Индигирки «Собачья» становится вполне объяснимым: вероятнее всего, оно возникло из-за смешения двух слов – эвенкийского *ламу*... и юкагирского *лаамэ*...» [11].

Такие совпадения с «таймырскими» озёрами Ламой и Собачье вряд ли случайны, тем более что оба озера являются фиордовыми, соотносятся по высоте окружающих гор, длине и ширине водного зеркала. Можно допустить, что имеющие контакты на территории пратунгусы и праюкагиры по-разному воспринимали созвучные слова, поэтому эти топонимы и дошли в различных трактовках проводников Н.Н. Урванцева до момента их нанесения на карту. Так появились Лама и Собачье озеро, которые, в соответствии с описанием Норильских озёр П.И. Третьяковым в XIX веке и выявленной картой П.М. Сотникова, назывались совсем по-другому: соответственно, Матушкино и Некома – Окунёвое (*неко* – «окунь» (эвенк.)).

Интересно ещё одно озеро из числа Больших Норильских озёр – Глубокое. Казалось бы, ординарный топоним с понятной субъектностью. Но и здесь мы находим маркеры присутствия некогда на территории носителей юкагирского (праюкагирского?) языка.

Озеро расположено рядом с Мелким (на карте в скобках даётся долганское его название Каргы-кюель (*каргыы* – «мелкий»), Собачье (рядом значится Ыт-кюель (*ыт* – «собака»). Логично было бы предположить, что указанное в скобках поддолгански название озера Глубокое – Омук-кюель – должно переводится тоже с долганского именно так – Глубокое. Однако, нет. И здесь очень важным является замечание Н.Н. Урванцева, который и нанёс его на карту, о том, что это озеро эвенки называли Омук, а у долган название не прижилось [90]. Хотя в долганском языке есть слово *омук* и переводится оно как «иностранец, чужой». И в своих ранних отчётах Николай Николаевич применял именно этот топоним по

отношению к озеру Глубокому – Омук, без перевода [18], как называли озеро проводники.

Но и это не все пласты, как выяснилось, неочевидного топонима-палимпсеста.

Долганы – молодой народ, появившийся как этнос на территории Таймыра только в конце XIX-начале XX века, и наименование озера, судя по всему, появилось в среде кочующих родов тунгусов намного раньше. Дело в том, что в Якутии (а долганский язык сформирован на основе якутского языка, и даже долгое время считался его диалектом) есть несколько озёр, которые называются Омук-кюель. И перевод этого гидронима с якутского языка звучит как... Юкагирское озеро [49]. Есть все основания полагать, что это название одного из Больших Норильских озёр пришло на территорию вместе с якутами, принявшими участие в этногенезе долган. Возможно, если бы советские картографы перевели «правильно» слово *омук*, то Глубокое называлось бы иначе. Ведь именно омуками якуты называли юкагиров ещё на стыке в XIX-XX веков [49]. Тогда, возможно, расселение юкагиров в XVII веке могло быть пересмотрено и расширено от Лены далее на запад, в пределы Таймыра...

Есть и другие, косвенные свидетельства присутствия палеоазиатов с востока в топонимике Таймыра. Мы уже подробно рассмотрели в этой связи гидронимы Майя, схожие с ним по звучанию топонимы, и Чукчалах (п.1.2.3). Здесь добавим к сказанному некоторые нюансы, связанные не просто с восточным влиянием, а именно с влиянием восточных палеоазиатов, участвовавших в процессах этногенеза на исследуемой территории.

Итак, далёкие (в прямом смысле) чукчи (озеро Чукчалах, в переводе, озеро Чукчей) оказались прочно зафиксированными в геокультурном пространстве Таймыра благодаря сказаниям нганасанам. Вот что по этому поводу пишут красноярские этнографы: «Всё это свидетельствует о том, что данный жанр нганасанского фольклора (исторические предания нганасан – Л.С.) сформировался тогда, когда самих нганасан ещё не было, а на исторической сцене выступали их предки – тунгусские и дотунгусские аборигены. Эти исторические предания нганасан близки так называемому оленёкскому хосунному эпосу» [52].

Подробный анализ гидронима Майя, который был приведён в п. 1.2.3., также показал, что это географическое название связано с названием предков современных нганасан – родом Маят. «Мы можем сейчас утверждать, – пишет советский этнограф Б.О. Долгих, – что та враждующая сторона этого эпоса (оленёцкого хосунного – Л.С.), которая представлена хосуном Юпкэбилем (Юкэбилем) и народом маят, олицетворяет древнее палеоазиатское (древнее юкагирское?) население тундры и лесотундры в пространстве между устьем Лены и устьем Хатанги» [60]. Не лишне напомнить о значении названия пришедших на Таймыр тавгов – предков нганасан, указанном в п. 1.2.3., – «пришедшие с другой стороны».

2.3.3. Енисейские палеоазиаты (кеты) в нематериальных памятниках геокультурного пространства Таймыра

В параграфе, посвящённом тунгусскому компоненту, мы обращали внимание на сложный для интерпретации палимпсест «Хатанга». Несмотря на общетунгусский аффикс *-нга*, этимология самого гидронима является до конца не выясненной. Выше было упомянуто, что русские в начале XVII века впервые услышали название этого топонима через «К» – Катанга, но с эвенкийского языка ни Катанга, ни Хатанга однозначно не переводятся.

По сложившейся традиции, в некоторых источниках предлагается несколько вариантов значений, выведенных из различных языковых основ. Перечислять их нет смысла, разве что для наглядности стоит привести трактовку, полученную автором в процессе полевых работ 2021 года от одного из информантов, проживающего в сельском поселении Хатанга. По его версии, Хатанга означает... «хата нганасанина».

Очень убедительным – на фоне множества попыток расшифровать палимпсест по языковым созвучиям – и наиболее логичным представляется объяснение доктора географических наук А.М. Малолетко. Он предположил, что необходимо учитывать некогда большие перемещения в этом районе именно подкаменно-тунгусских кетов. Главные их дороги назывались *канг тэнг* (от «дорога» и «тащить»). А приурочены они были, естественно, к наиболее крупным рекам.

Тунгусы восприняли этот термин в значении «крупная река» и перенесли его название, продвигаясь на север Средней Сибири, на другой большой водоток [53].

Также один из гидронимов Больших Норильских озёр может являться нематериальным памятником опосредованного присутствия этого палеоазиатского народа – кетов – в геокультурном пространстве Таймыра. Речь идёт об озере Кета.

На первый взгляд, имя этого озера, одного из Больших Норильских озёр, позаимствовано у названия лососёвой рыбы – кеты. Ведь красная рыба – законный обитатель путоранских озёр. Однако есть одно весьма весомое «но», которое указывает нам на ошибочность такой трактовки: среди обитателей Норильских озёр кеты нет. И никогда не было. Промысловые рыбы этого региона хорошо известны ещё с XVII века: по различным ведомостям, описаниям промыслового потенциала территории среди лососёвых указывались лишь кунжа (кумжа) и голец (палия) [45]. Ихтиологи же говорят о том, что в озёрах плато Путорана практически в каждом водоёме можно найти своего эндемика [35]. Но кеты по-прежнему никто не обозначает. И не случайно, ведь это – тихоокеанская рыба, а имя её возводят к нанайскому языку. Таким образом, никаких соприкосновений с исследуемым нами регионом не получается, если учитывать биологические и географические факторы.

В письменных источниках второй половины XIX века озеро Кета именуется по-разному: Кето [84] (именно с окончанием на «о») и Рыбное [45]. Не случайно и река, вытекающая из него, до сих пор носит это имя — Рыбная. А вот наименование озера Кето вызывает ассоциации с кетами, их до Октябрьской революции называли енисейскими остяками. Ведь самоназвание этого народа звучит именно так, через «о» – кето.

Конечно, ареал проживания кетов был (и сейчас находится) много южнее озера – более 300 километров от него. Но если мы примем во внимание процессы этногенеза, то вполне можно предположить, что это имя с собой принесли самодийцы, теснимые с юга в том числе и кетами (на последнем этапе своего выдвижения с юга Сибири) и уходившие всё далее на север Приенисейского края.

Среди них, кстати, были и так называемые осамоедившиеся кеты, впоследствии откочевавшие в бассейн реки Таз [101].

В этой связи стоит привести ещё одно свидетельство, иллюстрирующее процесс этногенеза на юго-западе исследуемой территории, в результате позволивший сформироваться коренному малочисленному народу энцы. Особенно учитывая критически малое наличие культурных памятников – как материальных, так и нематериальных – этого современного этноса Таймыра.

Топоним, который можно ассоциировать с энцами, – остров Игарский, и то он находится за пределами региона наших интересов. До начала строительства порта Игарка в 1929 году остров носил имя Самоедский, так как на нём собирались для рыбного промысла карасинские самоеды [84] – наряду с хантайскими самоедам они составили основу народа энцы, получившего современный этноним в 1961 году Таймырским исполнительным комитетом [3].

В описании реки Кета, впадающей в Енисей чуть южнее, А.Ф. Миддендорф в скобках обозначил, что хантайские самоеды называют её Кетара [59]. Но в их языке такого слова нет. Есть две отдельных лексемы: *ке* и *тара*, которые вместе могут означать, по мнению наших информантов – носителей энецкого языка, примерно следующее: «хочу костный мозг» или «дай костный мозг...» Зато лексема *кетара* присутствует в языке тунгусов. И переводится как «кривой». Возможно, Миддендорф ошибся в определении национальной принадлежности туземцев, которые были тунгусами, а возможно, не понял, что от него хочет самоед. В любом случае, Александр Фёдорович невольно зафиксировал процесс ассимиляции населения, взаимопроникновение языка и культуры у отдельных родов...

Ещё один вариант нанесения на карты и карты-схемы гидронима Кета выглядит как Хиты. Такая фиксация относится к советскому периоду, и скорее всего, связана с описками. Но даёт повод обратиться к ещё одному палимпсесту геокультурного пространства Таймыра – реке Хета.

Это одна из важнейших артерий Затундры. Она начинается от слияния горных рек плато Путорана – Аяна и Аякли и, огибая предгорья, сливается с аналогичной

по происхождению рекой Котуй. Вместе они образуют более мощный водоток – реку Хатангу. Издревле по Хете и Хатанге шли аргиши оленеводов, а позже эти две реки сыграли важную роль в становлении Хатангского тракта: удобное расположение делало возможным, используя небольшой по размерам Авамо-Тагенарский волок, переход из Норило-Пясинской речной системы в Хатангскую, чтобы идти далее на восток. Возможно, Хета тоже имеет более древние корни.

Судя по письменным источникам, русские услышали название этой реки ещё в начале XVII века [59]. Как и положено топониму, происхождение которого уходит в глубь веков, не существует его простых и понятных трактовок, поэтому в наличии снова несколько значений, выведенных из разных языков, представленных сегодня в геокультурном пространстве Таймыра. Безусловно, есть вероятность того, что название реки в процессе ассимиляции утратило начальный звук [к] и сменило его на [х], так как это характерно для языкового взаимодействия исследуемого региона. Но это понимание мало чем помогает.

Топоним Хета, пожалуй, самый загадочный палимпсест не только на исследуемой территории. Омнимичных посёлков и рек достаточно много во всей Евразии (а также сходных по звучанию – Хетта, Хита, Кита и т.д.). Тут впору говорить о проявлении в современных географических названиях ностратических корней. Взять хотя бы мегрельское село Хета (северо-запад Грузии) и посёлок Хета в Магаданской области.

Учитывая важную роль таймырской Хеты в древних волоках по северу Сибири, река могла получить своё имя, действительно, в далёком прошлом. Здесь уместно упомянуть, что на картах XVIII века встречается написание реки Хатанги, притоком которой она является, через «е» – Хетанга...

Возможно, что название реки Хета, вытекающей с северных отрогов плато Путорана перенесено туда и первыми русскими насельниками с юго-западной стороны исследуемого нами региона. Дело в том, что достаточно часто упоминаемое в архивных документах зимовье Пясидское Хетское, вслед за М.И. Беловым, дислоцировалось на реке Хете Хатангской речной системы [69] и не было видимой связи соотносить это зимовье с реками Большая Хета и Малая

Хета, относящимися к Енисейской речной системе и впадающими в Енисей с левого берега, напротив Усть-Порта.

Наряду с картой Туруханского края, которую мы ввели в научный оборот в этой диссертационной работе, в Фондах РГО был найден ещё План, который «чертил следовавший на реку Хету и проч. Приказной Туруханской станицы Пётр Сотников» [63] – всё тот же незаслуженно забытый сегодня как исследователь Туруханского края Пётр Михайлович Сотников. В широкой литературе он более известен всего лишь как один из братьев Сотниковых, предпринявших первую попытку промышленного освоения Норильских гор в 1865 году.

Этот план был составлен Сотниковым по предложению ещё одного подвижника Енисейского Севера Михаила Константиновича Сидорова, мецената и золотопромышленника. В письме адресату было указано, что П.М. Сотников «по предложению Вашему... относительно исследования пути с реки Енисея на таковую же Таз для свободного сообщения» отправился выяснить пути как по воде, так и по суше, и выехал с «4 человеками вожатых из юраков... с Селякинского станка... т.е. с каменной стороны (правобережье – Л.С.) в устье реки Хеты, впадающей в реку Енисей». В приложенном плане, обозначающем этот самый путь, Пётр Михайлович пометил два строения на реке Хете и подписал их как «бывший магазин и дом» (Рисунок 14).

Есть все основания считать, что указана дислокация бывшего Хетского зимовья, которое тоже упоминается в архивных источниках и вносит некоторую путаницу – о Пясидском Хетском зимовье идёт речь или просто о некоем Хетском? Таким образом, считаем, что название бывшего зимовья – Хетского – перешло на северо-восток вместе с названием реки Хета, по мере освоения территории. «Мы даже знаем имена тех, кто построил Пясидское Хетское зимовье, – пишет Михаил Иванович Белов. – Это мангазейцы Никифор Стародубец, Максим Камайков и Смирной Иванов с товарищами...» [69]. И тогда мы снова можем предполагать отношение носителей кетского языка к данному гидрониму. Ведь нахождение такого гидронима в относительной близости с народом кето, на юго-западе, даёт основание предполагать их взаимосвязь

Частично, такое отражение может говорить о составе субстратного населения: это могли быть и юкагиры, и носители языка кето.

Симптоматично, что более ранние по времени названия, как правило, больших географических объектов, а потому более приметных, как правило, больше подвергаются языковой ассимиляции. В частности, реки Енисей, Пяси́на, Хатанга, горы Бырранга, Путорана – яркие тому примеры.

Интерпретация топонимов соотносится и с общими выводами этнографов, которые также приходили к выводу, что и пратунгусы, и палеоазиатские народы могли заходить на территорию или, как минимум, иметь отношение к формированию малочисленных этносов, которые проживают только в Таймырском муниципальном районе – нганасан и энцев.

Помимо пратунгусов, которые оставили большой культурный след на территории, мы смогли выявить следы ещё двух субстратов: юкагиры (праюкагиры) и единственные енисейские палеоазиаты, представленные сегодня народом кето.

В данном случае мы затрагиваем геокультурный процесс (по Д.Н. Замятину) развития географических образов в конкретном геокультурном пространстве, которое предполагает наличие некоего субстратного населения. Однако анализ топонимии приводит к выводам о том, что формирование традиции осмысления этих образов может быть связано с вполне конкретными насельниками территории (во всяком случае, есть возможность определить, носителями какой языковой группы они являлись) и, более того, с указанием возможного месторазвития и вектора появления их на территории.

С помощью топонимии можно вычислить присутствие на территории представителей тех или иных языковых групп, являющихся, как правило, носителями отличающихся культурных традиций. Сопоставляя лингвистические методы с географическими, мы можем определить и порядок заселения исследуемой территории, и выявить индикаторы, указывающие на субстратное население.

Глава 3. Хорологические особенности формирования геокультурного пространства Таймыра, выявленные через его топонимию

3.1. Навигационный и мемориальный аспекты топонимии Таймыра

Интерпретация контента (III) топонимии Таймыра позволила увидеть интересную закономерность, отражающую особенности формирование геокультурного пространства – сурового малодоступного региона Российской Арктики.

Слабая заселённость, малое количество проживающих на огромном географическом пространстве исследуемого региона, появившаяся только в XX веке возможность массового строительства, и то на относительно малых селитебных территориях, обусловили относительно малое количество памятников материальной культуры, таких как здания и сооружения, которые, по выражению современных географов, в качестве культурных феноменов и насыщают территорию, благодаря чему она обретает черты геокультурного пространства [23]. В связи с этим, наряду с традиционными предметами обихода, культуры и жизнеобеспечивающих традиций, важную роль играют нематериальные культурные феномены, среди которых и географические названия региона.

Анализ смысловой нагрузки топонимов, в соответствие с III категорией («Контент») универсальной комплексной классификации, выявил два основных аспекта топонимии геокультурного пространства Таймыра – *навигационный* и *мемориальный*. При этом, навигационный характер имеет большая часть топонимов, а мемориальный – меньшая (Таблица 2).

Под навигационным аспектом имеется в виду прикладной характер географических названий: они подсказывают человеку, с той или иной целью передвигающемуся по территории, где сделать стоянку, где добыть зверя или рыбу, имея шанс на хороший улов и т.д. По сути, такие топонимы несли ту же функцию, что и современные навигационные системы.

Таблица 2 – Топонимы Таймыра в соответствии с семантической функцией

Семантика топонима	Абсолютное количество	Относительное количество
Навигационные	≈3900	≈ 70%
Мемориальные	≈1200	≈21%
Невыясненной семантики	≈550	≈9%

Мемориальный же аспект отражает фиксацию эмоционально, духовно значимых для человека (группы людей) событий, имён и т.п. – безотносительно их дальнейшего прикладного использования или прямой исторической связи с территорией. Например, река Шренка названа в честь российского зоолога, геолога и этнолога XIX века Леопольда Ивановича Шренка, никогда не посещавшего полуостров Таймыр. В то же время, река Фокина, названная по фамилии промысловика, когда-то имевшего охотничьи угодья на правом берегу Енисея, куда река Фокина и впадает, безусловно, первоначально носила навигационный, прикладной характер – путешественник знал, что в том районе находятся промысловые путики (охотничьи тропы, а значит, и отъезжие избы, где можно переночевать) названного человека.

Под топонимами невыясненной семантики подразумеваются как трудно расшифровываемые палимпсесты, так и некоторые антанатопонимы (в соответствии с универсальной классификацией, от *ἀντανάκλασις* – «отражение» (п. 1.2.2.)). Например, географические названия, аналогичные острову Долгий, в данном контексте, при изучении различных факторов – исторических, этнографических, географических, не всегда отражают навигационный аспект поименования, а зачастую означают ровно то, что фиксирует наблюдатель: в частности, остров по форме является продолговатым, и в данном случае не совсем ясно, является ли это просто констатацией факта, «отражением», или всё же это своеобразный ориентир (и если это навигационный аспект, то о чём он предупреждает?). Поэтому такой антанатопоним определяется нами как топоним невыясненной семантики по отношению к своему назначению во время

поименования: навигационный ли характер он носит, мемориальный или какой-то ещё.

Если представить анализ топонимии геокультурного пространства Таймыра с этой точки зрения в виде диаграммы (Рисунок 15), то преимущество навигационного аспекта над мемориальным становится очевидным.

Рисунок 15 – Распределение топонимов Таймыра по смысловым аспектам.

3.1.1. Навигационный аспект

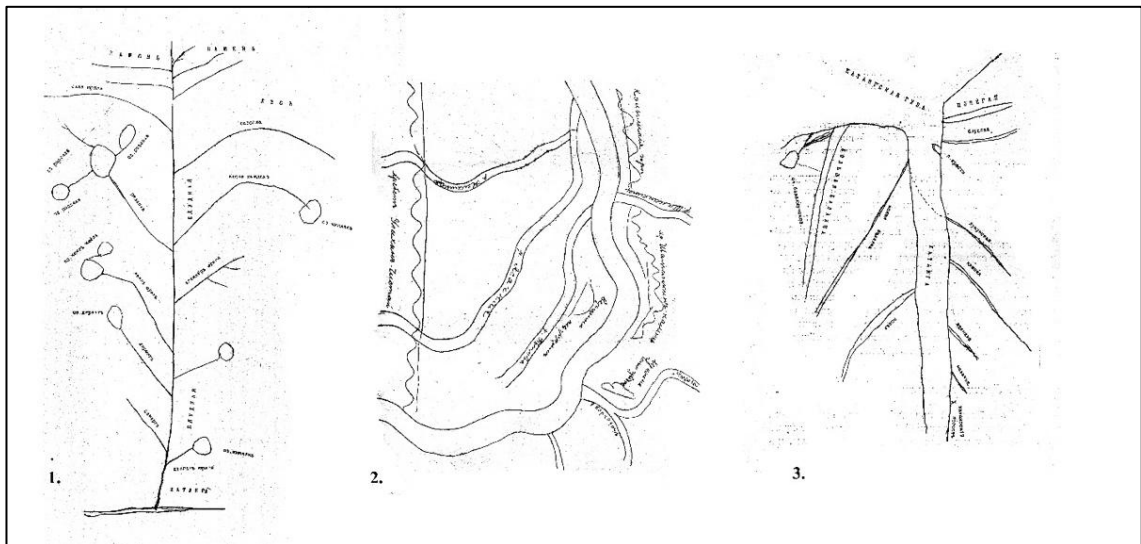
Как было отмечено выше, оседлое население севере Средней Сибири появилось достаточно поздно. Кочевые народы, чьим жизнеобеспечивающим ресурсом был сначала дикий северный олень, затем домашний, заходили за полярный круг сезонно – на короткий период летовок, вслед за стадами. Организованная Российским государством инфраструктура позволила жить круглогодично, вокруг хлебозапасных магазинов стали концентрироваться и оставаться на зимовку кочевые туземцы.

Сезонные пути аргишей (перекочёвок), а также зимние и летние «дороги» промышленников, государевых служащих, исследователей, миссионеров

постепенно сформировали дорожную карту, которая отразилась в топонимии наиболее часто посещаемых районов.

Что касается русских, основными дорогами для них оставались реки. Тогда же появляются первые письменно зафиксированные географические названия. Такие сведения мы начинаем находить в документах и на картах начала XVIII века [70].

Восприятие же рек у кочевых народов севера отличается от русских. Показательны в этом смысле рукописные карты, зафиксированные российским, а после революции советским географом Б.Ф. Адлером [1]. Кочевые туземцы более южных районов – Колымы или Малого Енисея – водотоки очерчивали двумя линиями, т.е. изображали их как дороги, имеющие обочины (Рисунок 16-2).

Рисунок 16 – 1. Бассейн р. Блудной, правого притока Хатанги. Рисунок долганина; 2. Карта р. Колымы и её притоков. Работа юкагира. 3. р. Хатанга, ниже Хатангского посёлка. Рисунок русского крестьянина из Туруханского края [1].

А вот туземцы севера Туруханского края, а также прилегающих районов севера Якутии изображали реки в виде простых линий – без обозначения внутреннего полезного пространства, которое можно использовать для какого-либо перемещения – только, как объект ландшафта (Рисунок 16-1). Важно, что тот

же район, изображённый крестьянином, показывает реку также как «дорогу» – с двумя обочинами (Рисунок 16-3).

О преобладающем восприятии рек в качестве дорог на севере представителями восточнославянской языковой группы, говорит и субъектность (II) названий островов на реках или озёрах: в подавляющем большинстве они русские, т.е. получили своё имя от тех насельников, которые воспринимали их как дороги. И эти топонимы тоже выполняют навигационную функцию. Например, о сложностях того или иного пути по рекам говорят названия островов (физио- и антанатопонимы (п. 1.2.2.)) Песчаный, Трудный, Полигональный (присутствуют полигональные болота, не удобные для передвижения) и т.д.

Что касается гидронимов (классификация по объектности (I)), независимо от языка, на котором они были поименованы (т.е. субъектности (II)), их смысловая нагрузка (контент (III)) тоже служит ориентированию на местности.

Об удобных волоках говорят и названия рек Волочанка (русс.), Вологочан (палимпсест, русская основа *волок* интегрирована с уменьшительным эвенкийским суффиксом *-чан* – Волочок) или Тагенар (долг., от глагола *таһын, таһынар* – перетаскивать, перевозить). Также реки Рассоха (русс.) или Россолак (палимпсест) – от *рассоха* – «место соединения двух небольших речек в одну или разделения на рукава». И действительно, реки, имеющие такие названия, раздваиваются на рукава.

Топонимы как Талая, Наледная (русс.), Амнундакта (эвенк., в то же значении), Микчангда (эвенк., Меандрирующая), Алыкель (тюрк. Незаметное, Равнинное), Оран (эвенк., Именующая Пороги, или Имеющая Водопад) предупреждали о опасностях в пути: наледи, пороги, невидимые края больших водоёмов чреватые серьёзными неприятностями, вплоть до летальных исходов, если заранее не иметь представление о том, что может ждать на пути.

Или, наоборот, о благоприятных местах, например, для передвижения через плато Путорана, извещают топонимы с формантом *икэн* – «перевал» (эвенк.) – Дулук-Икэн (река Срединная-Перевальная), Гулэми-Икэн (река Перевальная-На-Которой-Есть-Жилище). Кстати, этот фактор – наличие на пути укрытия, избы,

голомо (охотничьей землянки) – весьма важен для передвижений в суровых условиях Крайнего Севера: путник должен знать, где он может остановиться на ночлег или укрыться в непогоду. Люди передвигались по территории Туруханского края задолго до появления современных технологий, которые позволяют сегодняшним путешественникам брать с собой в дорогу и лёгкие пуховые спальники, и вместительные кевларовые палатки. Федосеевские озёра, река Фокина – русские топонимы по имени хозяев промысловых угодий также гарантировали наличие отъезжий избы.

К тому же, транспорт для передвижения по бескрайним просторам был весьма специфичен: в летний период на маломощного северного оленя приходился всего 1 пуд груза, который он мог бы тащить [76]. Так что приходилось обеспечивать себя не только сносным ночлегом, но и пропитанием. Такие топонимы-маркеры как реки Заячья, Нельмовая, озёра Сиговые, Утиное, Ергалах (долг.) – Хариусная, Токинда (эвенк.) – Лосиная ориентировали путника, где он может добыть себе на обед зверя или рыбу.

Весьма информативны такие фитотопонимы как Хараелах (долг., Еловая, Еловый), Листвянка (русс.) – с помощью этих древесных пород легко и быстро развести огонь.

Много и других «информационных» топонимов: Сопкалах (Сопочная; палимпсест), Чопко (Ущелистая, эвенк.), Куранах (Сухая; долг.), и др.

Оронимами (топонимами, по объектности (I) относящимися к возвышенностям), в силу физико-географических особенностей, запад геокультурного пространства Таймыра и Таймырская низменность не изобилуют, но и они носят, в основном, навигационный характер. Например, сопка Ярая (русс.) – с обрывами, хребет Ананьинский (русс.) – выходил к ранее существовавшему поселению Ананьино, сопка Пиртиседа (ненец.) – Высокая.

Как видно из приведённых примеров, значение названий географических объектов подсказывали человеку, передвигающемуся по малодоступным и суровым просторам севера Средней Сибири, где можно сделать остановку на отдых и перекус, где добыть огонь, где побережься и обойти стороной

неблагоприятный район – по сути, выполняли ту же функцию, что и современные ресурсы типа Яндекс-навигатора.

Не утратили свою смысловую нагрузку топонимы геокультурного пространства Таймыра и до сих пор: река Дёлочи (эвенк.) по-прежнему Каменистая, а озеро Яротто (ненец.) по-прежнему изобилует песчаными косами.

Всё выше сказанное относится в большей части ко всему геокультурному пространству Таймыра, кроме его северной части. Анализ топонимов севера показывает, что навигационный аспект в его географических названиях составляет небольшую часть. Там преобладает иной – мемориальный аспект.

3.1.2. Мемориальный аспект

Прежде чем перейти к описанию семантической нагрузки топонимии севера геокультурного пространства Таймыра, необходимо уточнить терминологию: что имеется в виду под «мемориальным аспектом». Дело в том, что в исследовательских работах и географов, и лингвистов периодически применяется понятие «мемориальные топонимы». Во избежание путаницы, акцентируем внимание на следующем.

Очевидно, что в основе термина лежит значение латинского слова *memoria* – «память». Так, в классификации по семантическому принципу, предложенной в начале формирования топонимики как отдельной научной дисциплины ещё В.А. Жучкевичем, выделяются «названия географических объектов мемориальные, установленные специальными декретами, и названия патронимические – данные по фамилиям и именам (в их основе собственные имена людей)» [34]. Однако, такое понимание мемориальных топонимов не отражает смысловую нагрузку, заложенную в топонимии исследуемого региона (возможно, и других тоже), ведь если под патронимическими топонимами понимать относящиеся к именам конкретных промысловиков, имеющих соответственно обустроенную инфраструктуру охотничьих угодий, то такие топонимы имеют в основе своей навигационную функцию, а не мемориальную. Так, Леонтьевские острова – названы по фамилии промысловика Леонтьева, имевшего здесь рыболовецкий участок. А вот остров Бегичева отличается по смысловой нагрузке от топонима

Леонтьевские острова. Топоним, названный в честь полярника Н.А. Бегичева, носит исключительно мемориальный характер – как дань памяти путешественнику и исследователю, собственно, и открывшему когда-то этот остров.

Многочисленные подгруппы, связанные с мемориальным аспектом, обозначены составителями справочников по топонимии побережий Российской (Советской) Арктики. Так, Б.Г. Масленников дифференцировал географические названия по:

«- фамилии, имени, партийной кличке или псевдониму – выдающихся деятелей – уроженцев России и Советского Союза;

- фамилии, имени иностранцев, находившихся на службе в России;
- по наименованию кораблей и судов русского и советского флотов;
- по наименования советских газет;
- в честь знаменательных событий в жизни страны...» [57]

Эти виды присутствуют в топонимике исследуемого региона, и все они отнесены нами к хомотопонимам (см. п.1.2.2.) – не важно, кого или что хотели запечатлеть на память картографы. И как было показано выше, Леонтьев вряд ли был выдающимся деятелем Российского государства – его имя зафиксировано на карте никак не в мемориальном аспекте.

Ещё одни составители важного справочника – «Топонимика морей Советской Арктики» (1972 г.) С.В. Попов и В.А. Троицкий также выделяли в отдельную группу мемориальные топонимы, но – как противовес национальным названиям (на языках народов Крайнего Севера) [83]. А вместе с тем топоним Омон-Юрях (долг.) никак не мемориальный, а навигационный, так как река эта получила название по промысловым угожьям промысловика-долганина Омона, со всеми вытекающими (наличие укрытий, стоянок, пастников и проч.). Такая классификация также вносит некоторую путаницу в исследования, ибо топонимы национальные, как мы увидели, могут тоже быть мемориальными, и такая градация равнозначна постановке в один ряд зелёного с солёным или длинным – лексем, имеющих абсолютно разную направленность смыслов и качеств.

Поэтому в данной работе, продолжая следовать логике разработанной нами классификации, за понятием «мемориальный аспект» мы оставляем исключительно семантическую окраску, которая присуща хомотопонимам. Те, в свою очередь, могут подразделяться на различные типы, отражающие суть того, о ком или о чём следует оставить память, *memoria*. Это могут быть и общепринятые *антропотопонимы* – образованные от имён людей, и *нафосотопонимы* (предлагаем от др.-греч. *πάθος* – «событие») – в память о событиях, и так далее.

Важно, что топонимы, связанные с человеком, на севере территории носят в большинстве мемориальный характер – побуждающий закрепить память либо о ком-то, сыгравшем роль в исследовании севера, либо о важном для страны событии и проч.

В данном случае ориентация на местности носит второстепенный характер, присущий любому географическому названию, независимо ни от чего. А в мемориальном аспекте это, в большей степени, отражение феноменов, отражающих геокультурное пространство именно данного региона: река Геологов, Топографов, Коломейцева, залив Миддендорфа, бухта Эклипс или полуостров Заря – в честь подвига полярных исследователей... При этом, не важно, имел ли человек отношение непосредственно к конкретной территории. Например, мыс Челюскина был назван много позже, после смерти человека, открывшего самый северный мыс полуострова и назвавший его первоначально Северо-Восточным, а река Шренка, как было указано выше, – в честь российского учёного, который на Таймыре даже не бывал. Это – своеобразный культурный маркер региона, являющегося частью обширной страны.

Также мемориальными по своей сути являются топонимы, которые можно интерпретировать как *локотопонимы* (от лат. *locus* – «место») – фиксирующие на карте, по той или иной причине, памятное для поименователя место. Например, река Ленинградская получила своё имя от геологов в честь родного города, а гора Лагерная – в память об экспедиционном лагере, где долгое время жили и работали исследователи.

Мемориальный аспект носят и так называемые переносы, которые мы упоминали в п.1.2.1.: «использование топонима, полностью или частично, из другого местоположения или объекта» [103]. Например, те же таймырские реки Пахра или Марга, или Фонтанка (по реке в Ленинграде (Санкт-Петербурге), значение которых в трактовке Ж. Тента относятся к переносам, на наш взгляд, являются данью памяти о родных краях. Считаем, что данные топонимы также укладываются по III категории нашей классификации («Контент») в класс *хомотопонимы*, а в подкласс – *локотопонимы*.

Как видим, мемориальный аспект имеет отношение к этимологии, характеристике смысловой нагрузки того или иного топонима и его функции фиксировать памятные события, людей, объекты, важные для формирования геокультурного пространства. И здесь снова следует подчеркнуть, что мемориальный характер носят в основе своей топонимы севера геокультурного пространства Таймыра. Исторический и географический факторы объясняют этот феномен тем обстоятельством, что появились они намного позже и двумя этапами: первый – в период работы Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг., второй – уже в советское время.

Выводы

Северное побережье севера Средней Сибири, будучи географически самой северной частью материковой суши в мире, долгое время являлось настоящей *terra incognita*, а максимально стало осваиваться только в XX веке. По этой же причине картографирование этой части геокультурного пространства Таймыра также началось поздно – тоже в XX веке, советскими картографами, которые бережно сохранили небольшую в относительном количестве часть географических названий, зафиксированных их предшественниками, членами немногочисленных экспедиций Российского государства XVII-XIX вв.

Этим объясняется значительная разница в смысловых аспектах топонимии севера и остальной части исследуемой территории: топонимы севера носят преимущественно мемориальный характер, на остальной территории – в подавляющем большинстве навигационный.

Важно, что мемориальный аспект носят, в основном, топонимы русской субъектности (II), что говорит о характере и обстоятельствах освоения самого сурового арктического региона России. А навигационные аспекты, наоборот, не зависят от субъектности: навигационные функции, информация, «защитая» в названия географических объектов, были важны как кочевникам, следовавшим дважды в год за мигрирующими стадами северного оленя, так и для русских – оседлых жителей, промысловиков, исследователей и др.

Вместе с тем, важно отметить, что топонимов с невыясненным смысловым значением в этом отношении – в силу отнесения к палимпсестам по субъектности или слабой выраженности семантической нагрузки по контенту – всего 9% (Таблица 2). Это так же косвенно говорит о достаточно позднем освоении территории человеком и поименовании её географических объектов.

Как видим, нематериальные культурные феномены – топонимы – соответствуют общей последовательности формирования геокультурного пространства исследуемой территории, возможности её освоения – как русскими исследователями, так и старожильческим населением и КМНС.

3.2. Топонимическое районирование геокультурного пространства Таймыра

Наличие топонимов-палимпсестов в геокультурном пространстве является отражением взаимодействия носителей разных языковых групп. Количественное соотношение палимпсестов исследуемого региона по субъектности (II), приведённое на Рисунке 10, свидетельствует о том, такое взаимодействие здесь весьма активно – палимпсесты заняли второй по объёму сектор (серый цвет). Анализ качественного (пространственного) распределения топонимов выявил закономерность, позволившую соотнести их распространение с геокультурными процессами, оказавшими влияние на формирование геокультурного пространства Таймыра. Напомним, при работе с топонимией Таймыра были взяты за основу условные цветовые маркеры для географических названий, произошедших из разных языковых групп (ненецкие – жёлтый цвет, эвенкийские – оранжевый, долганские – фиолетовый, нганасанские – бирюзовый, русские – красный, для палимпсестов выбран нейтральный серый цвет).

Визуальная дифференциация топонимов по языковым группам на исследуемой территории была создана с помощью интернет-ресурса nakarte.me: каждый поинт представляет точку соответствующего цвета, поставленную на картографическое изображение географического объекта (реки отмечались маркером в среднем течении) – по отношению к его субъектности (II). Поинты наносились на карту-схему по очереди, сначала один цветовой кластер, затем другой и т.д.

Уже этот первоначальный процесс показал, что распространение топонимов является не дисперсным, а имеющим определённую локализацию. Что позволило использовать лингвистический приём – нанесение зон распространения топонимов той или иной языковой группы и топонимов-палимпсестов. Так, если мы посмотрим на карту-схему (Рисунок 17) репрезентативной выборки палимпсестов (серый цвет), то увидим, что наиболее активный район взаимодействия представителей разных языковых групп, в результате которого и происходила языковая ассимиляция географических названий, в основном, совпадает с наиболее благоприятными для круглогодичного проживания районами – в зоне лесотундры и северной тайги.

При этом на севере исследуемой территории палимпсестов нет совсем, что совпадает с характером распределения навигационного и мемориального аспектов топонимов в соответствии с их контентом (III) – на севере исследуемой территории никто никогда не жил, туда не заходили кочевые племена, системные, хотя и не регулярные изыскания и картографирование начались только в XVIII веке.

Локализация на карте-схеме других по субъектности (II) топонимов также показала их определённое расположение – соответствующее освоению и заселению территории как отражение пространственно-временных процессов, формировавших геокультурное пространство Таймыра.

Рисунок 17 – Распространение топонимов-палимпсестов геокультурного пространства Таймыра (карта-схема составлена автором)

3.2.1. Ненецкие топонимы на карте Таймыра и их локализации

Топонимы, по субъектности (II) определяемые как ненецкие, маркировались жёлтым цветом. На Рисунке 18 показано, что они имеют совершенно определённую локализацию на правом берегу Енисея. Причём на самом севере правобережья они отсутствуют.

Проанализировав условные квадраты 1, 2, 6, 7, 8, представленные схематично на Рисунке 5 в параграфе 1.3., удалось выявить следующую закономерность по II категории имеющихся здесь топонимов.

Севернее $72^{\circ}22''$ с.ш. на карте находятся топонимы только русской субъектности (II). На указанной широте впадает в Енисей река иной субъектности – Потакуй. В письменных источниках осталась фиксация поименования этого географического объекта: «Выявлена в 1866 г. геологом И. А. Лопатиным. Подолгански означает «дорожный мешок». Вероятно, кто-то из долган потерял у реки свой потакуй, почему и стали её так называть» [83].

Рисунок 18 – Распространение топонимов ненецкой субъектности в геокультурном пространстве Таймыра (карта-схема составлена автором)

Если мы принимаем за основу долганскую субъектность, то выясняется, что «дорожный мешок» в этом языке звучит как *матака*, привнесено в оно из эвенкийского, где звучит как *потакан*. Лексема в топониме сильно изменена, а

учитывая, что запад геокультурного пространства Таймыра в указанном районе нехарактерен для ареала зарождавшегося народа долганы, следует понимать, что про «потерю дорожного мешка», рассказал, скорее всего, проводник экспедиции Лопатина. Возможно, из рода Долган, говорящий на эвенкийском языке.

После вверх вдоль правобережья Енисея следуют также топонимы русской субъектности (II), первое географическое название, которое определяется по топоформанту как ненецкое, впадает на отметке до $70^{\circ}58''$ с.ш ($83^{\circ}27''$ в.д.) – река Ашяха (река Отца).

Обратим внимание на гидроним Мунгуй. Это ещё один нехарактерный для общего субъектного окружения топоним-палимпсест. Но, в отличие от Потакуя, не имеет фиксации в письменном источнике о своём происхождении. Общепринятая трактовка перевода названия этой реки может поставить в тупик: *мунгуй* – специальный деревянный намордник для оленёнка – считается исключительно карагасским (карагасы – тофалары) словом. А территория их проживания далека даже от южных границ плато Путорана – в юго-западной части Нижнеудинского района Иркутской области. Но если мы учтём этнографические и исторические факторы, то можно предположить, что слово, скорее всего, привнесено сюда через кочующих тунгусов. При этом, следует заметить, что исток реки Мунгуй начинается в квадрате 7, где топонимическая картина в плане субъектности топонимов является неоднородной.

Распределение ненецких топонимов (и их отсутствие в зоне Затундры) совпадает с пространственным размещением ареалов, летовок и зимовок северного оленя (Рисунок 19). Для нас важно правобережье Енисея, где мы видим как раз присутствие районов домашнего оленеводства – именно там находится большинство топонимов ненецкой (субъектности).

Добавим комментарий специалиста-биолога, которым была снабжена приведённая на Рисунке 19 карта-схема: на самом севере стада ДСО в летний период имеют малую скученность, рыхлость и большую подвижность. Это обуславливает весьма малое отрицательное воздействие дикого северного оленя на пастбища (вытаптывание, выедание) [44]. Для нас это замечание биолога

дополняет понимание отсутствия интереса коренных малочисленных народов к редким заходам на огромные пространства севера территории – сколь-нибудь экономически-хозяйственного смысла следовать за ДСО туда не было. Поэтому, несмотря на достаточно большую область летовок ДСО, отмеченную на севере, топонимика показала нам отсутствие такого интереса – на самом севере находятся только русские географические названия, появившиеся в более позднее время, в основном, с начала Великой Северной экспедиции, и носящие мемориальный характер.

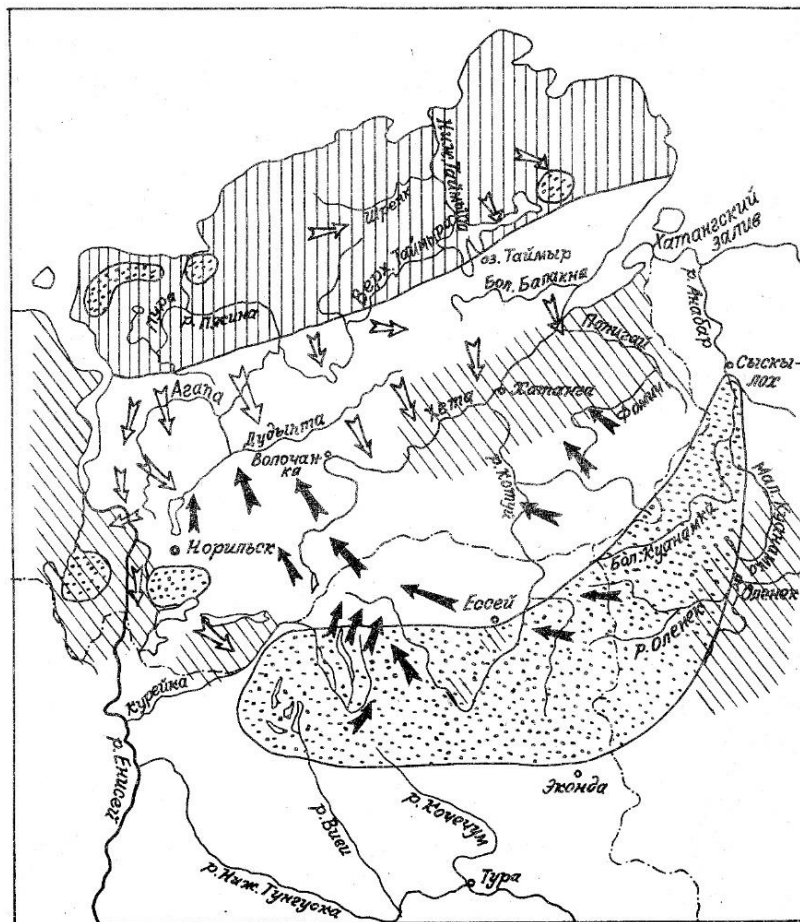

Рисунок 19 – Районы домашнего оленеводства и «пространственное размещение таймырской популяции диких северных оленей на Енисейском Севере:

- район зимовок диких оленей;
  – районы домашнего оленеводства;
  – летовки диких оленей;
 ➔ – направление весенних миграций;
 ⇔ – пути осенних миграций» [44].

Южнее топонимы с ненецкими формантами зафиксированы вплоть до $69^{\circ}52''$ с.ш ($85^{\circ}27''$ в.д.) правобережья Енисея – исток реки Ярьяхамал (Вершина Песчаной реки). Восточнее реки Пясины и на плато Путорана топонимов ненецкой субъектности (II) нет.

3.2.2. Эвенкийские топонимы и их значение

Плато Путорана – естественная труднопроходимая граница (размеры каменистого плато от Эвенкии до северных отрогов плато достигают 500 километров), через которую веками мигрировали стада ДСО, а позже, вслед уже за домашним оленем, и кочевые племена тунгусов. Миграции проходили дважды в год, не удивительно, что субъектность (II) топонимов плато Путорана является преимущественно эвенкийской.

Локализация эвенкийских топонимов, относящихся к тунгусо-маньчжурской языковой группе языков, в геокультурном пространстве Таймыра представлена на Рисунке 20 – они отмечены оранжевым цветом.

Обращают на себя внимание несколько топонимов, «затерявшихся» среди топонимов инородной субъектности (квадрат б). Это гидронимы (I) Дептурама, Малая Дептурама и ороним (I) Хоймакит.

Действительно, топоформанты *-ма* и *-кит* выдают эвенкийское происхождение топонимов. Словообразовательный суффикс *-ма* в эвенкийском языке формирует относительные прилагательные, *-кит* – суффикс т.н. исходного падежа. Вместе с основой *хой* («болото» по-эвенк.) урочище можно перевести как Болотистое (важный навигационный аспект). В гидронимах же основа, скорее всего, *дептылэ* – «еда, пища» (от эвенкийского глагола *деп* – «есть, кушать»). Таким образом обе реки можно по-русски назвать как Пищевая (Малая Пищевая) или Едовая (Малая Едовая), в более точном значении – Река-Где-Можно-Поесть. Это может быть продиктовано наличием на её берегах ёмких оленных пастбищ – там произрастают хорошие ягельники.

Такое, самое далёкое проникновение топонимов эвенкийской субъектности, в комплексе с исследованиями других геокультурных процессов, косвенно

указывает на «подстилающую» топонимику автохтонной пратунгусской субъектности, о чём говорилось в § 2.3.1.

Рисунок 20 – Распространение топонимов эвенкийской субъектности в геокультурном пространстве Таймыра (карта-схема составлена автором)

Основная же масса эвенкийских топонимов сосредоточилась в условных квадратах 13, 14, 19.

Почти все водотоки, имеющие истоки на вершинах плато, имеют эвенкийскую субъектность (II): Амнундакта – Наледная, Дёлочи – Каменистая, Имангда – Снежная, Нерунгда – Хариусовая, Чопко – Ущелистая и др. Все реки носят навигационный характер, а некоторые сохранили в себе даже процессы экономического освоения территории. Например, река Ондодоми, упоминавшаяся

выше. Она начинается в северных отрогах плато, растворяясь в многочисленных озёрцах Таймырской низменности, в районе реки Авам. По-эвенкийски *ондогдо* – олень-манщик, обученный для охоты на ДСО, *-ми* – суффикс, указывающий на древность, «дела давно минувших дней», значения основы. Контент (Ш) топонима, т.о., зафиксировал для исследователей старинный способ охоты, а гидроним можно перевести на русский язык как Река-На-Которой-Раньше-Охотились-С-Оленем-Манщиком.

Многочисленные ущелья рек и озёр создали своеобразные оазисы в этом суровом горном регионе, где среднегодовая температура выше на 15-20°, а каменистые пустыни сменяются зонами лесотундры и северной тайги. Соответственно, здесь иной состав флоры и фауны, в частности, есть важный в промысловом отношении вид – соболь. А природные зоны фьордовых озёр западной части плато Путорана выгодно отличаются более тёплыми среднегодовыми температурами и от близлежащей тундровой зоны, протянувшейся на правобережье Енисея, – на 10°. Не случайно одна из рек района Больших Норильских озёр называется Дынкенгда (эвенк., Соболиная).

Важным обстоятельством формирования современной топонимии геокультурного пространства является поздняя фиксация её на картах – только в XX веке. И она отличается от топонимии территории, которая существовала относительно недавно – в середине XIX века. Что само по себе является отражением геокультурных процессов.

Так, введённая нами впервые в научный оборот карта Петра Михайловича Сотникова (Рисунок 21) фиксирует, что Большие Норильские озёра имели другие названия – в основном, русские и эвенкийские. Это соответствует процессам освоения этой территории: практически два столетия русские промысловики осваивали этот район, а по так называемым оленьим тропам, пролежавшим в этом же районе, тунгусы дважды год следовали за северным оленем: в тундры севера, а затем обратно – в таёжные районы Эвенкии.

Рисунок 21 – Фрагмент карты Туруханского края П.М. Сотникова (1863 г.), на котором изображены Большие Норильские озёра [63]

Сегодня многие из этих топонимов утрачены, ибо наносились на карту советскими картографами, начиная с 20-х гг. XX в., в проводниках у которых, в основном, были представители долган – молодого народа, говорящего на отдельном языке, относящимся к отличной от эвенкийского языковой группе – тюркской.

В этом отношении очень показательны попытки трактовки различными исследователями географического названия озера Аян, которое находится в центре плато. Сегодня это самое недоступное из всех фьордовых озёр Путоран – туда можно добраться только на вертолёте. Однако ещё меньше ста лет назад это удобное озеро, расположенное в меридиональном направлении, в совокупности с реками – одноимённым истоком Аян и рекой Нёрал (на картах сохранено её эвенкийское имя Икэн, которое о многом говорит исследователю, – Перевал) – служило «дорогой» миграций северного оленя через плато.

Когда топоним определён по субъектности (II) – в данном случае мы её определяем как эвенкийскую по нескольким факторам (географическому, историческому, биологическому и др.), нет необходимости перечислять возможные совпадения в других языковых группах. Несмотря на то, что слово с таким же звучанием – *аян* – есть и в якутском, и в долганском языках, его значение всё же стоит выводить из эвенкийского *аян* – «путь, дальняя дорога». Конечно, можно ещё учесть значение этого слова, извлечённого из разговорной лексики этого языка – «глубокий снег на вершине горы» [10]. Но то, что субъектность именно эвенкийская, вновь показывает карта, составленная П.М. Сотниковым. У него водоём помечен как Аян-Амутин. Вторая лексема в топониме также эвенкийская и вкупе с первой даёт контент (III), которое на русском языке можно озвучить, как Озеро-Из-Которого-Вытекает-Аян.

Таким образом, мы видим, что топонимы эвенкийского происхождения (тунгусо-маньчжурская языковая группа) локализуются на юге исследуемой территории – там, где по речным ущельям плато Путорана миграционные потоки северного оленя спускались в район тундрового севера (эти миграционные пути также представлены на Рисунке 19).

3.2.3. «Тюркизация» топонимии геокультурного пространства Таймыра

Сегодня северные отроги плато Путорана также изобилуют топонимами, связанными с тюркской языковой группой (Рисунок 22) – они обозначены фиолетовым цветом.

При визуальном сравнении со схемой локализации топонимов эвенкийской субъектности, видно, что «тюркизация» топонимии возрастает в направлении от запада исследуемого региона к востоку – в сторону плато Анабар.

При составлении приведённой выше карты-схемы были отмечены топонимы и в дополнительных условных квадратах, изначально не входившие в репрезентативную выборку – 29-й и 33-й (Рисунок 5) – для подтверждения увеличения плотности тюркской субъектности на восток, что логично для республики с тюркоязычным населением, каковой является граничащая с

Рисунок 23 – Карта Туруханского края П.М. Сотникова с единственным «тюркским» топонимом (отмечен красной меткой) [63]

Этот топоним можно в целом определить как иллюстрацию к зарождающейся долганской топонимике. В современном долганском языке есть лексема *истиэ* (*истии*), которая переводится, как «растение, имеющее кислый вкус». Лексема эта заимствована из якутского – *исти* – «лук (дикий)». А в якутский слово пришло из русского: «щи (шти); капуста; растение, которое рубили и квасили, как капусту». Суффикс *-ляк* представляется, скорее, ассимилированным якутским суффиксом *-лях*, нежели долганским *-лаак* – с тем же значением (обладание). То есть река Истиляк – Река-На-Которой-Растёт-Дикий-Лук – отражает как раз формирование

молодого этноса долганы, в чей язык вошла лексика и эвенкийского, и якутского, и русского языков.

К слову, сегодня реки с таким названием на карте не существует. Возможно, это ассимилированные современные топонимы Искелях-Сяне (*сэн* – эвенк. «рукав, протока») и Искелях-Кюель (квадрат 23), причём, с якутским суффиксом *-лях*. Контент (III), если принять за основу, что это и есть первоначальное звучание гидронимов, можно выводить из долганского слова *искэ* – «внутри» (Внутренняя протока? Внутреннее озеро?). Однако, с учётом географических и биологических факторов, приходим к выводу, что, скорее всего, это всё же ассимилированный Истиляк, палимпсест.

Рассмотрим ещё один современный топоним, который можно соотнести с картой П. Сотникова. Гидроним Правый Куччугуй-Сабыда является интегрированным палимпсестом: *куччугуй* (якут., долг.) – «малый», *сабыда* – имеет тунгусскую основу. Возможно, от *савуда* – «шорох», «шелест» (в долганском языке звук [в] отсутствует, заменяется на [б]) либо от *савода* – «вещь, имущество» (имеется в виду оставляемое зимнее имущество в предгорьях, перед кочёвкой налегке в тундры севера на летовку, что традиционно для поименований приметных локаций). В пользу такой трактовки косвенно и говорит карта-схема Петра Сотникова, на которой названный топоним присутствует в форме Савыда.

В обширной работе П.И. Третьякова «Туруханский край», которая вышла в Записках РГО в 1869 году, приводится наиболее подробное описание географии указанного района, но долганские названия там также отсутствуют.

В целом, появлению долганских топонимов мы обязаны советским картографам. «Авторами» современной топонимии геокультурного пространства Таймыра можно назвать проводников Н.Н. Урванцева – Константина Сулова (Эльбея), Ивана Сидельникова (Нягду), Филимона Лаптукова (Лимку) и др.

Сегодня подавляющая часть Больших Норильских озёр, как было указано выше, имеет совсем иные наименования, нежели на карте П.М. Сотникова. И тут необходимо отметить, что «сотниковские» топонимы существовали минимум с XVIII в. – после Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. на картах-схемах

региона Больших Норильских озёр мы уже можем видеть, в частности, озеро Давыдовское (карты, датированные 1745 годом).

На современной карте озеро Некома (эвенк., Окунёвое) называется Собачье (по-долгански на карте отмечено Ыт-кюель), Быстровское стало Мелким (по-долгански Каргы-кюель) и т.д. Видимо, в тот же период появились гидронимы в ущельях озёр с западной стороны плато Путорана, такие как Никита-Юрях (в переводе с долганского речка Никиты) и Омон-Юрях (носители долганской фамилии Омон зафиксированы в начале XX века [52]) и др. – по сложившейся на территории традиции называть географические объекты по охотничьим угожьям их хозяев.

Представляется, что здесь свою роль также сыграли административно-политические изменения, в результате которых 10 декабря 1930 года был образован новый национальный округ, в титул которого было вынесены этнонимы двух народов – долган и ненцев, округ, соответственно, – Таймырский Долгано-Ненецкий.

3.2.4. Локализация нганасанских топонимов

Пясинские и авамские самоеды – предки современных нганасан, по выводам советского этнографа А.А. Попова, платили ясак в XVII веке соболями, что косвенно говорит об их ареале проживания – зоне северной тайги [67]. Постепенное вытеснение этой группы самоедов представителями других этносов, ориентировочно в XIX веке, вынудили их уходить на летовки в тундры бассейна реки Пясина и озера Таймыр – там располагались основные летние пастбища диких северных оленей, на которых они и охотились [43].

Есть свидетельство А.Ф. Миддендорфа, относящееся к середине XIX века, которое показывает, что за горы Бырранга нганасаны не заходили: «камни там (за горами Бырранга – Л.С.) так остры, что наша обувь изнашивается в один день; оттого там не растёт и мох для нашего скота: там голая мёрзлая земля» [59]. Впрочем, эти физико-географические реалии актуальны и сегодня.

Субъектность топонимики помогает локализовать расселение этого этноса и даже примерное время расселения. «Карта расселения нганасанов», составленная

А.А. Поповым [67] по результатам экспедиций в 1930-х годах, в основном, совпадает с вычисленной нами зоной распространения топонимов нганасанской субъектности (Рисунок 24).

Рисунок 24 – Зона распространения топонимов нганасанской субъектности в геокультурном пространстве Таймыра (карта-схема составлена автором)

Такие топонимы начинают появляться на западе (условный квадрат б). Они определяются по топоформантам *турку* – «озеро», *бигай* – река и др. Однако основной массив их начинается на правобережье реки Пясины, даже более точно – после её крутого меандра в районе 73° с.ш. Этот факт является топонимическим отражением событий, в результате которых, по свидетельству мангазейских сборщиков сака, «воровская самоедь» [33] сбежала за реку Пясину.

Так, в гидрониме Хутудабига, которую мы определяем как палимпсест (II), можно выделить формант *-бига* в качестве изменённого нганасанского *бига́й* – «река». И что важно, в квадрате 11, в районе современного ареала нганасан, есть река Верхний Хутудабига́й с неизменённым формантом.

Лексема *хуту* по-нганасански означает «проём» (географически это подтверждается наличием узких мест на протяжении этого водотока с крутыми обрывистыми берегами). Не укладывается в нганасанскую грамматику и лексику лишь окончание основы *-да*. В связи с этим следует указать на топонимы, созвучные реке Хутудабига, находящиеся чуть южнее – в том же квадрате 6. Там мы встречаем, например, озеро Худыта. На Ямале же протекает река с похожей основой – Хутыяха, что носители языка – ненцы – переводят как Вытянутая река: от усечённой формы причастия *хутенана* – «вытянутый». Имея в виду, что формант *-то* в географических названиях ненецкого происхождения означает «озеро», а законы фонетики допускают оглушение и озвончение согласных в соседних открытых слогах (как в нашем случае [т] на [д] и обратно), можно предположить, что в таймырском Худыта формант *-то* изменён на *-та*, таким образом, мы получаем перевод топонима как Вытянутое озеро – что, действительно, соответствует его форме. Также можно допустить, что топоним Худыта в устоявшейся форме перешёл на название реки – Хутудабига, естественно, в ассимилированном виде. В любом случае, гидроним Хутудабига – это палимпсест, хотя и хорошо распознаваемый, с учётом лингвистического и географического факторов, имеющий намёк на самодийскую субъектность (и нганасанский, и ненецкий языки принадлежат самодийской языковой группе) и являющийся снова топонимическим отпечатком тех же событий, в результате которых «воровская самоедь» [33] сбежала за реку Пясину.

Стоит добавить, что в квадрате 6 также встречаются аналогичные, на наш взгляд, по происхождению топонимы-палимпсесты – реки Хутодань, озеро и река Хутадань...

А весь север бывшей Затундры, до предгорий Бырранга, изобилует топонимами нганасанской субъектности, определяемой по формантам *бигай*, *турку* и *тари* («приток») и др.

В отчёте первопроходца Таймыра, полярного исследователя Н.Н. Урванцева видно, как такие топонимы появлялись на карте – именно он был одним из первых картографов территории. Во время Таймырской геологической экспедиции 1929 года он наносил на карту те названия, которые сообщили ему встретившиеся во время экспедиции оленеводы, традиционно летовавшие в районе озера Таймыр [92]. Так в его отчёте появляется, например, урочище Фадью-Куда и озеро Дьямо. На современной карте мы видим гидроним Фадью-Куда, который носители нганасанского языка выводят из двух основ: *ходезэ* – «кривой», *куодэ* – «горный хребет». Озеро Дьямо Урванцев не стал отдельно фиксировать, везде помечал в скобках, что это озеро Таймыр. Так оно и осталось на карте, возможно, в память о Миддендорфе и его экспедиции. Тем более, что *дям* в переводе с нганасанского означает просто «много воды», «море», «большая вода». Аналог эвенкийского *ламу*.

На юго-востоке исследуемой территории есть ещё один показательный топоним-палимпсест – река Попигай, истоки которой находятся на плато Анабар. Устоялась трактовка, относящая гидроним к нганасанской субъектности (II) по подобию окончания с формантом *бигай*. Соответственно, подбирается и схожее звучание в этом же языке, поэтому контент (III) определяется следующий: *фа* (*хуа*) *бигай* – Лесная река (от *хуааньдеху* – «густой лес», «тайга») [6], иногда можно встретить от *хуалэ* («камень») *бигай* – Каменная река. Иные варианты не рассматриваются. Вместе с тем, гидроним не всегда звучал как Попигай. На карте Северной части Восточной Сибири А.Л. Чекановского, изданной Ф.Ф. Миллером в 1870-х гг. она обозначена как Копыкай. Понятно, что и это звучание изменено. Учитывая тот факт, что Попигай – крупная река, находится на границе ареала родов тунгусо-маньчжурской группы (ламутов (эвенов), эвенков) и тюркской языковой группы (якутов), кажется логичным обратить внимание именно на эти языки. Другие крупные реки этого района – Хета, Хатанга, Котуй – тоже являются

палимпсестами (III), значит, получили своё имя достаточно давно, видимо, раньше появления здесь якутов в конце XVII века. В эвенкийском языке есть слово *копет* – «купец», видимо, также сильно видоизменённое русское слово. Вполне возможно, что здесь сохранена информация о коммерческих передвижениях русских купцов по Хатангскому тракту, которые возили с собой необходимые товары в обмен на пушнину у местного населения.

Впрочем, возможно, всё же Попигай – это топонимический след, который отражает нганасанскую субъектность (II) гидронима (I) и указывает на некогда регион пребывания этого народа и до того момента, как их стал «выдавливать» на север формирующийся молодой этнос долганы. Таким образом, распределение топонимов нганасанской субъектности показывает исследователю алгоритмы освоения ими территории. Но в данном случае нужны дополнительные поиски новых факторов, которые помогут определить наиболее логичный контент (III) гидронима Попигай.

3.2.5. Распространение восточнославянских топонимов

Топонимы русской субъектности (I) занимают обширную территорию геокультурного пространства Таймыра. На карте-схеме зона распространения русских топонимов обозначена красным цветом (Рисунок 25).

Но есть некоторые важные закономерности и в их распределении. Связаны они, прежде всего, с контентом (III): большинство топонимов севера исследуемого региона имеет мемориальный аспект, а более южные топонимы – навигационный. Причём, на приведённой карте-схеме визуально видна даже некая фронтальная граница, отделяющая одни русские топонимы от других.

Если мы посмотрим Таблицу 3, то увидим, что на севере топонимов с мемориальным аспектом более половины, а южнее – меньше 1%. Подавляющее большинство топонимов юга – навигационные.

Следует отметить, что навигационный аспект топонимов севера геокультурного пространства Таймыра ещё ждёт отдельного исследования и выяснения более точного характера отражения в топонимии наполненности дополнительными смыслами, в зависимости от географической реалий. Дело в

том, что такие топонимы как остров Гранитный или река Ленивая могут расцениваться и как указывающие на определённый фактор, необходимый для понимания характера местности в работе геологов или иных специалистов-исследователей (в наличии гранит или течение реки медленное), а могут просто констатировать наличие гранита и медленное течение реки – вне зависимости от того, что для экспедиционеров важно на данном этапе пути, т.е. пока являются географическими названиями с невыясненной семантикой. В зависимости от этого, такие топонимы могут определяться либо как физиотопонимы, либо как антанатопонимы. И соответственно, служить различными маркерами, отражающими разные составляющие геокультурного пространства.

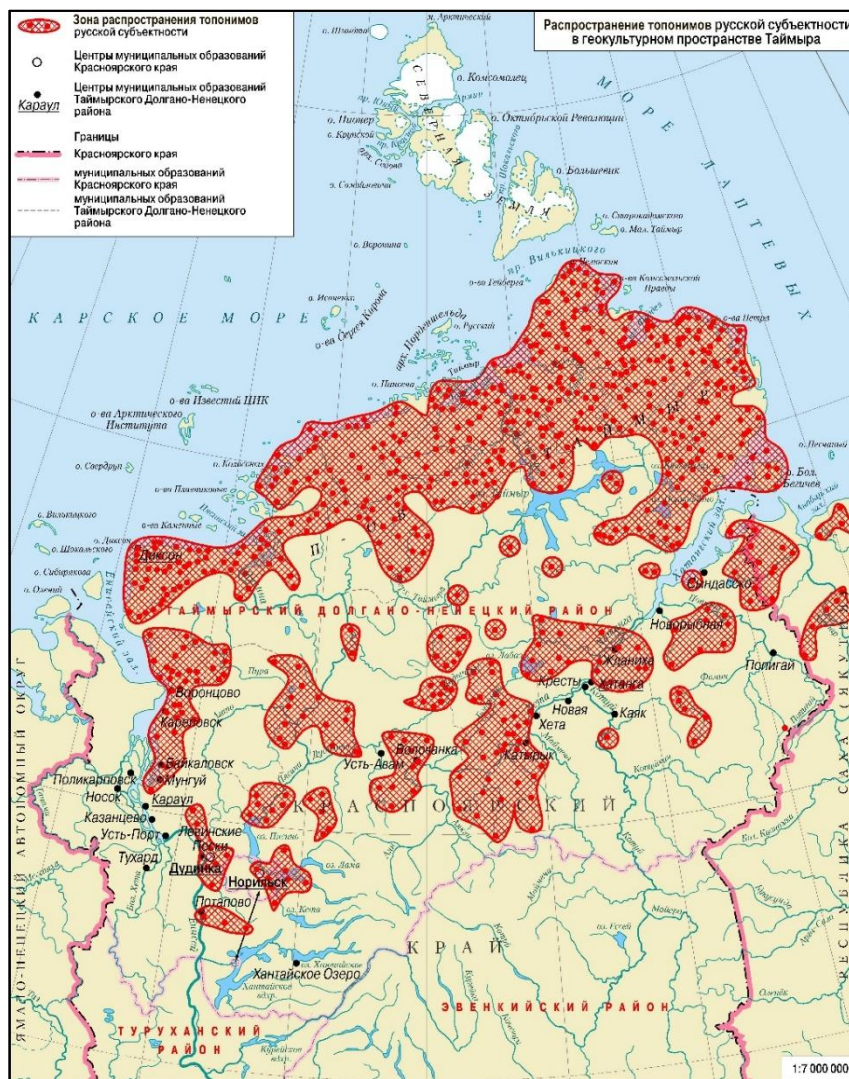

Рисунок 25 – Распространение топонимов русской субъектности геокультурного пространства Таймыра (карта-схема составлена автором)

Таблица 3 – Распределение топонимов с мемориальным и навигационным аспектом на карте Таймыра

Контент топонима	север	юг
Мемориальные	≈55%	≈1%
Навигационные	≈25%	≈86%

Топонимия севера как элемент геокультурного пространства Таймыра появилась позже начала освоения и заселения более южных и благоприятных для оседлого проживания районов остальной территории. Так, круглогодичные поселения здесь были основаны только в XX веке, а после потрясений, связанных с развалом Советского Союза, из них и вовсе осталось одно – Диксон, остальные, существующие сегодня, являются сезонными или вахтовыми.

До XX века из немногочисленных экспедиций, которые оставили свой след в поименовании ранее никем не посещаемых географических объектов, можно назвать только две: Ленско-Хатангский отряд Великой Северной экспедиции под руководством Харитона Лаптева в первой половине XVIII века и экспедиция А.Ф. Миддендорфа в XIX веке. Основная же картография и поименование осваиваемого пространства также началась в советский период.

Как мы уже указывали выше, кочевые народы на побережье Северного Ледовитого океана, за горы Бырранга не заходили – в силу отсутствия экономического интереса и условий природопользования. Соответственно, топонимических следов их присутствия также за горами Бырранга нет.

Русские оседлые жители, которые, в основном, создали более-менее постоянную инфраструктуру к 1680 гг. [85], так далеко на промыслы тоже не заходили. Во-первых, в этом не было необходимости – богатые рыбой и пушниной места находились в верхнем и среднем течении основных рек территории, а во-вторых, даже для отъезжих изб, обеспечивающих сезонное проживание, необходим был строительный материал, которого на побережье Северного Ледовитого океана взять негде, за исключением плавника. Но этот ресурс не является гарантированным в необходимой точке доступа.

Если к началу XX века Сибирь являлась территорией исключительно русской по составу (русскоязычного населения было более 80%) [21], в Туруханском крае дело обстояло иначе – из 7000 человек общего населения [13] инородцев было около 5500. А вот на самом севере Туруханского края не проживал совсем никто.

Географические названия, нанесённые на карту, отражают характер освоения севера территории. Видимый фронтир между топонимами русской субъектности (II) приходится на хребты гор Бырранга и наименее посещаемые арктические тундры на правом берегу Пясины.

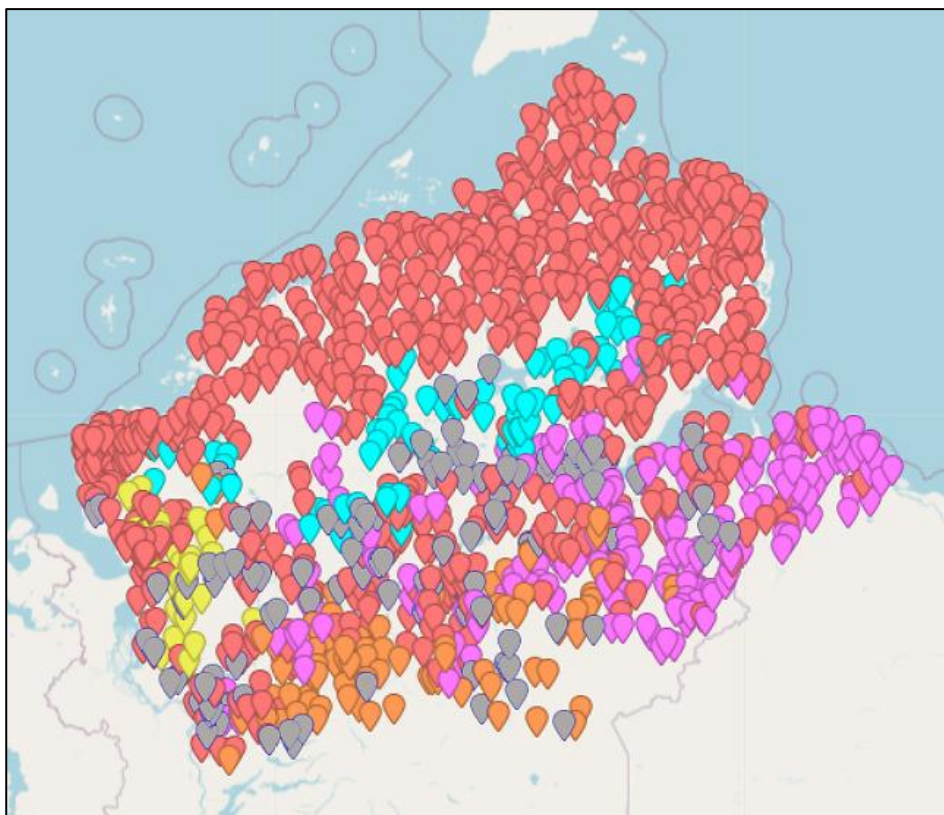
Русская топонимика в «срединном Таймыре», там, где некогда располагалась историческая область Затундра, визуально отделённая фронтиром от севера (Рисунок 25), не является преобладающей здесь. Она – лишь часть общей топонимической картины, отличающейся от остальной территории большим разнообразием субъектности (II) топонимов. Это обстоятельство и позволило выделить в отдельный топонимический район эту часть геокультурного пространства Таймыра. О Затундре – в следующем параграфе.

3.2.6. Затундра как культурно-географический феномен, отражённый в её топонимии

Во время работы с ресурсом nakarte.me было замечено, что, если наложить друг на друга цветные поинты, фиксирующие локализацию топонимов разной субъектности, то наиболее «пёстрая» картина находится между южными отрогами гор Бырранга и северными отрогами плато Путорана, а также в районе долины реки Норильской, находящейся на северо-западной оконечности горного массива плато Путорана (Рисунок 26).

Эта часть совпадает в общих чертах с описанием историко-географической области Затундра, которая была сделана этнографом Л.Н. Добровой-Ядринцевой в первые годы советской власти: «Затундра представляет из себя узкую полосу леса, ограниченную с севера Большой Тундрой, с юга – Илимпейской и с востока – Анабарской, простирающуюся, главным образом, по течению реки Хеты, левого притока Хатанги» [26]. Единственное уточнение, которое хотелось бы сделать к этому описанию, – территория между Илимпейской тундрой и собственно

Затундрой представляет собой достаточно большие безжизненные высокогорные участки плато Путарана (и Анабар).

Рисунок 26 – Скриншот результатов дифференциации топонимии Таймыра с помощью цветных поинтов посредством ресурса nakarte.me

Это географическое название, после почти 100 лет перерыва, мы вернули в широкое употребление – в начале XXI века. Вместе с тем, в различных архивных документах и книгах, изданных в XVIII-XIX вв., Затундра встречается часто, и даже ещё в начале XX века, до организации в 1930 году Таймырского Долгано-Ненецкого национального округа. После этого в работах исследователей можно было встретить разве что отголоски названия области в наименовании сословия «затундринские крестьяне» или определения дореволюционных административных единиц: Нижне-Затундринская управа, Затундринское общество и проч.

Геокультурные процессы на этой территории происходили в письменный период истории, поэтому мы имели возможность проследить её формирование.

Как имя собственное историческая область появилась не сразу. Ещё в «Записках об Енисейской губернии Восточной Сибири» И.С. Пестова 1831 года значится: «Хлеб даётся жителям в одолжение; сверх того отпускается за тундру, где живут русские семейства» [66].

Примерно в этот же период в архивных документах можно встретить слитное написание «Перевестъ запасного хлеба с реки Енисея затундру нареку Хету – в зимовья...» [15]. С большой буквы Затундра стала писаться позже, и этот процесс также можно проследить по указанному архивному источнику – «Переписка с Туруханским земским исправником о покупке, предоставлении транспорта для перевозки хлеба до отдельных участков Туруханского края» первой трети XIX века.

Через Затундру, наиболее благоприятную область по природно-климатическим условиям, проходили волоки из одной речной системы в другую: Енисейской, Норило-Пясинской, Хатангской.

Именно здесь оседало русское население, обустроивалась транспортная артерия Большая русская дорога (Хатангский тракт) с сетью станков, хлебозапасных магазинов и вытекающих отсюда других благ цивилизации, в результате чего, как мы указывали выше, процесс этногенеза стал неминуемым, ибо к центрам оседлой жизни, особенно имеющим казённые магазины, стали выходить, а после и оставаться на зимовки представители различных кочевых племён и родов.

Несмотря на общую тенденцию к появлению большого количества палимпсестов как результата взаимодействия разных языковых групп, определённая закономерность в распределении субъектности (II) топонимии наблюдается и в Затундре. Так, север области изобилует географическими названиями с нганасанскими топоформантами, восток – с тюркскими, южная часть, граничащая с северными отрогами плато Путорана, – с эвенкийскими.

Важно отметить, что в Затундре не только отсутствуют топонимы ненецкой субъектности, но даже нет палимпсестов, имеющих ненецкие топоформанты. За исключением разве что реки Пясины, но этот крупный водоток был поименован

намного раньше заселения Затундры и северо-западнее – в том районе, куда откочёвывали юраки (так до Октябрьской революции называли западных самодийцев) вслед за северным оленем с левобережья Енисея. Пяси́на – хорошо известный палимпсест, который первоначально звучал как Пяси́дэ (Пяси́да), на что было указано выше. Это соответствует складывавшемуся геокультурному пространству Таймыра. Ненцы с домашними оленями стали появляться в районе Норильска (Затундры) много позже, только в советскую эпоху – когда изменились, в соответствии с новыми условиями хозяйствования, появлением колхозов и совхозов, территории выпаса оленей.

Таким образом, в Затундре, самой благоприятной в климатическом отношении и обитаемой части геокультурного пространства Таймыра, переплелись топонимы всех четырёх субъектностей, представленных в освоении и заселении региона. Неизбежно в таком плотном взаимодействии появление и большого числа палимпсестов, что мы и наблюдаем по факту. У многих достаточно легко вычислить первоначальную субъектность (это интегрированные палимпсесты – так мы определяем топонимы, чья морфология состоит из частей, относящихся не только к разным языкам, но и к разным языковым группам), а некоторые очень трудно трактовать.

Рассмотрим несколько примеров.

Гидроним Болгохтох. Можно встретить указания на то, что субъектность у него долганская и происходит оно от слова *болбуот* – «проводник». Надо отметить, что эта лексема пришла в долганский язык из якутского, где она, в переводе на русский язык, означает несколько иное понятие: «подводная повинность». Напомним, эту повинность несли жители станков во время функционирования Хатангского тракта.

Исторически по этой реке проходил волок – из Енисейской речной системы в Норило-Пясинскую, сам волок находился между реками Вологочан и Болгохтох. И тут важно сказать, что до советского периода обе реки носили одно название – Вологочан (что легко распознать как интегрированный палимпсест: русское *волок* с уменьшительным эвенкийским суффиксом *-чан*, в переводе, по всей видимости,

аналог ещё одной волоковой реки в районе Авамо-Тагенарского волока – Волочанка).

Возможно, это – Вологочан – и пытались озвучить советским картографам их проводники. Дело в том, что в долганском языке звука [в] нет, он произносится как [б] (южносибирский *варган*³ – долганский *барган*). Если принять во внимание, что Болгохтох – искажённый Вологочан, тогда топоним также означает Волочанка, Волоковая река. Окончание *-тох*, скорее всего, ассимилированный долганский суффикс *-тоок* (как и другие: *-лаак*, *-даак*, *-наак*) формирует значение обладания свойством основы.

А.А. Барболина, носитель долганского языка, приводит ещё одну трактовку этого гидронима, опираясь на свой родной язык: «*болдок* – «валун»; *болдоктоок* – имеющий валуны водоём (река, озеро)» [6]. Однако, вкупе с географическим и историческим факторами все же следует считать первоосновой «волок», ибо второй Вологочан, как было сказано выше, был переименован в Болгохтох уже в советское время.

Ещё более неоднородная топонимическая картина присутствует в квадрате 8. Не удивительно, ибо это самый густонаселённый район территории. Там находится столица Таймырского муниципального района – Дудинка – и крупный Норильский промышленный район с центром в Норильске. Таким он был и предыдущие века, так как Дудинка изначально появилась как ясачное зимовье в удобном месте слияния судоходных рек Дудинка и Енисей, а по долине реки Норильской издревле проходили промысловые дороги русских промышленников, а также кочевые миграционные пути северного оленя и следовавших за ним кочевых тунгусов: оленям также, как и людям, удобно проходить речными долинами с наличием скального основания и пологими перевалами.

Важную роль сыграли также экономические факторы освоения территории. Не только богатые промыслы влекли сюда казаков, сборщиков ясака, промысловиков, но также и землеведов, и рудознатцев. Ведь именно здесь были

---

³ Варган – народный музыкальный инструмент в виде рамки и свободно колеблющегося в её проёме язычка, который приводят движение пальцем.

открыты богатейшие месторождения медно-никелевых руд и построен в период СССР Норильский горно-металлургический комбинат. А первые попытки промышленного освоения Норильских гор относятся ещё к середине XIX века. К тому времени у русских предпринимателей в проводники добавились не только тунгусы, но и тюркоязычные долганы. В результате, как отражение этих геокультурных процессов, топонимия этого района пополняется географическими названиями ещё одной субъектности (II) – тюркской. И как следствие – появлением большого количества палимпсестов, ассимиляцию которых можно проследить по письменным источникам. Как пример – озеро Накомякен, которое в различных документах, в том числе и советского периода, видоизменялось несчётное количество раз, однако это позволяет восстановить первоначальное звучание этого гидронима – Некомакан. Дословно это географическое название можно перевести на русский язык как Небольшое Окунёвое (*некома* – «окунь», *-кан* – уменьшительный суффикс), а анализ географических и исторических факторов добавляет смысла и приводит нас к выводу, что значение имеет более важный навигационный контент (III): Похожее-На-Некому-Озеро-Меньшего-Размера. Благодаря карте П.М. Сотникова и описаниям П.И. Третьякова, мы знаем, что по соседству с Накомякеном находится озеро Собачье, которое век назад носило имя Некома.

Рассмотрим ещё один характерный пример взаимодействия носителей разных языков в условном квадрате 8. Это – топоним-палимпсест Талнах. Он дал название району Норильска – по реке, на которой расположен.

Изначальное звучание гидронима, скорее всего, идёт из долганского языка, на что указывает суффикс *-нах* – слегка видоизменённый аффикс обладания (от *-наак*), т.е. названный объект обладает признаком, указанным в основе слова. Что касается основы, то тут есть разночтения.

Традиционно трактовка выводится в популярной литературе ещё советского периода (научных работ по этому вопросу нет) из долганского *тааң* (в русском языке звука *ң* нет, который обозначает последняя буква основы, произносится он как «н» через нос, что-то среднее между [тан] и [танг]) – «наледь» [50]). На основе

этого распространилось расхожее значение топонима с отрицательной коннотацией: наледь – это плохо для передвижения на санях, поэтому дополнительный смысл можно выразить словом «запрет». Конечно, человеческое сообщество более падко на табу, страшные истории и легенды, но, думается, нет необходимости нагружать дополнительным негативным смыслом вполне рядовое явление для горных речек плато Путорана: наледи, незамерзающие водотоки – обычны для региона, и реки с этой смысловой основой тоже: Талая, Таловая, Наледная (русск.), Амнундакта (эвенк.).

Впрочем, первоначальное звучание современного Талнаха могло быть весьма далёким от *тааң*. В частности, есть документальные свидетельства наименования этой реки как Талмаку [94], в отчётах колхоза им. РККА на Часовне – Таланак-Юрак [48] и т.д. Все эти варианты могли быть производными от долганского же *талак* или *таннак* («ветка», «тальник», «кустарник» – у хатангских (восточных) и норильских (западных) долган несколько отличается лексика). По берегам реки, действительно, обильно растёт и тальник, и ольховник, что тоже не особо удобно для передвижений оленним транспортом. А возможно, слово, пришедшее в долганский язык, это – ассимилированное русское *талая*, *таловая*...

Не однозначен контент (III) и хорошо определяемых по субъектности (II) топонимов. Возьмём эвенкийский гидроним (I) Далдыкан – река с таким названием берёт начало на вершинах Норильских гор. *Далды* означает «вкусный», даже более точно – «сладкий», а суффикс *-кан* придаёт основе уменьшительно-ласкательное значение. Вкусненькая, Сладенькая, Вкусняшка – именно так носители языков тунгусо-маньчжурской группы (эвенки, эвены и др.) – переводят название реки не только у нас, но и по всей территории, где они издревле живут – вплоть до Охотского моря. Такое название заслуживали водотоки, по берегам которых находились ягодники. Потому что именно ягоды для кочевого человека, чей рацион состоит, в основном, из мяса оленя и рыбы, являются единственными поставщиками и глюкозы, и фруктозы.

Казалось бы, вопросов не должно возникнуть. Но мы должны учитывать, что, во-первых, гидроним находится на территории исторически активного

взаимодействия носителей минимум трёх языковых групп – тунгусо-маньчжурской, тюркской и восточнославянской. Во-вторых, на карту названия заносились уже советскими картографами, носителями русского языка. Ведь даже одна изменённая буква в названии реки может поменять смысл. Например, если первоначально имелся в виду не Далдыкан, а Долдыкан? И такой гидроним существует – в Амурской области, где тоже распространены топонимы происхождением из тунгусо-маньчжурской языковой группы. Это название, в вольной трактовке, переводится как Еле Слышимая [58], потому что *долды* – это «слышать», суффикс *-кан* в данном случае является уменьшительной формой качества предмета.

Учитывая указанные выше факторы, можно значение реки Далдыкан перевести, наоборот, как Хорошо Слышимая, если она изначально звучала ещё в одном варианте: как *долдыган*.

Составитель «Словаря русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов...» Ф.К. Комаров выводит значение таких гидронимов от другого эвенкийского слова: *далдын* — «приток». Тогда Далдыкан, в адаптации к русскому языку, переводится как Маленький приток [75].

В долганском языке тоже присутствует созвучный эвенкийскому суффикс *-каан*, который имеет такое же значение. А семантика долганской основы слова другая: *далда* – «специальная загородка из досок для скрадывания дикого зверя во время охоты» (охотник прятался за преградой, накрытой сверху белым полотном (если это зима), и незаметно приближался к жертве на выстрел). Искажено могло быть и это первоначальное звучание.

С той же долей вероятности русские картографы могли исказить при написании и ещё одно тунгусское слово – *дагалдын*. Тогда название реки можно перевести как Большой приток, нередко равный основной реке, до слияния с ним. Если мы обратимся к ландшафту местности, действительно, Далдыкан не на много меньше реки Амбарной, в которую впадает.

Так подробно мы рассмотрели различные варианты расшифровки одного гидронима с той целью, чтобы показать, как важен в части трактовки контента

(III) совокупность факторов, в частности, географических. Таймырская река Далдыкан не Еле Слышимая, и не Хорошо Слышимая, она – совершенно обычная по этим характеристикам река на пути миграционных аргишей. Также она не является и самым большим притоком Амбарной и т.д. А вот хорошие ягодники по берегам Далдыкана действительно были замечательные, даже ещё в 70-х годах XX века, пока экологическая обстановка в этом районе позволяла и пока не была построена вторая очередь современного гиганта цветной металлургии – Надеждинский металлургический завод.

Выводы

Топонимика Таймыра, как можно было видеть на представленных выше примерах, неоднородна по своему составу, во многих аспектах. Распределение топонимов на карте (и в соответствии с их субъектностью (II), и в соответствии с контентом (III)) показало взаимосвязь их локализации с процессами формирования геокультурного пространства. Оно соответствует характеру и порядку освоения человеком самого северного и, до развития технологий, неблагоприятного для постоянного проживания участка материковой суши. В данном случае мы можем говорить геокультурном пространстве природно-экстремальных регионов как особой модели регионализма, в которой названия географических объектов выступают как единственный культурный компонент территории, превращая «пустое» место в осмысленное геокультурное пространство.

Так, запад геокультурного пространства Таймыра отличается от остальных районов наличием ненецкой субъектности топонимов (жёлтый цвет), юго-запад – эвенкийской (оранжевый), юго-восток насыщен топонимами преимущественно тюркской языковой группы (фиолетовый цвет), район предгорий Бырранга опознаётся по топонимии как исторический ареал нганасанского этноса (бирюзовый цвет). Русские топонимы представлены по всему пространству, но внушительный по размерам, окрашенный в красный цвет русской субъектности север исследуемого геокультурного пространства фиксирует определённый

характер освоения этой территории. И что особенно важно, часто совпадает географически с естественными преградами на ней.

При этом, наблюдается достаточно много разнородных включений в условно «срединном Таймыре» – там представлены практически все субъектности, присутствующие в топонимии геокультурного пространства, за исключением ненецких топонимов. Это – территория Затундры, исторической области, которая и стала заселяться оседлыми жителями в силу наиболее пригодных для этого физико-географических условий.

Наблюдается закономерность и распространения топонимов основных оленеводческих культур Таймыра – ненецкой и эвенкийской – в совпадении с ареалом миграционных путей ДСО таймырской популяции и домашнего оленя. Именно наличие здесь северного оленя – основы жизнеобеспечения – позволило (и пешим охотникам на ДСО, а затем и кочевникам-олeneводам) освоить тундры севера Средней Сибири. Это также отражено в топонимии: отсутствие каких-либо иных, кроме русской субъектности, топонимов на севере геокультурного пространства Таймыра, куда кочевники не заходили.

На юге исследуемой территории начинается зона распространения топонимов, отделяющая зону Затундры от всеобъемлющего присутствия эвенкийской субъектности – не только северные отроги плато Путорана, которые являются частью геокультурного пространства Таймыра, но и всё плато, изобилует топонимами эвенкийского происхождения. Именно с юга, с территории современных Туруханского и Эвенкийского муниципальных районов, веками следовали эвенки в летние тундры через перевалы и ущелья плато.

Немаловажным в понимании геокультурного пространства Таймыра представляется расположение подавляющего количества ойконимов именно на территории Затундры: из 29 здесь находится 22. Из них русскую субъектность имеют 10 ойконимов, долганскую – 2, палимпсесты – 10 (Приложение А). Отдельно стоит заметить, что из 29 ойконимов территории субъектность ненецкого и нганасанского языков не имеет ни один.

Это соответствует отражению геокультурного пространства – оседали в поселениях, в основном, русские, в наиболее благоприятной для этого области.

Перевод на оседлый образ жизни представителей кочевых народов начался в советский период, как правило, на месте старинных поселений-станков, обслуживавших Хатангский тракт и речные сезонные промыслы.

С другой стороны, сформированное геокультурное пространство помогает нам расшифровать поименование некоторых географических объектов, понять алгоритм взаимодействия носителей разных языковых групп.

Стоит добавить, что среди относительно разработанных систем районирования, районирование геокультурного пространства Таймыра можно соотнести с концепцией интегрального историко-географического районирования, которая начала формироваться только в первом десятилетии XXI в. [37].

3.3. Шестой коренной этнос Таймыра как новый геокультурный образ

Прежде всего, необходимо оговориться, что в данном исследовании понятие «этнос» употребляется не в строгом соответствии с работами Л.Н. Гумилёва, а скорее в интерпретации его понятия «субэтнос». Так, по Гумилёву, «этнос – это естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплементарности... субэтнос – этническая система, являющаяся элементом структуры этноса» [24].

В случае упоминания коренных этносов Таймыра в научной (и популярной) литературе обычно называется пять коренных малочисленных народов – ненцы, энцы, нганасаны, эвенки, долганы. Строго говоря, ненцы и эвенки Таймыра являются лишь малой частью более многочисленных этносов. Так, ненцев на Таймыре проживает примерно 3,5 тысячи человек (всего, по данным Росстата, в стране проживает 50 тысяч), а численность эвенков и вовсе не достигает 300 человек – из почти 40 тысяч общей численности в России. Поэтому в данной

диссертационной работе, употребляя термин «этнос», мы имеем ввиду этническую общность, локализованную на исследуемой территории.

О старожильческом русском населении Таймыра всегда говорилось вскользь и, как правило, в части упоминания сословного понятия «затундринские крестьяне». Однако, представители русского старожильческого населения принадлежали и к другим сословиям, например, купеческому, а затундринскими крестьянами могли быть и те, кто идентифицировал себя принадлежащими к роду Долган. Выходцы Русского Севера, доходившие в своих дальних плаваниях и до полуострова Таймыр, безусловно, в научной литературе упоминались, но тема формирования оседлого русского старожильческого населения исследуемой нами территории на основе русских поморов никогда не затрагивалась.

Географическое понятие «Русский Север» – это европейская часть севера России: «...пространство от границ Норвегии до Тобольской губернии вдоль берегов Северного океана и Белого моря...» [100]. До Енисея, правобережье которого является самым западным краем исследуемой нами территории, по прямой более двух тысяч километров. Многие исследователи отмечали, что именно выходцы Русского Севера, прирождённые исследователи и мореходы, были первопроходцами не только севера Сибири, но и остальной части всего российского севера далее на восток. Они исстари шли в неведомые дали, в том числе и из чистого стремления увидеть «земли неведомые». В архивных источниках, хозяйственной переписке и других документах часто встречаются поморские фамилии.

Оставили свой след поморы и в качестве нематериальных памятников – топонимов – по той территории, по которой проходили. Так одна из главных протоков из Турухана в Енисей называется Терская, там же расположен остров – тоже Терский. В соответствии с комплексной универсальной классификацией они являются по III категории хомотопонимами, имеющими мемориальный аспект – поименованы в память о родном Терском берегу Белого моря.

Река Турухан не относится к геокультурному пространству Таймыра, находится много южнее на левобережье Енисея, но это важный водоток в

продвижении русских поморов на восток. Льды Северного Ледовитого океана уже не давали возможности каботажного плавания, и путешественники шли далее так называемым Мангазейским ходом через Обскую губу, по рекам Обской речной системы, переваливаясь с Таза на Турухан – в Енисейскую речную систему. (Рисунок 27).

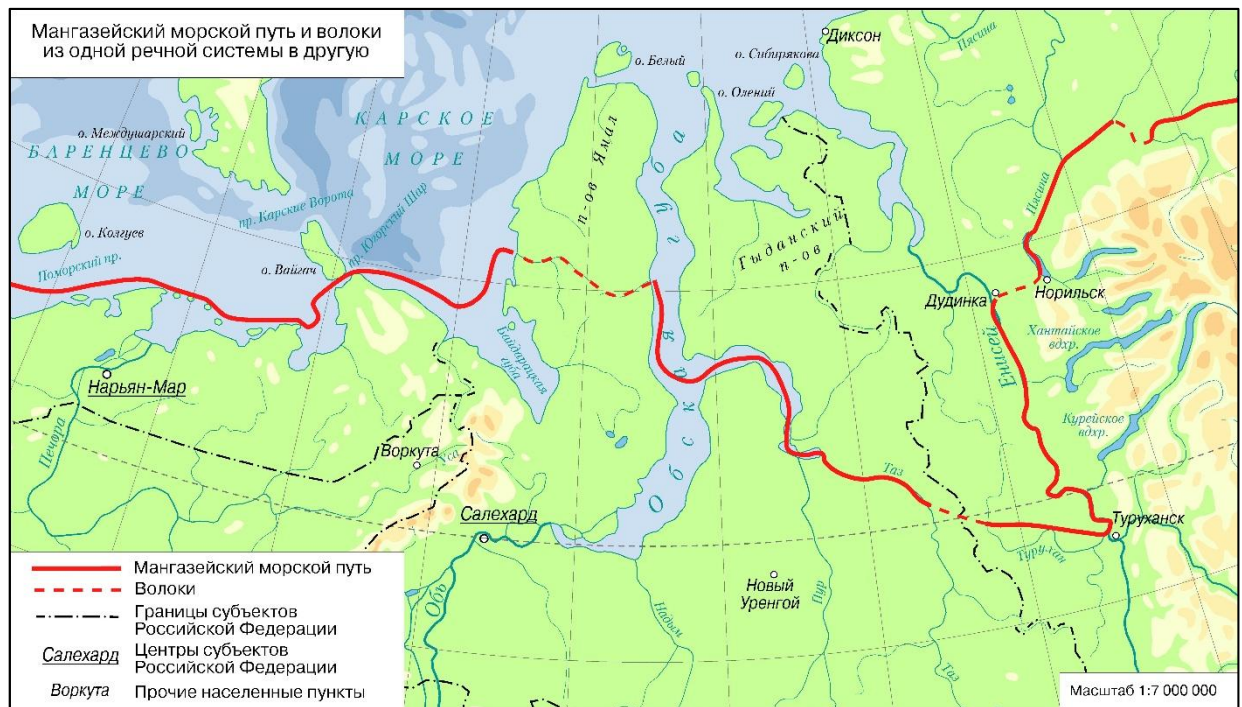

Рисунок 27 – Мангазейский морской путь и волоки (места волоков отмечены красными овалами) из одной речной системы в другую (составлено автором).

В своё время на это указывал М.И. Белов: «О поморских городках по рекам Пур и Таз упоминается в царской наказной памяти от 1600 года, выданной первым мангазейским воеводам князю Мирону Шаховскому и стрелецкому голове Даниле Хрипунову» [8].

Несмотря на признание важной роли русских поморов в освоении новых территорий Российской империи, никто ранее в своих исследованиях не принимал во внимание, что эта часть титульной нации государства говорила (и сейчас говорит) на особом диалекте русского языка – поморской говорё.

3.3.1. Поморская говóря – инструмент создания культурных памятников геокультурного пространства Таймыра

Этот диалект – поморская говóря – имеет свои лингвистические особенности и отличается, как любой диалект, от основного, литературно языка. Так, у поморов окончания *-усь, -ось, -есь, -ись* в отношении периода времени или сезона означает ближайшее минувшее время или ближайший прошлый сезон: *веснусь* – «прошлой весной», *летось* – «прошлым летом», *днесь* – «вчера днём». Вместо приставки *про-* употребляется приставка *спро-*: *масло спротёкло*. И другие.

Знание этих и других правил диалектной говóри, обращение к ним во время трактовки топонимии Таймыра делают понятными и логичными многие неочевидные процессы. Даже ассимилированные топонимы, восходящие к ещё одному уникальному, молодому диалекту русского языка, о котором было упомянуто выше – таймырской говорке, не объясняют формирование их звучания именно в той форме, в которой они сегодня существуют. Например, в названиях река Карабатаой (Горбатой, диалект. (Горбатый)), озеро Танкой (Тонкой, диалект. (Тонкий)) зафиксированы лексемы из говорки, в которой отражены грамматические особенности поморской говóри: в ней никогда не употребляются окончания *-ий, -ый*, они заменяются на окончания *-ой, -ей, -ёй* (*весёлой парень, летнёй гром*).

В языке русских поморов присутствуют лексемы, которые настолько прочно вошли в обиход, что перестали восприниматься как диалектные. Например, название такого географического объекта как *зимник*. Сегодня в Сибири и на севере Сибири *зимник* означает дорогу, обустроенную в зимнее время по тем территориям, где летом отсутствуют коммуникации, в основном, по льду рек, застывающих более однородными поверхностями, чем прибрежные неровности рельефа. Современные зимники являются важной сезонной инфраструктурой газовых промыслов, реализации обязанностей государства по северному завозу в отдалённые посёлки. Но *зимник* – это не просто зимняя дорога, а вполне определённая: «зимняя дорога через болота, мхи и леса между сёлами Беломорья... этот путь несколько короче в сравнении с летней трактовой или

просёлочной дорогой» [31] – так написано в «Словаре живого поморского языка...» И.М. Дурова, материалы к которому он начал собирать в 1912 году.

То же относится и к привычному сегодня *лабáзу*. В поморской говóре *лабаз* оставил своё старое, не трансформировавшееся в условиях Сибири, значение: «лёгкое дощатое помещение для хранения дров и экипажей, а также принадлежностей к ним, крытое тёсом или горбылями на один пологий скат» [31]. А вот понятию «лабаз», которое известно современному человеку, – «маленький охотничий амбарчик, поставленный на сваи или на спиленный сверху ствол дерева» [31] – в этом диалекте соответствует другая лексема: *ла́бас*, причём, с ударением на первом слоге. Происходит оно, скорее всего от типа крыши, указанной также в словаре И.М. Дурова: «крыша на один скат». Действительно, современные охотничьи лабазы (да и старинные, которые мы находили во время многочисленных экспедиций по северу Средней Сибири) имеют, как правило, односкатные крыши.

В геокультурном пространстве Таймыра до сих пор существуют эти материальные памятники культуры промысловиков и охотников, а некоторые лабазы, ещё сохранившиеся в труднодоступных районах территории, впору заносить в списки памятников культурного наследия Таймыра. Как, например, сохранившийся с советских времён огромный лабаз госпромхоза (государственного промыслового хозяйства) на озере Аян. К сожалению, в силу тех же причин – отсутствие дорог, труднодоступность, этот уникальный объект, скорее всего, постепенно разрушится и исчезнет...

Указанные нарицательные имена географических объектов и немногочисленных материальных памятников геокультурного пространства Таймыра не единственные. Поселения прошлого – станки, – в основе своей также имеют происхождение из диалекта русских поморов. *Станок* – поморское слово. Это – уменьшительное от слова *стан*: так назывался дощатый домик в одну-две комнаты с сенцами. *Станы* располагались на *становищах* – местах для ночлега, пристанищах, изначально предназначавшихся для поморских рыбаков на Мурмане во время тресковых промыслов.

Все эти слова имеют одинаковый смысл, легко выводимый из русского языка, – остановка, останавливаться. Вместе с первыми оседлыми жителями из поморов это название пришло и на Таймыр и стало обозначать небольшие (по сравнению, видимо, со станами) поселения – своеобразные полустанки-вокзалы, обслуживавшие Хатангский тракт. Жили там служилые государевы люди, которые получали жалование за свою работу. После Октябрьской революции и гражданской войны, когда была разрушена система жизнеобеспечения круглогодичного проживания на Крайнем Севере, а «станционным зрителям» уже никто не платил, станки, в основном, опустели. Но кочевые жители территории, преимущественно из долган, продолжали использовать некоторые строения, приспособивая для своих промысловых и оленеводческих нужд. К слову, эта причина также могла послужить отождествлению затундринских крестьян с долганами.

Русские старожилы, носители диалектной говóри, стали одними из участников этногенеза этого коренного малочисленного народа Таймыра. Долгое время наличие населения, не представлявшего оленеводов-кочевников, игнорировалось в качестве отдельного, туземного среза общества. Сегодня принято в качестве коренных народов Таймыра перечислять пять этносов – ненцы, энцы, нганасаны, эвенки и долганы. Учитывая, что в этногенезе последних приняло участие и старожильческое русское население, мы вправе говорить о шести коренных этносах исследуемого региона. Сегодня в поселениях Таймыра проживают и носители русских старожильческих фамилий. Это – Яроцкие, Чупровы, Кожевниковы, Суслы, Сотниковы и др. Не все из них себя идентифицируют как представителей того или иного малочисленного этноса Крайнего Севера. Многие считают себя русскими и таковыми являются. К сожалению, поморскую говóрю как диалект своих предков не сохранили.

Если не учитывать на исследуемой территории наличие шестого коренного этноса – русских старожилов – можно ошибочно трактовать и происхождение многих предметов культуры и быта повседневности коренных народов Крайнего Севера.

Так, если восприятие *балка*⁴ – национального жилища долган – от русских ещё не утеряно, то долганский календарь *паскаал* перестал соотноситься с проникновением в регион православной русской культуры, и даже в музеях эти предметы экспонируют как изобретения коренного малочисленного народа. О появлении таких календарей забыли не только на севере Средней Сибири. А ведь паскаал появился у долган (и у других народов) благодаря православным миссионерам. Священники презентовали новообращённым шестигранные палочки с 12 рёбрами (по числу месяцев), на которых отмечались насечками дни и главные христианские праздники. Как известно, большинство из них ведут свой отсчёт от Пасхи, и палочки эти назывались пасхалии, что трансформировалось в долганское слово *паскаал*.

Но, самое важное, обращение к лексике поморской говóри позволило расшифровать многие топонимы территории, которые не подавались адекватной расшифровке и считались ассимилированными в процессе языкового взаимодействия названиями либо вовсе палимпсестами. Оказывается, решение вопросов с трудностями перевода лежит на поверхности, и нет необходимости «снимать» слой за слоем пласты топонима, относя его по контенту (Ш) к палимпсестам, чтобы дойти до языковой первоосновы.

3.3.2. Выявленные элементы геокультурных процессов через уточнение интерпретации некоторых топонимов-палимпсестов

Исключение четвёртой составляющей – поморского диалекта в генезисе топонимии территории – на долгие годы закрепило ошибочные трактовки некоторых географических названий, которые определялись, как правило, в качестве ассимилированных топонимов, палимпсестов. В частности, Норильские горы, река Норильская, а соответственно, и ойконим Норильск выводят из переименованного орудия подлёдной ловли *ныряла*, которое, якобы, в интерпретации туземцев превратилось в *норило* [89].

---

⁴ Балок – домик на санях – изобретение поморских землепроходцев, в словаре И.М. Дурова он зафиксирован через букву «о» – *болок*.

Эта версия принадлежит Н.Н. Урванцеву, исследователю Норильских медно-никелевых месторождений и первому картографу территории, который наносил на карты наиболее заселённых районов названия, используя сведения своих проводников – тунгусов и долган. Однако, среди его проводников были и русскоговорящие оседлые жители территории, которые, безусловно, были потомками носителей поморского диалекта. В частности, *нори́ло*, действительно приспособление для подлёдной ловли, но – не ассимилированная лексема. *Нори́ло* – «тонкий, длиною в 6-8 метров, вытесанный из жерди шест, при помощи которого ставят подо льдом мережи и невода», [31] – так трактует словарная статья. В том же словаре поморской говòри есть и производный глагол – *норить*, т.е. «запускать норило с походней под лёд для проводки подо льдом сети» [31].

В предыдущей главе топоним Норильск, Норильская уже приводились как пример возможного соответствия юкагирскому *нэ́рилэ*. Считаем, что, как и с топонимом Путораны, и с другими словами в похожих обстоятельствах, появлению паронимической аттракции (когда ассоциативная связь двух слов происходит на основе их фонетической формы), услышанное русскими от встреченного населения (юкагиров?) неизвестное слово *нэ́рилэ* могло быть воспринято как знакомое им *нори́ло* и в таком виде закрепиться в дальнейших трансляциях. В связи с этим, очень важно подчеркнуть, что первыми русскими, возможно, услышавшими юкагирское название, могли быть именно носители диалекта поморская говòря, которые и восприняли его как знакомое слово.

А вот название реки Валёк Н.Н. Урванцев дал вопреки устоявшемуся местному названию. Возможно, потому, что оно было слишком общим: ещё в рукописных картах 1930-х годов можно встретить надпись в этой локации, которая звучит как Угус-Юряк (долг., Впадающая речка). Действительно, река Валёк – один из многочисленных притоков реки Норильской. Своё современное название река, по свидетельству Н.Н. Урванцева, получила по названию рыбки, которую экспедиционеры выловили здесь, обратив внимание на её необычный вид [89]. Действительно, позже эту рыбку определили как отдельный вид сигов, и в справочники она вошла под этим именем – сиг-валёк. Урванцев предположил,

что *валёк* – так местные называли этого эндемика – ассимилированное «валик», ибо её тело, действительно, круглое и прогонистое, похоже на скалку. Однако *валёк* – это диалектное русское слово: «деревянный валикообразный в 25-30 см длины с выпуклою серединою кругляш для раскатывания комка теста в тонкую блинообразную корку, употребляемую на изготовление шанег-калиток» [31].

Так же легко, оказывается, можно узнать значение гидронима Кокора. Достаточно крупное озеро с таким именем находится в окружении примерно одинаковых озёр – чуть меньше или чуть больше. Самым большим является озеро Лабаз (квадрат 18). О значении этой лексемы и его поморских истоках мы уже сообщили выше. А вот что касается Кокоры, его название до сегодняшнего дня имело несколько трактовок в соответствии с различными языками, присутствующими на территории. Кроме русского.

Как правило, появление гидронима относят к роду вадеевских нганасан, который в разных источниках звучит как Кокары [74], и даже Кокора [52]. Выводят его из двух слов: «*ко* – «самец», *кару* – «журавль» [74]. Возможно, речь идёт об эвенкийском роде Журавлей (по-тунгусски *карав* – «серый журавль»), участнике этногенеза вадеевских самоедов. Тут уместно будет напомнить, что сама фамильно-родовая группировка нганасан Кокора сформировалась достаточно поздно – во второй половине XIX века [52].

Гидроним Кокора, с учётом географических и исторических факторов, сложился раньше. Действительно, если мы обратимся к поморской говóре, мы найдём это слово в составе её лексики: «вывороченный корень толстого большого дерева... затонувший в воде и находящийся на дне водоёма валежник» [31]. И озеро Кокора, действительно, изобилует затопленными корягами.

Ещё один гидроним Кокора присутствует достаточно далеко от указанного озера – на западе Таймыра: река Кокора впадает в Енисей. И в этом секторе об одноимённом роде нганасан не приходится говорить вовсе.

В результате, палимпсест (II), при внимательном рассмотрении с точки зрения географических, исторических и лингвистических факторов, им не оказался. Кокора – топоним русской субъектности (II), из диалекта русского языка.

В связи с этим хочется отдельно сказать, почему мы не принимаем в расчёт долганскую субъектность топонима несмотря на то, что жители Хатанги, носители долганского языка, во время полевых работ сообщили, что лексема *кокора* присутствует и в языке долган – в том же значении, что и в словаре Дурова. Однако в существующих сегодня долгано-русских словарях этот факт не отражён. Здесь мы имеем дело, безусловно, с определёнными различиями долган западных и восточных, а также дополнительное свидетельство формирования лексики молодого долганского языка не просто с помощью лексики русскоязычных предков (наряду, конечно же, с якутами и эвенками), а именно – диалектной лексики поморов. По этому поводу тоже не было никаких исследований.

Если не принимать во внимание приведённые выше примеры, правильно расставить маркеры геокультурного пространства Таймыра и соотнести их с первоисточниками не получится. Это касается и таких топонимов, которые, на первый взгляд, даже являясь палимпсестами, к русскому языку не имеют отношения.

Обратим своё внимание ещё на названия двух озёр из квадрата 18, по соседству с Лабазом и Кокорой – Харгы и Тонское.

Озеро Харгы, безусловно, с лёгкостью опознаётся как слегка видоизменённый топоним долганской субъектности (*каргыы* – «мелкий»). Но слово это пришло в долганский язык тоже из поморской говори: по Дурову, *корга* – подводная или надводная низменная отмель в море с песчаным или усеянным камнями грунтом. Получается, что даже в лёгком палимпсесте, опознаваемом как топоним долганской субъектности, мы находим присутствие более раннего пласта формирования геокультурного пространства – оседлого населения, а именно, поморов.

Что касается гидронима Тонское, то носителями русского языка в нём угадывается производное от *тоня*. Сегодня это слово употребляют рыбаки, в основном, в значении «улов, получаемый при одной закидке невода». Например, «удачная, богатая тоня». Но в поморской говоре первые значения этого слова

имеют несколько иное толкование: «рыболовный участок для ловли ставным нёводом или другими снастями, а также избушка при рыболовном участке». Очевидно, что и этот гидроним имеет прямое отношение к поморскому диалекту. Таким образом, в одном лишь условном квадрате мы имеем четыре относительно крупных озера, чьи названия характеризуются этой диалектной субъектностью.

Есть и менее очевидные топонимы, но при более тщательном рассмотрении и попытке снять смысловые пласты мы находим иные источники и более глубокие параллели. А кроме этого, новые косвенные данные о процессе этногенеза, происходившего в геокультурном пространстве Таймыра с участием русских поморов.

Показательным в этом смысле является топоним Нёрала (квадрат б). Для определения его субъектности (II) мы вычленим ассимилированный долганский суффикс *-лаак* (или якутский *-лях*, также тюркской языковой группы). Но основа *нёра-*, или *нера-*, также часто встречающаяся на исследуемой территории, однозначно с этих языков не переводится. А.А. Барболина даёт несколько толкований: «...С этих гор (горы Хараелах – северо-западные отроги плато Путорана – Л.С.) берёт начало река Нералах, совсем рядом находится гора Нералах с высотой 990,1 метра и тут же озеро Нералах. Имеются несколько вариантов этимологизации этого топонима: на юкагирском *ньара* – горка, холм. На тунгусо-маньчжурском языке *ньаару* – небольшое, заболоченное озеро; топкое болото, трясина; болотистая поляна в лесу; прогалина в прибрежных зарослях. В уральской топонимии встречается мансийское слово *нёр* – гора. Самодийская группа языков предлагает на ненецком *нер*: *нерм'пэрма* – руководство, руководящий; *неро* – ивняк, тальник; *нерояха* – река, поросшая тальником. На нганасанском языке *неру* – направление, цель; *неруа* – болотистая местность, болото. Если ориентироваться на карту, то эти варианты имеют право на существование» [6].

Показательно привычное перечисление сходных по звучанию основ из различных языков и языковых групп, имеющих отношение к исследуемому региону. При этом, несмотря топоформант, указывающий на возможную

тюркскую субъектность (II) топонима, точное совпадение с основой *нёро* (*нера*) и в долганском, и в якутском языках отсутствует.

Зато в XIX веке, по свидетельствам собирателей туземных ориентиров, мы встречаем такое слово и у тунгусов, и у самодийцев: в варианте самоедов *нёра* – это «сёмушка» (именно в такой трактовке записал П.И. Третьяков перевод слова [84]), «по-тунгуски» *нёра* – нельма. Сегодня в эвенкийском языке *неру* означает «восточносибирский хариус», *нёра* – «кунжа» и т.д. Стоит вспомнить, что сейчас мы ещё активно употребляем название вида дальневосточного лосося – нерка. Откуда такие разночтения?

Предполагаем, что оттуда, откуда и пришло это понятие – из лексического состава поморской говóри, вместе с её носителями-первопроходцами и первопоселенцами: *нёрша* (*нерша*) – снаряд для ловли забором и убёгами рыбы, а именно, той же сёмги, сига и наваги. Учитывая тот факт, что нерка – это всё же тихоокеанская разновидность лососевых, обитающая далеко от региона наших интересов, считаем, что и на Дальний Восток, и сюда эти однокоренные слова пришли, скорее всего, с русскими поморами и способами добычи рыбы. А уж какую рыбу в каком водоёме ловили с помощью *нёрши*, та и закрепилась в лексике того или иного народа.

К слову, часто упоминавшееся в архивных источниках, относящихся к таймырским водоёмам, название ещё одной рыбы – *кунжа* – тоже поморское (сегодня оно на Таймыре не употребляется). Это – название рыбы «пеструшки, также и тайменя, весом до 1 кг, видом весьма похожа на форель. Водится в быстрых с чистой водой реках Беломорья, куда, подобно сёмге, заходит из моря для метания икры» [31]. А вот *кунжа* (через [н]) сегодня называется обитатель тихоокеанских вод. Это название, видимо, тоже привнесено на Дальний Восток поморами и видоизменено в процессе языковой ассимиляции.

Продолжая ихтиологическую тему, вскользь заметим, что нельзя игнорировать эти и подобные факторы. Так, считается, что топоним-палимпсест Боганида произошёл от нганасанского слова *бакуну* – «осётр» [6]. Однако, согласно исследованиям ихтиологов, в Боганиде осетры не водятся (и не водились

ранее) [68]. Это относится к обоим одноимённым водотокам Боганида, находящимся далеко друг от друга. К слову, гидроним Боганида (также озеро Боганидское), находящийся на юго-западе геокультурного пространства, менее ста лет назад ещё подвергался разночтениям: «...в 1931 году на оз. Богадицком Я. Ведерников... успел построить для приезжих небольшой домик и небольшую конюшню...» [12].

Учитывая всё выше сказанное, считаем возможным предположить, что первоначальное название могло быть связано с поморской говóрей, тем более что в этом диалекте русского языка присутствует созвучная лексема с подходящим значением: *багóниг* – «орудие для вставления жердей в ячеи сетей» [31]. Так как все водотоки и водоёмы, имеющие имя Боганида, до сих пор являются хорошими местами для рыбных промыслов, считаем такой контент (III) вполне уместным, во всяком случае, не менее уместным, чем «осетры».

Таким образом, мы лишь подчёркиваем, что, игнорируя огромный этнографически пласт геокультурного пространства Таймыра, в котором большое значение имело присутствие старожильского русского населения (достаточно сказать, что современный малочисленный народ долганы в своём этногенезе имеет немалый процент участия именно русских старожилов (15% [27]), мы упускаем важные элементы его формирования, обедняем и без того минимальные комплексы культурных памятников – материальных и нематериальных. Тем более, что с организацией национального округа в 1930 году исчезло из употребления географическое название Затундра, фиксирующее наиболее активно заселённую и освоенную область всей огромной территории. Как следствие, термин «затундринские крестьяне» потерял свою связку с хозяйственно-экономическими процессами, происходившими в исследуемом нами регионе. Более того, в исследовательской литературе часто можно встретить отождествление этого сословия с оформившимся молодым этносом долганы, что представляется ошибочным, о чём мы писали выше. Действительно, в отдельные исторические периоды представители русского населения утрачивали привычный оседлый образ: «...часть затундринских крестьян... стали вести подвижную

полукочевую жизнь, уходя на рыбный промысел летом и гоняясь за диким оленем и пушным зверем зимою. Многие из них забыли русский язык, обычаи, одежду, род занятий и форму самого труда...» [47]. Но это – лишь фиксация политико-экономических потрясений, которые вызывали срыв снабжения труднодоступного региона. А без ресурсной поддержки государства на севере Средней Сибири оседлая жизнь невозможна.

Вместе с тем, не стоит сбрасывать со счетов самоидентификацию представителей этого оседлого населения территории. Н.Н. Урванцев писал в 20-х годах прошлого века, что люди, о которых идёт речь, несмотря на выводы исследователей, тогда считали себя как раз русскими [89].

И как мы писали выше, в действительности, не все представители русских старожилов относились к государственному сословию «затундринские крестьяне» и, наоборот, не все затундринские крестьяне были русскими.

Это – ещё одно существенное дополнение к формированию геокультурного пространства Таймыра и его геокультурных образов, которые сегодня лишены яркого и мощного символа, описывающего, по выражению Д.Н. Замятина, особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте [36]. Речь о шестом коренном этносе Таймыра как геокультурном образе, наряду с другими пятью – коренными малочисленными этносами Таймыра.

Выводы

Приведённые примеры показывают, что топонимика региона содержит в себе «зашифрованную» информацию об историко-географических процессах, формировавших геокультурное пространство. До сих пор, признавая в целом заслуги русских поморов в исследовании дальних пределов нашего государства, никто никогда не говорил о том, что именно они стали основой формирования оседлого населения, давшего толчок к структурированию современного геокультурного пространства Таймыра. Наше исследование убедительно показало, что топонимы – нематериальные культурные памятники территории –

сохранили в себе информацию о жителях территории, носителях диалекта русского языка – поморской говóри.

Таким образом, мы приходим к выводу, что старожильческое русское население в основе своей имело поморские корни. Присутствие пласта поморской говóри в топонимии имеет достаточно раннее по времени явление – минимум с начала XVII века, поэтому лексику этого диалекта необходимо учитывать в трактовке многих палимпсестов территории.

Как видим, топонимия Таймыра является не только отражением процессов формирования геокультурного пространства, но и помогает выйти на важный компонент освоения и заселения одной из самых суровых территорий нашей страны – ещё один коренной, шестой по счёту, этнос, который нельзя упускать из виду, наряду с пятью коренными малочисленными этносами Таймыра. Это – часть русского населения, в которой, судя по всему, преобладали русские поморы и которая осела на исследуемой нами территории первой из его насельников. Это отразилось как в топонимии региона, нематериальном культурном памятнике, так и в материальных культурных памятниках, некоторые из них стали неотъемлемой частью других национальных культур (балок, паскаал и проч.). Не говоря уже об участии в этногенезе коренных малочисленных народов Таймыра.

Наличие русских поморов в старожильческом населении исследуемого нами региона до недавнего времени не было известно. Это искажало реальную картину геокультурных процессов, и анализ топонимии позволил вычислить этот недостающий кластер – шестой коренной этнос как составляющую геокультурного пространства Таймыра.

Заключение

Топонимия как нематериальный памятник геокультурного пространства соответствует историческому ареалу того или иного народа, освоению им и заселению территории, фиксирует линии соприкосновения и взаимодействия – экономического, хозяйственного и любого другого – представителями разных языковых групп и культур. В целом – выявляет геокультурные процессы в пространстве и времени, составившие основу сформировавшегося геокультурного пространства как памятного слепка субъективного пространственного представления людей об этой территории.

В процессе данной диссертационной работы показано, что геокультурное пространство Таймыра активно начало формироваться достаточно поздно – на рубеже XVI–XVII веков, когда на территории стало появляться оседлое население. Геокультурные процессы объединили земли, относящиеся сегодня к административному образованию Таймырский муниципальный район, без включения левобережья реки Енисей, архипелага Северная Земля, центральной части плато Путорана и Анабар, чьи безжизненные каменистые пространства являются своеобразным фронтиром, отделяющим Таймыр от Эвенкии и Якутии, но с включением Норильского промышленного района – так исторически сложилось психологическое восприятие геокультурного пространства Таймыра его жителями, предки которых осваивали регион с запада и юго-запада.

До этого периода огромная территория, являющаяся самой северной частью материковой суши в мире, посещалась спорадически. Среди сезонных насельников были и древние бронзолитейщики, и немногочисленные кочевые роды, основу жизнеобеспечения которых составлял северный олень. Это животное – великий мигрант, он дважды в год совершает длительные перемещения: к лету в тундры Таймыра, богатые кормом и возможностью спастись от гнуса на ветренных просторах, к зиме – в зону лесотундры и

северной тайги, где в глухозимье легче добыть пропитание и найти укрытие от ураганных ветров. Вместе с ним передвигались и люди.

Территория огромна, население малочисленно, поэтому основные процессы этногенеза, а также освоение региона начались с приходом оседлого населения – как результат освоения территории Российским государством.

Топонимия геокультурного пространства Таймыра в полной мере отразила эти процессы, а также дала возможность выявить дополнительные элементы культурного комплекса исследуемого региона.

1. Для интерпретации значений геокультурного пространства, отражённого в его нематериальных культурных памятниках – топонимах, разработана универсальная комплексная классификация топонимов. Универсальной она названа потому, что предлагаемая система может удовлетворить запросы специалистов разных направлений: географов, лингвистов, историков и т.д. С её помощью приведены к единому знаменателю существующие на сегодня разнообразные и разрозненные линейные классификации топонимов, создаваемые под каждое конкретное исследование.

Универсальная комплексная классификация (УКК) позволяет рассмотреть каждый топоним в комплексе – в соответствии с положением топонимики как интегральной научной дисциплины на стыке трёх наук: географии, лингвистики и истории. Так, данная классификация предлагает охарактеризовать каждое географическое название с точки зрения его *объектности (I категория)* – географический аспект, *субъектности (II категория)* – лингвистический аспект и *контента (III категория)* – исторический аспект. Например, топоним Худдякит имеет следующие характеристики: гидроним (I категория), имеет происхождение из эвенкийского языка (II категория), обозначает ареал обитания вдоль реки хищных зверей (III категория) – в переводе с эвенкийского языка означает Река-На-Всём-Протяжении-Которой-Живут-Хищники.

С помощью новой объёмной комплексной классификации были проанализированы более 5,5 тысяч топонимов и выявлены нижеследующие положения.

2. Установлено, что по объектности топонимов, согласно I категории УКК, существует преобладание гидронимов над оронимами, что соответствует общей физико-географической картине территории, обладающей излишней переувлажнённостью климата. В историческом аспекте эти данные также свидетельствуют об активном использовании рек и озёр в процессе освоения.

Малую привлекательность территории для постоянного оседлого проживания в отрыве от технологического развития цивилизации отражает крайне малое количество *ойконимов* (всего 29) на огромной территории, сопоставимой с несколькими европейскими государствами.

3. Определены два магистральных экономико-географических обоснования освоения и заселения самого северного участка материковой суши в мире. Это – *производственные ресурсы и жизнеобеспечивающие ресурсы*. Первые связаны с добычей возобновляемых и невозобновляемых ресурсов (пушнина, полезные ископаемые) для финансовой и производственной деятельности государства, вторые – с системой жизнеобеспечения человека в условиях Крайнего Севера (охота, рыболовство, оленеводство).

Впервые отдельно рассмотрены и *коммуникации*, имевшие важное значение в истории освоения Таймыра. До сегодняшнего дня исследуемый регион является малодоступным местом именно в силу специфических условий возникновения коммуникаций и характера освоения территории.

4. Выявлено топонимическое районирование, которое характеризует отличие одного района от другого по субъектности топонимов, согласно II категории классификации, и одновременно отражает исторические, географические, этнографические особенности в процессе формирования современного геокультурного пространства. Более того, топонимическое районирование геокультурного пространства Таймыра сориентировано по сторонам света (Рисунок 28).

Так, на *западе* геокультурного пространства сосредоточены топонимы ненецкого происхождения, на *юге* – эвенкийского, к *востоку* тяготеют топонимы долганской субъектности (именно с востока на территорию стали заходить

тюркоязычные якуты, участники этногенеза долган после появления русского оседлого населения, которое, в основном, осело в «срединном Таймыре»). Оттеснённые на *север «ойкумены»* самоеды-нганасаны зафиксировали себя в топонимии территории как самый северный народ материковой суши в мире.

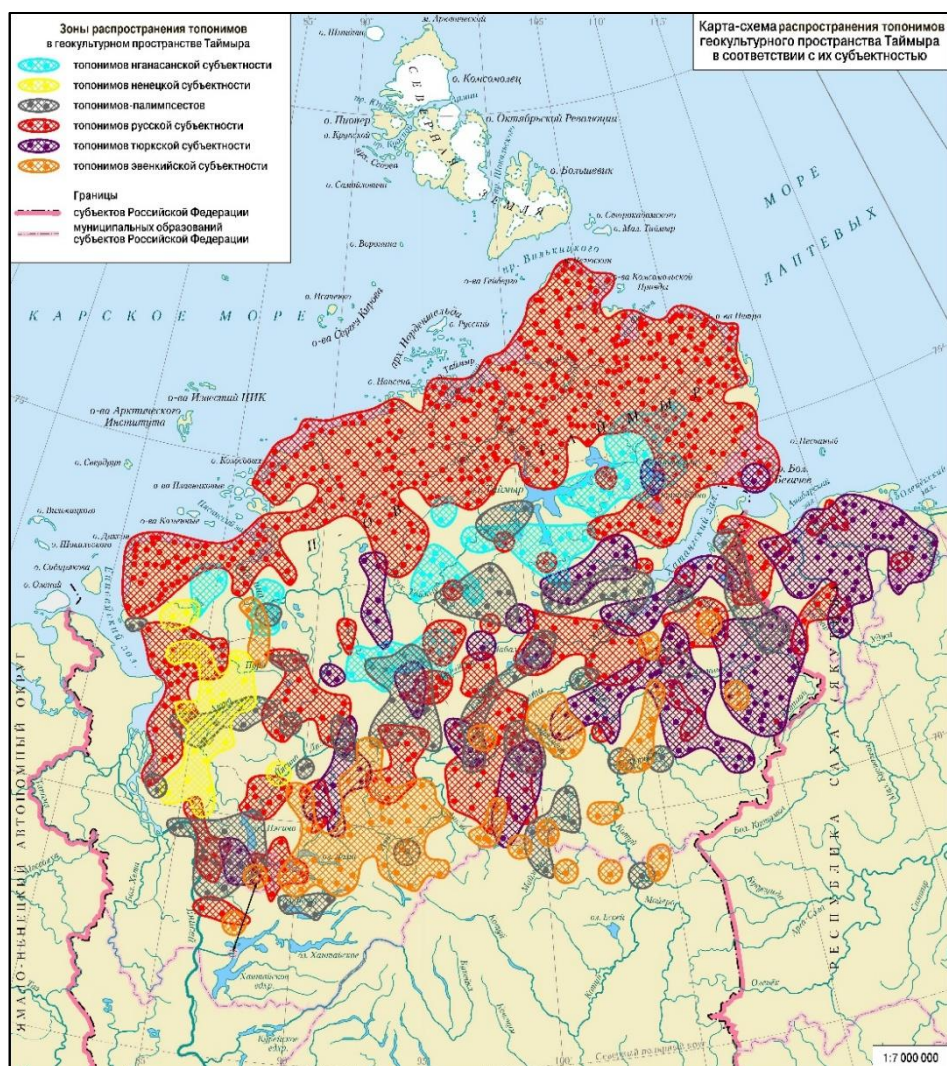

Рисунок 28 – Карта-схема распространения топонимов геокультурного пространства Таймыра в соответствии с их субъектностью (составлена автором)

За горами Бырранга, на *арктическом побережье Северного Ледовитого океана*, на *севере* геокультурного пространства Таймыра присутствуют топонимы только русского происхождения. Что отражает характер заселения – в этой части территории никогда не было ни оседлого, ни кочевого населения. Так как климат и

ландшафты наиболее суровы, основная часть освоения её пришлась на научные исследования сначала Российской империи, а затем и Советского Союза.

Наиболее пёстрая картина в топонимическом плане находится в «срединном Таймыре» – южной части у подножия плато Путорана, там, где находятся самые благоприятные условия для оседлого проживания. Эта территория совпадает историко-географической областью, которая до административных преобразований в советский период носила название *Затундра*. Здесь мы наблюдаем присутствие топонимов, субъектностью (II) относящихся ко всем четырём языковым группам, носители которых сегодня проживают на территории, и как следствие, большое количество палимпсестов, отражающих активное взаимодействие не только языковое, но и традиций бытования, других аспектов самобытных культур.

В процессе такого межэтнического и межкультурного взаимодействия шло освоение региона и формировалось геокультурное пространство. В конечном счёте, эти события привели к процессам этногенеза, благодаря чему сформировались три новых народа, два из которых – энцы и нганасаны – локально проживают только в исследуемом регионе, а третий – долганы – ещё «захватил» пространство Якутии (из примерно 8 тысяч долган в нашей стране около 6 тысяч проживают на Таймыре, 2 – в Республике Саха) – ареала исторического проживания одного из народов, участвовавших в их этногенезе.

Современное население исследуемой территории проживает, в основном, в посёлках, расположенных в бывшей Затундры, в них в той или иной степени представлены все из упомянутых выше этносов. Но на востоке всё же преобладают представители нганасанского и долганского этносов, в западной части – ненецкого, а на юго-западе – энецкого. Компактно эвенки на территории проживают, в основном, в посёлке Хантайское Озеро – на самой южной границе геокультурного пространства Таймыра, в количестве около 300 человек.

Зоны распространения топонимов разной субъектности отразили ретроспективное расположение Затундры и её локализацию на современной

карте. То же относится и остальным топонимам, различающимся по II категории (субъектности), указанным выше.

5. В исследовании выявлены топонимические следы субстратного населения Таймыра, которое до сих пор является малоизученным, и в исследованиях разных периодов не существует консенсуса по поводу этнической принадлежности древних насельников, пусть и появлявшихся сезонно в самом северном регионе материковой суши.

Анализ топонимии показал, что одним из элементов автохтонного населения могут выступать т.н. «*пратунгусы*», а также позволил выявить недостающие элементы геокультурного пространства, до этого момента не учитывавшиеся при изучении феноменов Таймыра: речь об участии иных этнических групп, не проживающих на его территории, а относящихся сегодня к другим территориальным кластерам – к востоку и юго-западу от Таймыра.

Так, в топонимии геокультурного пространства Таймыра обнаружены *элементы палеоазиатских языков*, таких как юкагирский и кето, отражённых в топонимах-палимпсестах, относящихся к большим географическим объектам. Это косвенно подтверждает выводы этнографов о формировании двух коренных малочисленных самодийских народов, ареал проживания которых сегодня находится только в Таймырском муниципальном районе (энцы и нганасаны), а также частично отвечает на вопрос о возможном субстратном населении территории, наряду с пратунгусами.

Но главное – эти исследования дополнили традиционное осмысление геокультурных процессов Таймыра.

6. Выявлено также наличие двух основных смысловых индикаторов, в соответствии с контентом топонимов (III категория УКК), отражающих характер формирования геокультурного пространства Таймыра – *навигационный* и *мемориальный* аспекты топонимики. Они в полной мере соотносятся с географическими и экономико-географическими реалиями исследуемого региона.

В частности, различаются топонимы русской субъектности: топонимия севера в большинстве своём имеет мемориальный характер, остальной части территории

– навигационный. Что отражает геокультурные процессы. Неблагоприятные для оседлой жизни районы до сих пор остаются незаселёнными, присутствие государства обозначено немногочисленными вахтовыми поселениями различного предназначения (производственными, охранными и др.). Наименования открытых географических объектов наносились на карту как дань памяти российским первооткрывателям или другим мемориальным явлениям, событиям, имеющим значение для страны. Доказано, что полное отсутствие иной субъектности, кроме русской, объясняется невозможностью существования каких-либо традиций природопользования кочевыми народами – в виду природно-климатических, биологических и других факторов. На севере геокультурного пространства Таймыра отсутствуют и палимпсесты, свидетельствующие об активном взаимодействии представителей разных языковых групп.

7. Во время исследования впервые обнаружено, что важную роль в формировании топонимии геокультурного пространства Таймыра сыграл языковой кластер – диалект русских поморов. Это открытие позволило дополнить геокультурное пространство наличием новой составляющей: основу старожильского населения сформировали не просто русские, а русские поморы, говорящие на особом диалекте русского языка – *поморской говóре*. Также через эту призму отразились процессы этногенеза долган на рубеже XIX-XX веков, участие в котором принимали русские жители территории.

8. На основе анализа той части русской субъектности (по УКК), которая основана на диалекте русских поморов, выявлены дополнительные элементы культурного комплекса, сформировавшего геокультурное пространство Таймыра. Это позволило ввести понятие «*шестой этнос Таймыра*» – в контексте устоявшейся практики в качестве коренных этносов Таймыра называть пять коренных малочисленных народов: ненцев, энцев, нганасан, эвенков и долган. Показано, что коренными этносами Таймыра можно назвать только два – энцев и нганасан, которые сформировались на этой территории и ареал их компактного проживания находится только здесь. Остальные три малочисленные народа лишь частично представлены в геокультурном пространстве Таймыра. Тем не менее,

подразумевая под понятием «этнос» этническую общность, локализованную на конкретной территории, мы принимаем определение пяти коренных этносов Таймыра и добавляем русское старожильческое население Таймыра как ещё один коренной этнос геокультурного пространства – соответственно, шестой по счёту. Это – потомки русского населения, чьи предки заселили регион на рубеже XVI-XVII веков и стали участниками процесса этногенеза, наряду с эвенками и якутами, молодого коренного малочисленного народа Таймыра – долганы, одного из пяти коренных малочисленных этносов территории.

Доказано, что отождествление русского населения территории с административным сословием «затундринские крестьяне» является ошибочным, так как старожильческое население имело и другие сословные статусы, а среди затундринских крестьян встречались представители иных этносов.

Таким образом, восприятие Таймыра как единого геокультурного пространства в полной мере отражается в его топонимии. Она является памятным слепком его формирования. Геокультурное пространство Таймыра – это особая природная и историко-культурная территория, в топонимии которой «зашифрованы» долгий и сложный путь освоения государством огромной территории, взаимодействие разных этносов, взаимопроникновение диаметрально противоположных культур, позволившие, в конечном счёте, освоить самый северный и суровый в климатическом отношении участок материковой суши и создать здесь не только комфортные условия постоянного проживания, но и мощные центры высокотехнологичных производств.

Таким образом, мы можем говорить о геокультурном пространстве Таймыра как особой модели регионализма – «геокультурное пространство природно-экстремальных регионов». Характерно, что единственным нематериальным культурным компонентом таких территорий является совокупность географических названий, превращая «пустое» место в осмысленное геокультурное пространство.

Анализ топонимии, интерпретация географических названий с помощью новой универсальной комплексной классификации позволили вычислить

недостающие элементы процессов, определивших существующее сегодня геокультурное пространство Таймыра.

Список литературы

1. Адлер, Б.Ф. Карты первобытных народов / Б.Ф, Адлер // Труды географического общества. – Вып. II – СПб., 1910. – 358 с.
2. Александров В.А. Русское население Сибири XVII-начала XVIII века. Енисейский край / В.А. Александров. – М.: «Наука», 1964. – 304 с.
3. Андерсон, Д. Дж. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган / Д. Дж. Андерсон. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 1998. – 272 с.
4. Ауэрбах, Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея / Н.К. Ауэрбах. – Красноярск, 1929. – 32 с.
5. Барандеев, А.В. История географических названий. Русская топонимия в терминах / А.В. Барандеев. – М., 2012. – 320 с.
6. Барболина, А.А. Топонимика Таймыра / А.А. Барболина. – Дудинка, 2006. – 96 с.
7. Басик, С.Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве / С.Н. Басик // Современные проблемы территориального развития, 2018. – №3. – С. 1-15.
8. Белов, М.И. Подвиг Семёна Дежнёва / М.И. Белов. – М., 1973. – 223 с.
9. Богораз-Тан, В.Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии / В.Г. Богораз-Тан. – М.-Л., 1928. – 316 с.
10. Болдырев, Б.В. Эвенкийско-русский словарь / Б.В. Болдырев. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2000. – 504 с.
11. Бурькин, А.А. Эвенкийский географический термин Ламу «море» в русских сибирских документах середины XVII века / А.А. Бурькин // Лингвистический ежегодник Сибири. – Вып. 2. – Красноярск, 2000. – С. 89-96.

12. Воронцов, А.Е. Воспоминания о работе в Норильске / А.Е. Воронцов // Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра. – Новосибирск, 2003. – С. 60-92.
13. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – СПб., 1865. – 360 с.
14. ГАИО. – Ф. Р-541. – Оп. 1. – Д. 206. – 5 л.
15. ГАКК. – Ф. 117. – Оп. 1 – Д. 1388.
16. ГАКК. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 522. – 89 л.
17. ГАКК. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 909. – 18 л.
18. Геолком. Красноярское отделение. – Ф. 59. – Д. 1550. – 19 л.
19. Гладкий, Ю.Н. Гуманитарная география. Научная экспликация / Ю.Н. Гладкий. – СПб., 2010. – 664 с.
20. Гладкий, Ю.Н., Сухоруков В.Д. Экологическое равновесие географического пространства / Ю.Н. Гладкий // Современные географические и междисциплинарные исследования: коллективная монография / отв. ред. Д. А. Субетто, А. Н. Паранина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 5-16.
21. Головачёв, П.М. Экономическая география Сибири / П. М. Головачёв – М., 1914. – 183 с.
22. Григорьев, Ал.А. География культуры : учебное пособие / Ал.А. Григорьев. М., 2024. – 372 с.
23. Григорьев, Ал.А., Паранина, Г.Н. Культурная география: шаг к истокам? / Ал.А. Григорьев, Г.Н. Паранина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 7. – Вып. 3. – СПб., 2011. – С. 60-72.
24. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – Л., 1989. – 496 с.
25. Гурулёв, С.А. Эвенкийские топонимы от названий рыб / С.А. Гурулёв // Научно-популярный иллюстрированный журнал «Тальцы». – Иркутск, 1998. – № 1 (3). – С. 27-32.
26. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края / Л.Н. Доброва-Ядринцева. – Новониколаевск, 1925. – 84 с.

27. Долгих, Б.О. Происхождение долган / Б.О. Долгих // Сибирский этнографический сборник. – Т. 5. – М. : Изд. АН СССР, 1963. – С. 92-141.
28. Долгих, Б.О. Происхождение нганасанов / Б.О. Долгих // Сибирский этнографический сборник. – Вып. I. – М., Л.: 1952. – С. 5-88.
29. Дружинин, А.Г. Теоретические основы географии культуры / А.Е. Дружинин. – Ростов-на-Дону, 1999. – 152 с.
30. Дульзон, А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока / А.П. Дульзон // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Т. II. – С. 86-98.
31. Дуров, И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И.М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 456 с.
32. Дьяченко, В.И. Охотники высоких широт. Долганы и северные якуты / В.И. Дьяченко. – С-Пб., 2005. – 272 с.
33. Дьяченко, В.И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра / В.И. Дьяченко // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) : сборник научных статей. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 68-123.
34. Жучкевич, В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – Минск, 1968. – 288 с.
35. Заделёнов, В.А. Ихтиофауна Больших Норильских озёр / В.А. Заделёнов, Л.А. Глущенко, В.В. Матасов, Е.Н. Шадрин // Научные труды ФГБУ «Заповедники Таймыра». – В. 1. – Норильск : «АПЕКС», 2015. – С. 117-120.
36. Замятин, Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации / Д.Н. Замятин // Вестник Евразии, 2002. – №2. – С. 5-17.
37. Замятин, Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М., 2006. – 488 с.
38. Зеленев, Е.И. Геокультурное пространство и геокультурные поля: теория вопроса / Е.И. Зеленев // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. – С. 19-28.
39. Иванов, Б.С. Снежногорск, до востребования / Б.С. Иванов. – Красноярск, 2004. – 280 с.

40. Исаченко, А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование / А.Г. Исаченко. – М. : «Высшая школа», 1991. – 366 с.
41. Калущков, В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: теоретико-методологический аспект / В.Н. Калущков // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 128-147.
42. Кейметинов, В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии / В.А. Кейметинов. – Якутск, 1996. – 188 с.
43. Клоков, К.Б. Оленеводческое хозяйство коренных народов севера России : информационно-аналитический обзор / К.Б. Клоков. – Т. 1. – С-Пб, 2004. – 182 с.
44. Колпащиков, Л.А. К вопросу о взаимоотношениях диких и домашних северных оленей / Л.А. Колпащиков // Ресурсы диких северных оленей Енисейского севера и их использование. – Новосибирск, 1981. – С. 43-47.
45. Кривошапкин, М.Ф. Енисейский округ и его жизнь / М.Ф. Кривошапкин. СПб., 1865. – 650 с., илл., карт.
46. Крупник, И.И. Арктическая этноэкология / И.И. Крупник. – М.: «Наука», 1989. – С. 192.
47. Крутовский, В.М. Попытки хлебопашества в Туруханском крае / В.М. Крутовский. – Тобольск, 1898. – 16 с.
48. Кунсткамера. – «Проект отвода территорий, выбора и распланировки хозяйственного центра колхозу «Красной Армии» Норильско-Пясинского к/с Дудинского района Таймырского национального округа», 1937. – Л. 47.
49. Курилов, Н.Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) / Н.Н. Курилов. – Якутск, 1999. – 48 с.
50. Лебединский, В.Н., Мельников П.И. Звезда Заполярья / В.Н. Лебединский, П.И. Мельников. – М. : Профиздат, 1971. – 112 с.
51. Леонтьев, В.В., Новикова, К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В.В. Леонтьев, К.А. Новикова. – Магаданское книжное издательство, 1989. – 456 с.

52. Макаров, Н.П., Баташев, М.С. История и культура народов Приенисейского края / Н.П. Макаров, М.С. Баташев. – Красноярск : СФУ, 2007. – 246 с.
53. Малолетко, А.М. Географические названия Хантайской гидросистемы / А.М. Малолетко // Вопросы географии Сибири. – Вып. 14. – Томск, 1983. – С. 103-124.
54. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. : репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М. : ТЕРРА, 1997. – Т. 4. – 624 с.
55. Манаков, А.Г. Основы культурно-географической регионалистики / А.Г. Манаков. – Псков, 2006. – 188 с.
56. Манаков, А.Г. Структура и динамика геокультурного пространства Северо-Запада России: дисс. докт. геогр. Наук: 25.00.24 / Манаков Андрей Геннадьевич – СПб., 2003. – 290 с.
57. Масленников, Б.Г. Морская карта рассказывает / Б.Г. Масленников. – М. : «Военное издательство», 1986. – 368 с.
58. Мельников, А.В. Топонимический словарь Амурской области / А.В. Мельников. – Благовещенск, 2009. – 232 с.
59. Миддендорф, А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири / А.Ф. Миддендорф. – Ч. I – СПб. : Издательство ГеоГраф, 2006. – 922 с., илл.
60. Мифологические сказки и исторические предания нганасан / запись и подг. текстов, введ. и комм. Б.О. Долгих. М. – М., 1976. – 342 с.
61. Мурзаев, Э.М. География в названиях Э.М. Мурзаев. – М. : «Наука», 1982. – 178 с.
62. Народы мира : этнографические очерки / под общ.ред. С.П. Толстова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1084 с.
63. Научный архив штаб-квартиры РГО. – Р. 57. – О. 1. – Д. 65.
64. Научный архив штаб-квартиры РГО. – Ф. 104. – О. 1. – Д 7. – 5 л.
65. Паранина, А.Н. Потенциал междисциплинарных исследований в географии культуры / А.Н. Паранина // Вестник Международной академии наук (русская секция), 2017. – №1. – С. 81-84.

66. Пестов, И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года / И.С. Пестов. – М., 1833. – 308 с.
67. Попов, А.А. Нганасаны / А.А. Попов. – М.-Л., 1948. – 144 с., илл.
68. Пресноводные рыбы Средней Сибири / Н.А. Богданов, Г.И. Богданова, А.Н. Гадинов, В.А. Заделёнов, В.В. Матасов, Ю.В. Михалёв, Е.Н. Шадрин, под общ. ред. Е.Н. Шадрина. – Норильск : «АПЕКС», 2016. – 200 с.
69. РГЭА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 20.
70. Ремезов, С.У. Чертёжная книга Сибири / С.У. Ремезов. – М., 1701. – 98 с.
71. Россия. Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгаузь, И.А. Ефронъ; начатый проф. И.Е. Андреевскимъ, продолжается подъ редакціей К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевскаго. – СПб., 1898. – 922 с.
72. Русские люди на Таймыре в XVII-XVIII столетиях / П.Н. Барахович, Д.Н. Лысенко, Н.С. Степанов, М.В. Михайлова. – Красноярск : ЛИТЕРА-принт, 2023. – 112 с.
73. Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства. Состояние и управление популяциями дикого северного оленя/карибу / под ред. Б. Улвевадет, К. Клоков. – СПб., 2004. – 168 с.
74. Симченко, Ю.Б. Культура охотников на оленей северной Евразии / Ю.Б. Симченко. – М., 1976. – 320 с.
75. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока / сост. В.К. Комаров. – М., 1967. – 102 с.
76. Сотников, А.А. К вопросу эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды в связи с практическим осуществлением и развитием Северного морского пути / А.А. Сотников. – Томск, 1919. – 54 с.
77. Социально-экономическая география. Понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – 328 с.

78. Стрелецкий, В.Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) / В.Н. Стрелецкий // Вестник исторической географии. – Т. 1. – Смоленск, 1999. – С. 31-53.
79. Стрелецкий, В.Н. Этническое расселение и география культуры / В.Н. Стрелецкий // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география 1985-1996. Аналитико-библиографический обзор. – М., 2001. – С. 396-466.
80. Стрельченко, В.И. Очерки истории и философии науки / В.И. Стрельченко – СПб., 2018. – 412 с.
81. Стрючков, С.А. История домов и людей. Восстановленные факты истории архитектуры и гражданского строительства Норильска / С.А. Стрючков, под ред. Л.Н. Стрючковой. – Норильск : АПЕКС, 2017. – 560 с.
82. Таймыро-Североземельская область (физ.-геогр. характеристика) / под ред. канд. геогр. наук Р.К. Сиско. – Л. : Гидрометеиздат, 1970. – 374 с.
83. Топонимика морей советской Арктики / сост. С.В. Попов, В.А. Троицкий. – Л., 1972. – 316 с.
84. Третьяков, П.И. Туруханский край / П.И. Третьяков // Записки Императорского Русского географического общества. – С-Пб., 1869. – 530 с.
85. Троицкий, В.А. Развитие географических представлений о полуострове Таймыр: дисс.канд.геогр.наук / Троицкий Владилен Александрович. – Л., 1975. – 170 с.
86. Туголуков, В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. / В.А. Туголуков. – М.: «Наука», 1985. – 288 с.
87. Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера : сборник научных трудов / сост. Д. Дж. Андерсон. – Красноярск : «Поликор», 2005. – 448 с., илл.
88. Убрятова, Е.И. Язык норильских долган / Е.И. Убрятова. – Новосибирск : 1985. – 216 с.
89. Урванцев, Н.Н. Норильск (История открытия и освоения медно-никелевых руд сибирского севера) / Н.Н. Урванцев. – М. : «Недра», 1969. – 92 с.

90. Урванцев, Н.Н. Открытие Норильска / Н.Н. Урванцев – М., 1981. – 176 с.
91. Урванцев, Н.Н. Таймыр – край мой северный / Н.Н. Урванцев. – М. : «Мысль», 1978. – 238 с.
92. Урванцев, Н.Н. Таймырская геологическая экспедиция 1929 г. / Н.Н. Урванцев. – М., Л., 1931. – 48 с., илл.
93. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. – 536 с.
94. Феномен Норильска. История развития Норильского промышленного района» / под общ. ред. В.И. Долгих. – М. : Студия «Полярная звезда», 2006. – 520 с.
95. Фудзисиро, С. Заметки о долганской лексике в долганско-русском словаре К.М. Рычкова / С. Фудзисиро // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – Сыктывкар, 2014. – №4 (28). – С. 23-34.
96. Хазанович, А.М. Друзья мои нганасаны / А.М. Хазанович. – Красноярск, 1973. – 292 с.
97. Хелимский, Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи / Е.А. Хелимский. – М., 2000. – 640 с.
98. Хлобыстин, Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья / Л.П. Хлобыстин. – СПб., 1998. – 342 с.
99. Шостакович, В.Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири / В.Б. Шостакович // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. – Вып. 2. – Иркутск, 1926. – С. 115-130.
100. Энгельгардт А.П. Русский Север / А.П. Энгельгардт. – СПб., 1897. – 258 с., карт.
101. Этногенез народов Севера / под ред. И.С. Гурвич. – М. : «Наука», 1980. – 278 с.

102. Якушкин Г.Д., Колпашиков Л.А., Поспелов И.Н., Поспелова Е.Б. Живая природа Таймыра / Г.Д. Якушкин, Л.А. Колпашиков, И.Н. Поспелов, Е.Б. Поспелова. – Норильск, 2021. – 272 с.
103. Tent J. Approaches to Research in Toponymy / J. Tent // Names: Vol. 63. – №2, June 2015. – pp. 65-74.

Приложение А

(обязательное)

Ойконимы геокультурного пространства Таймыра в соответствии с универсальной комплексной классификацией

№	Топоним	Объектность (I)	Субъектность (II)	Контент (III)
1	2	3	4	5
1	Байкаловск	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
2	Валёк	комоним	русск.	физиотопоним (навиг.)
3	Волочанка	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
4	Воронцово	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
5	Дудинка	астионим	палимп.	-
6	Жданиха	комоним	русск.	антанатопоним (навиг.)
7	Кайеркан	комоним	палимп.	-
8	Караул	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
9	Катырык	комоним	долг.	хомотопоним (навиг.)
10	Каяк	комоним	палимп.	-
11	Кресты	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
12	Левинские Пески	комоним	русск.	антанатопоним (навиг.)
13	Мунгуй	комоним	палимп.	хомотопоним (навиг.)
14	Новая	комоним	русск.	антанатопоним (навиг.)
15	Новорыбная	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
16	Норильск	астионим	русск.	хомотопоним (навиг.)
17	Оганер	комоним	долг.	хомотопоним (навиг.)
18	Попига́й	комоним	палимп.	-
19	Потапово	комоним	русск.	хомотопоним (мемор.)
20	Пшеничный Ручей	комоним	русск.	антанатопоним (навиг.)
21	Снежногорск	комоним	русск.	антанатопоним (мемор.)
22	Сопочный	комоним	русск.	физиотопоним (навиг.)

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
23	Сындасско	комоним	палимп.	-
24	Талнах	комоним	палимп.	-
25	Усть-Авам	комоним	палимп.	антанатопоним (навиг.)
26	Усть-Порт	комоним	русск.	хомотопоним (навиг.)
27	Хантайское Озеро	комоним	палимп.	антанатопоним (навиг.)
28	Хатанга	комоним	палимп.	-
29	Хета	комоним	палимп.	-

Приложение Б
(обязательное)

Словарь топонимов геокультурного пространства Таймыра, относящихся к самодийской, тунгусо-маньчжурской и тюркской субъектности (по УКК), а также имеющих происхождение из поморской говори

Субъектность	Топоним	Перевод
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Ненецкий язык	Еновэйяха	Медленная
	Ервяха	Прорытая (Глубокая)
	Еряха	Средняя
	Лабта	Равнинная (Низинная)
	Леканаяха	Трескающаяся (Отделяющаяся)
	Лохорта	Быстрая
	Махангьяха	Правая
	Мялькаседе	(сопка) Чумоподобная
	Надо	Крутая (Обрывистая)
	Нёрха	Имеющая-Тальниковый-Холм
	Няхарто	Триозёрье
	Пайяхасиды	(сопка) Кривой реки
	Паюяха	Ольховая
	Парод	Протока (между двумя реками)
	Пенаяха	Камцсовая
	Пиртиседа	(сопка) Высокая
	Писяяха	Пека-На-Берегу-Которой-Водится-Мышь
	Подьяха	Тонельная (Роцца-По-Берегам)
	Салкаяха	Платная (Река-Где-Платят)
	Саля	Мысовая
	Сармикьяха	Волчья
	Седа	Сопка
	Сейрахоседе	(сопка) Сердцеподобная
	Синюяха	Туманная
	Суюяха	Река Оленёнка
	Сюртяето	(озеро) Круглое
	Таналау	Место Выхода
	Тарка	Рассошья (Обильнотравная)
	Татебяхасиде	(сопка) Около-Реки-С-Икрой
	Тирибьяха	Икорная
	Тюуйяха	Верхняя
	Укси	Порожистая (Водоворотная)
	Хабей	(река) Иноплеменника
Хавэйяха	(река) Мёртвых	
Хадыта	Еловая	

	Халэдэ	Изобилующая Рыбой
	Хальмеряха	Река-На-Которой-Есть-Захоронения
	Ханавэйяха	Соколиная (Ястребиная)
	Хараяха	Извилистая (Меандрирующая)
	Ходыта	Многоеловая (Много Ели)
	Хойкуяха	Холмистая
	Хэта	Ямная
	Юрибей	(река) Большая Жирная
	Ямбояха	Длинная
	Янгода	Сопочная (Гольцовая)
	Яраяха	Река-С-Крутыми Песчаными Берегами
	Яротто	Изобилующее-Песчаными-Косами
Эвенкийский язык	Авсака	Туесковая (Коробовая)
	Арбакли	Имеющая-Много-Мелей
	Арбун	Дельта (Междуречье)
	Аргакит	Лесная
	Буричи	Место-Где-Потеряли
	Гёеки	Ястребиная
	Гирги	Путь-Позвяктающих-Подвесок
	Горбита	Далёкая
	Гугдакан	Среди-Невысоких-Гор
	Дапту	Устье
	Делимакит	Тайменная (По-Всей-Длине)
	Дептурама	Место-Где-Можно-Сытно-Поесть
	Дёлочи	Каменистая
	Дугэ	Вершина
	Дулук	Срединное (-ая)
	Дэлингдэ	Тайменная (-ое)
	Дюгакит	Место Летних Пастбищ
	Дюпкун	Упряжное
	Дягондэ	Десятая
	Икэн	Перевал
	Кадама	Крутые (-ая)
	Канкы	Быстрая
	Кутуячин	Неудачная (-ое)
	Лакомукон	Лабазная
	Ларнга	Пастниковая(Ловушечная)
	Локоптын	Где-Можно-Набрать-Поперечных-Жердей
	Лонгачи	Место-Где-Ставят-Ловушки
	Лэбети	Болотистая
	Моген	Река Могена (имя эвенка)
	Монгنون	Озорная (Шаловливая)
	Мюкчюкэ	Круглая
	Намакан	Вьючная
	Нёра	Нельмовая
	Олломокит	Рыболовная
	Олодомон	Рыбная
	Омне	Строительная
	Оран	Водопадная (Пороговая)
	Пулванэ	Язевая

	Тогоды	Жаркая
	Тукаланда	Земляная (Глинистая)
	Тунгала	Река-Пяти-Дней
	Турумакит	Где-Можно-Взять-Жердь-По-Всей-Длине
	Тэмукан	Небольшой-Бубен
	Укси	Река-С-Быстриной
	Умукэгдэ	Гнездовое (-ая)
	Хиннангна	Крючковая (от рыболовного крючка)
	Хоймакит	Болотистая (-ое)
	Чопко	Ущелистая (Ямная)
	Чуюрэгдэ	Застружная (имеющая затруги)
	Юктэли	Полыньёвая (имеющая полыньи)
	Юкэлэ	Место-Вяленой-Рыбы
	Ююль	Худая (Нежирная) в значении Голодная
	Якачан	Болотистая
	Янг-Хэгды	Громадная сопка
Долганский язык	Абагалах	Злая (-ой)
	Алагардах	Окунёвая (-ый)
	Аргас	Похожий-На-Спину (Позвончик)
	Бастах	Головоподобный
	Баты-Юрях	Речка-На-Котрой-Была-Погоня
	Бёкчөгёрдөх	Согнутый (-ая)
	Бёрёлөх	Волчья
	Бир-Мас	Там-Где-Растёт-Одно-Дерево
	Болтум	Младшего Брата
	Далдыкан	Вкусенькая (Вкусняшка)
	Джиелях	Где-Есть-Жилище
	Дирингкян	Глубокий
	Ергалах	Хариусная (-ое)
	Кабыкотас	Куропаточий (-ья)
	Канык-Кюель	Кровяное
	Каялах	Гористый (-ая)
	Киеналы-Кюель	Центральное
	Киенг-Чичахтах	Птичьи-Просторы
	Копсоктох	Амбарная
	Костыляк	Двуязычный
	Кубалах	Лебяжье (-ья)
	Куалай-Кюель	Трубное
	Куччугуй-Шайтан	Маленького Шайтана
	Кыйда	Потеря
	Кыстыктах	Где-Есть-Зимовье
	Кыыс-Юрях	Дочкина Речка
	Мастахала	Дровяная
	Маягастах	Сиговая
	Намалах	Река-Сумки-Для-Женской-Одежды
	Омокта-Юрэх	Речка Чужаков
	Онгуохтах	Останковая (-ое)
	Орто	Середина
	Отах	Цветочная (-ое)
	Оюрдах	Лесная (-ое)

	Сахыр	Место Весновки
	Сиегенный	Сырая (-ой)
	Сис-Кюель	Сопочное
	Сордонгнох	Щучье (-ья)
	Талактах	Заросший Кустарником
	Тангаралах	Где-Есть-Бог (Икона)
	Тонгулах	Замерзающая (-ое)
	Туора-Мас	С-Деревьями-Поперёк
	Тэнгкэн	Ровная (-ое)
	Улахан-Юрях	Большая речка
	Устугастыр	Чировая (-ое)
	Усун-Уолбут	Длинная Река Нашего Мальчика
	Урдах	Предков
	Усун-Юрях	Длинная Речка
	Хампархай	Самоедская (-ое)
	Хараелах	Еловая (-ый)
	Хатыстах	Осетровая
	Хахалар	Лисья (-ье)
	Хаялах	Место Летовки
	Хёремус	Обвивающая (Со-Множеством-Изгибов)
	Хоккор	Место Кривого (слепого на один глаз)
	Хордогойнах	Щучье (-ья)
	Челкэ-Юрях	Белая Речка
	Чечирян	Сопочная (-ое)
	Чокурдах	Сердоликовая (Янтарная)
	Чомогордох	На Возвышенности
	Чуостах	Тракторная (-ое)
	Эбэкэ	Медвежья (-ье)
	Эбеккеляр	Медвежья (-ье) (Много Медведей)
	Элдэн	Где-Видно-Полярное-Сияние
	Эмельден	Морянковая
	Эмис-Балыктах	Жирных Балыков
	Эргей-Оттох	Заросшая (-ее)
	Эргей-Джие	Хорошее Место (Везде-Дом)
Якутский язык	Омнутах	Река-Поросшая-Хвощом
	Омук	Чужеземное (Юкагирское)
	Уолба	Усыхающее
Нганасанский язык	Аника	Большое
	Асейнатари	Долганская
	Бантуода	Верхнее (-яя) (Коренное (-ая))
	Байкура	Старика (Мужа)
	Бафи	Дикого Оленя
	Бинюда	Место Линьки
	Буотангкага	Широкое течение
	Бягода-Турку	Куропаточье (Озеро-Где-Живёт-Самец-Куропатки)
	Десуа	Отца
	Диенебигай	Ягельная
	Дикарабигай	Горная
	Дюйкока	Круглое (-ая)

Дюмталей	Снежная (-ое)
Дюрэгатурку	Глубокое
Дянгуртари	Тундровая
Иньва	Старухи (Жены)
Кантуда-Тари	Закатный (Приток-Где-Заходит-Солнце)
Киинка-Турку	Центральное
Кодябигай	Пересыхающая
Контада-Бигай	Добычная (Река Добычи)
Контаракубару	(скала) Нартоподобная
Косотурку	Высохшее
Коу	Место Солнца
Кюкур	Место Добычи
Лыгучаму	Место Несчастья
Люнгфада	Вязкое Место
Лянсорэтэ	Тальниковая
Маганкаямү	Место Горбатого
Мадебигай	Река-Где-Стоял-Чум
Малазубигай	Разноцветная
Матуда	Стоянка Чума
Мугкаси	Лесная
Нада-Турку	Ближнее
Найбо	Длинное
Нгойбуен	Начальника
Нейменку	Игольная (-ое)
Нему-Дика-Тарида	Большой Горный приток
Нерутатари	Болотистый (-ая)
Нюадара	Ребёнка
Нюдябору	Река Обвалившихся Берегов
Нюнюда	Налимья
Нягаме	Хорошее Место
Нядемо	Нганасанская протока
Няйлябигай	Река Радости
Няры-Бигай	Лысая (Голая)
Сангфалянгка	Пуночкиных Песен
Сатудатурку	Глинистое
Сенкесатари	Ночёвочный (-ая)
Сингаситари	Мелкий (-ая)
Синедабигай	Студёная (Холодная, Ледяная)
Сонитэ	Чаячья (-ье)
Сонасыты-Яму	Место-Чаек-Из-Залива (Моря)
Сорулему	Дождевая (-ое)
Сэрэгэн	Гора-Которая-По-Пути
Сюдяметари	Конечный (-ая)
Толбато	Овражистая (-ое)
Торкунудамоу	Непроходимая Земля
Торудейтари	Приток-На-Котором-Работают
Тундалаку	Лисья (-ье)
Тусука-Тари	Чёрный (-ая)
Фадью-Куда	Река-Кривого-Горного-Хребта
Фала-бигай	Каменная

	Фиедибобу	Место-Где-Живёт-Горностаи
	Фудему	Место-Деревянного-Порога (Входа-В-Чум)
	Хелалитурку	Озеро Страха
	Хиромякубигай	Сопочная
	Ходэ-Бигай	Кривая
	Холькай	Грязная
	Хосэ-Бигай	Закатная (Где-Заходит-Солнце)
	Хутудабигай	Ущелистая
	Хурсубигай	Река-Где-Делают-Хурсу (мука из сухой рыбы)
	Чайби-тари	Приток Живота
Диалект русского языка (поморская говóря)	Валёк	по названию рыбы, похожей на скалку (валёк)
	Карабатаой	от формы прилагательного «горбатой»
	Каргы (Харгы)	от мели – «корга»
	Кодлоозеро	озеро, похожее по форме на ведро – «котло»
	Кокора	по валежнику (толстым прикорневым стволам («кокорам»)) на дне озера
	Кумжевое	по названию рыбы
	Кюсной	от формы прилагательного «вкусной»
	Лабаз	от охотничьего амбарчика, поставленного на сваи или ствол дерева – «лабас»
	Лайда	по местности, напоминающей большое заливное пастбище с множеством лыв (луж)
	Ломанай	от формы прилагательного «ломаной»
	Ниденькой	от формы прилагательного «низенькой»
	Норильская	по рыболовной снасти «норило»
	Танкой	от формы прилагательного «тонкой»
	Тонское	по рыболовному участку «тоня»
Чабак	по названию заячьей шапки	